

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Н. Н. КАРАЗИНА.

1344

ГОЛОСЪ КРОВИ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе П. П. Сойкина.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Отремянная, 12, соб. домъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Мясной, 98, уг. Надежы

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 сентября 1905 г.

44942 - 43

2010513537

Типографія П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Прологъ.

— Nadine, вамъ письмо!

Это произнесла полная, приземистая классная дама, появившаяся въ дверяхъ общей залы института.

— Тамъ еще какой-то военный хочетъ васъ видѣть. Онъ и письмо это привезъ. Поправьте вашу косынку, приведите въ порядокъ прическу, прочтите прежде, что вамъ пишутъ, и можете выйти въ приемную.

Nadine вспыхнула до ушей, широко раскрыла свои и безъ того замѣчательно большіе, сѣрые глаза, словно испугалась чего то, робко протянула за письмомъ свою пухлую ручку и принявъ толстый пакетъ съ темно-бурою печатью и съ четко, крупно выведеннымъ адресомъ, хотѣла было, по институтской привычѣ, спрятать его подъ передникъ.

— Прочтите же! не заставляйте себя ждать!— подтвердила классная дама.— Mesdames, не мѣшайте Горькиной,— обратилась она къ другимъ институткамъ.

Пять или шесть «mesdames», такихъ же юныхъ, только что окончившихъ курсъ, взялись подъ руки и отошли отъ своей подруги, а Надя, тутъ же посреди зала, надорвала конвертъ и принялась за чтеніе.

Ея глаза оживлялись все болѣе и болѣе, бѣлая косынка на груди заколыхалась живѣе и выше... Машинально она подвигалась къ сторонѣ оконъ, ближе къ свѣту и, коснувшись колѣномъ дубоваго диванчика, сѣла, опустила руку съ письмомъ, наскоро отерла слезу другою, свободною, и тотчасъ же снова принялась за чтеніе, жадно вшиваясь глазами въ каждую строчку, въ каждое слово.

— Не надо волноваться! Это и наивно, и вредно!—внушительно замѣтила классная дама и направилась къ своему креслу, гдѣ лежалъ ея мѣшокъ съ какою то начатою вязальною работою.

Надя читала... Подруги ея заговорили шепотомъ, держась въ сторонѣ. Въ залѣ стало совсѣмъ тихо... Только издали, изъ классныхъ комнатъ, доносился монотонный голосъ учителя, да по временамъ слышалась дробная топотня маленькихъ ножекъ пробѣгавшихъ украдкою по коврамъ длинныхъ полутемныхъ корридоровъ.

Надя читала... А въ открытыя высокія окна, словно на штурмъ, лѣзли зеленыя вѣтви старыхъ липъ институтскаго сада, широкими волнами врывался теплый весенній воздухъ и будто изъ иного, полнаго невѣдомой жизни, волшебного-таинственного міра, неслись чарующіе звуки: пѣніе птицъ, грохотъ колесъ, плескъ прибоя, свистки пароходовъ, обрывки то заунывной, то бойко-разгульной пѣсни, глухой гулъ базарной площади, протяжный, мирный звонъ монастырскаго колокола... И всѣ эти звуки глубоко проникали въ душу читавшей дѣвушки, рисуя передъ ея глазами чудныя картины этого иного міра; и картины эти сливались во-едино со смысломъ словъ и строкъ письма; онѣ безконечною лентою вились и сплетались со строками, разстилая передъ Надей чудную панораму, пополняющую писаное слово живою иллюстраціею.

Глухія рыданія неожиданно, разомъ, огласили пыльные своды институтской залы, но въ этихъ рыданіяхъ не слышалось горя... Это были слезы счастья, слезы перехода изъ одной жизни въ другую, слезы дѣлой массы сразу нахлынувшихъ, неопредѣленныхъ предчувствій...

Поднявшаяся было въ залѣ суматоха по этому случаю, требованіе воды и спирту, сочувственные «ахи» и «охи»... все это улеглось очень скоро. Рокоевое письмо перешло въ руки классной дамы, а все еще всхлиывающую, сквозь слезы уже смѣющуюся Надю окружили ея подруги, тоже взволнованныя, сгорающія любопытствомъ, предлагающія ей всевозможныя успокоительныя услуги.

«Милое мое, горячо любимое, родное дитяtko, Надюшенька!» читала въ свою очередь классная дама, сдвинувъ брови и придавъ своему лоснящемуся лицу самое сосредоточенное выраженіе.

«Въ нашу глухую сторону—почта хоть и нескоро доходить, да все-таки доходить же. И, вотъ, спустя два мѣсяца, я получилъ твое писъмецо, несказанно меня порадовавшее и утѣшившее. Эхъ, кабы матушка твоя жива была, да мы бы вмѣстѣ это письмо читали, то-то бы ей радость была!.. Не привелъ Господь!.. Его на то Святая Воля! Благодареніе Всевышнему, ты выдержала молодцомъ свой послѣдній, выпускной экзаменъ и теперь вольный казакъ! Прочелъ я и отиѣточки, къ сему твоему писъму приложенныя, и очень уже особенно порадовало меня, что по Закону Божью и по русской словесности у тебя по пятку, да еще съ крестами. Это самое главное! По математикѣ у тебя слабѣе, да это не бѣда! Было-бы что считать, послѣ, въ жизни своей, еще научишься. За музыку тоже спасибо! Оно, знаешь ты, очень пріятно, когда, вечеркомъ, зимою, на фортепьянѣ... Я даже приторговалъ здѣсь, въ Ташкентѣ, одинъ инструментикъ, недорого, и не такъ, чтобы уже очень подержанный. Языки, особенно французскій, это тоже очень хорошо! У насъ многія дамы изъ высшаго начальства и сама губернаторша любятъ, когда сойдутся гдѣ, перекинуться на семь діалектѣ, при прочей публикѣ; въ случаѣ чего и ты у меня передъ ними лицомъ въ грязь не ударишь... Да это все потомъ увидимъ, а вотъ теперь перейдемъ къ главному.

«Осталась ты у меня, Надюха, послѣ твоей покойной матушки и моей супруги Марьи Дементьевны, малолѣткою по девятому году. Милостью начальства и щедротами хояина моего, Михайлы Алексѣевича, свезъ я тебя въ институтъ и помѣстилъ на все казенное содержаніе, да съ тѣхъ самыхъ поръ и не видѣлись мы съ тобою болѣе, только писъмами перекидывались. Шутка ли! Вѣдь безъ малаго три тысячи верстъ разстоянія насъ раздѣляло. Семь лѣтъ прошло, и въ эти семь лѣтъ много воды утекло... Многое перемѣнилось! Помню я тебя ребенкомъ, милымъ, ласковымъ, послушнымъ, а по писъмамъ твоимъ вижу, что ты теперь еще лучше стала... Умница ты, моя драгоценная!.. То-то, думаю, какая ты теперь у меня изъ себя красавица... Была, вѣдь, ты ребенкомъ только мастью въ меня, а лицомъ, глазами особенно, вся въ покойницу маменьку. Приѣдешь, погоди, у нашихъ здѣшнихъ молодцовъ какъ глаза разгорятся!.. Пишешь ты, что трудиться хочешь, мѣстовъ

искать въ гувернантки, или тамъ въ учительницы казія... не надо—брось! Своихъ, можетъ быть, крошекъ учить будешь... довольно съ тебя этого, имъ вотъ и передашь всё свои знанія... Да ты не стыдись, голубушка, не краснѣй, читая мои простые слова, я вѣдь и за три тысячи верстъ сердцемъ своимъ тебя какъ глазами вижу. Извѣстно, дѣло житейское!

«Люди же, не знаю, какъ у васъ, а въ нашей сторонѣ есть отличные! ребята отмѣнные! Укажу котораго,—бери смѣло, если сердце у тебя отзовется... Жду не дождусь такой себѣ подъ старость радости... Сторона же у насъ превосходная! Вѣришь ли? Осетрина свѣжая по шести копѣекъ, икра зернистая по гривеннику, фазановъ пара пятнадцать копѣекъ, а винограду, персиковъ, фруктовъ разныхъ, такъ даромъ бери и кушай—сколько душа потребуешь...

«Домъ я себѣ здѣсь, въ «Глухомъ фортѣ», отстроилъ хорошій; при домѣ и главная контора нашего торговаго агентства—шесть комнатъ, конюшня о четырехъ стойлахъ, коровникъ, ледникъ первый въ фортѣ, садъ на восьми безъ малаго танапахъ (такая мѣра есть) и какой садъ! Тѣни-то, вѣни сколько! И купальня въ немъ устроена съ палаткою.

«По вечерамъ у насъ музыка батальонная на барбетѣ играетъ, господа офицера собираются, изъ жителей, кто почище, флотскіе тоже, когда пароходы снизу подходятъ... Помнишь ты Ивана Акимовича? высокаго такого, толстаго... Онъ еще тебѣ куклы все шилъ изъ цвѣтного сукна?.. Онъ живъ! Въ полковники теперь вышелъ, и у насъ артиллерійскимъ складомъ завѣдуетъ... Два года тому назадъ сынъ его изъ кадетскаго корпуса пріѣхалъ, ротою въ здѣшнемъ батальонѣ командуетъ. Отличный молодой человекъ, красавецъ писанный, только усомъ еще и признака не имѣется, а все-таки покручиваетъ пальцами по голой губѣ. Забавно!

«Мы часто вмѣстѣ ѣздимъ на затоны рыбу ловить, самоваръ беремъ съ собою,—сазаны больше аршина попадаются. Иванъ Акимовичъ мнѣ говоритъ какъ-то: «Скоро ли, говорить, эта красоточка наша пріѣдетъ?» а самъ это искоса на сына поглядываетъ, да меня въ бокъ локтемъ толкаетъ... Чудаекъ, право!.. Ну, да тамъ, впрочемъ, все сама увидишь.

«Батюшка нашъ, отецъ Павелъ, все тотъ же, что и тогда, помнишь, молебень служилъ напутственный, просфору тебѣ далъ

большую? Много новыхъ понаѣхало въ нашу край, много старыхъ перемерло; многое вообще переиѣнилось. Дѣлянки мои тоже поправились; будетъ съ чѣмъ коротать остатокъ жизни, да и тебѣ останется... Ты вѣдь у меня теперь не безприданница! Тысячъ десять тебѣ наличными припасъ, не считалъ дома и всякаго прочаго. Душою рвался самъ къ тебѣ, да дѣла не позволили. Хозяинъ у насъ новый объявился, сдача дѣлъ и суммъ, время горячее! Все на моихъ плечахъ: и по красному товару, и по питейному. И вотъ надумалъ я послать за тобою Силантія Иванова, потому на этого человѣка у меня какъ на самого себя полное упованіе. Онъ тебя привезетъ сюда бережно и сохранно какъ царицу индіанскую. Тарантасъ велѣлъ купить новый, покойный, съ фордекомъ и на прогоны денегъ не жалѣлъ, а пароходомъ по Волгѣ-матушевѣ вплоть до Самары поѣдешь, такъ наказъ мой Силантію, чтобы въ перевозѣ имѣлось особую каюту взять и зорко бы поглядывать, — дабы кто тебѣ, не только дѣломъ или словомъ, взглядомъ бы какимъ пустымъ не обидѣлъ бы.

«Дорога предстоитъ тебѣ дальняя, да ты не торопись, ночью не ѣзди, а пережидай на станціяхъ, спи покойно, но утомляй себя напрасно. Изъ Ташкента выишлишь съ письмомъ нарочнаго, мы тебѣ здѣсь торжественную встрѣчу устроимъ.

«Силантію Иванову предписано передъ выѣздомъ молебень отслужить съ водосвятиемъ въ вашей же институтской церкви и пакетъ вручить вашему батюшкѣ, со вложеніемъ; таковой же пакетъ и ея высокопревосходительству, начальницѣ вашей, съ благодарностью; не побрезгуетъ пусть, отъ чистоты признательности отцовскаго сердца. Окромѣ этихъ двухъ пакетовъ, Силантію дано на дорогу пятьсотъ рублей, да и сотню особенно, на твои собственные руки... Можетъ, что купить понадобится, или задолжала кому въ институтѣ — плати и покунай, не стѣсняйся.

«Третьяго дня у насъ саранча пролетѣла, чуть только нашего сада не задѣла... Туча-тучею! даже темно середь полудня стало. Шелобовъ капитанъ, волкъ его заѣшь, молодчина! Седьмого тигра одинъ на одинъ ухлопалъ и, вѣрнень ли? — пить пересталъ... уже второй годъ, послѣ болѣзни своей и виднѣннй разныхъ. Отслужилъ молебень, девять дней отговѣлъ, исповѣдывался, святыхъ таинъ принять сподобился и бросилъ... Узнать

нельзя что за человекъ сталъ: здоровый, могучій, богатырь-богатыремъ, только натурою сталъ словно не такъ веселъ какъ прежде—степеннѣе.

«Теперь у насъ въ степи покойнѣе стало, а то было начали пошаливать азіаты. Наши въ отрядъ отсюда ходили, мѣсяца три въ походѣ пробыли. Водилъ майоръ Грузиковъ (это изъ новыхъ), а я спиртъ и аптечный товаръ поставлялъ; аттестатъ благодарный получилъ отъ самого генераль-губернатора.

«Здоровьемъ я отъѣнно хорошъ, хоть и посѣдѣлъ сильно, только о тебѣ, ангелъ моемъ утѣшителъ, все скучаю... Ну, да ужъ недолго осталось! Получилъ твое письмо послѣднее, Силантія отправилъ, и въ домѣ у меня веселѣе стало, чувствуется будто ты уже здѣсь. То по комнатамъ, то въ саду—все твой голосокъ звонкій слышится. А за чай сажусь, такъ ужъ нарочно налью себѣ стаканъ, да и саду въ сторонѣ, и кажется, что ты изъ-за самовара выглядываешь, спрашиваешь: «А не налить ли тебѣ, папочка, еще стаканчикъ горяченькаго...» Я это сейчасъ говорю: «Налей, душенька»,—самъ обойду стороной, да и самъ же налью себѣ... Мыслью это о тебѣ словно ребенокъ брежу... Хе-хе... вотъ оно мнѣ старикъ какое счастье сказочное подваливаетъ!

«Вчера Павлуша приходилъ (это сынокъ Ивана Акимыча), принесъ лозу виноградную, изъ Бухары ему особенную привезли. Самъ и посадилъ ее передъ твоими овошьями. Говорить, будто гроздь розовая будетъ и жасминомъ пахнуть... Да, чуть не забылъ! Днемъ въ дорогѣ будетъ жарко, а ноги пойдутъ холодныя, такъ ты на ночь ножки хорошенько мѣхомъ окутывай. Я тебѣ съ Силантіемъ, сего ради, выслалъ одъяло бѣлое изъ тибетскихъ козъ... Не забудь же!

«На сырье, на арбузы, дыни и что подобное сразу не накидывайся. Да, впрочемъ, во всемъ слушайся Силантія, а его настроилъ какъ слѣдуетъ, да и самъ онъ старикъ разсудительный и бывалый.

«Еще разъ заочно благословляю тебя, вѣрнѣе прижимаю къ своему родительскому сердцу и жду не дождусь твоего прїѣзда—моя родная, ненаглядная голубка-Надюшенька.

Твой, горячо-любящій тебя отецъ,

Федоръ Горкинъ.

«Р. S. Платевъ себѣ много не надѣлывай, потому танцить ихъ такую дорогу не стоитъ, да и здѣсь у насъ разныхъ матерій сколько хочешь! И дешевле, и не въ примѣръ добротѣе. А ложки серебряныя, что я съ тобой въ институтъ далъ, не оставляй, заплати деньгами лучше, хоть вдвое, что слѣдуетъ, потому на ложкахъ этихъ вензеля твоей покойной матушки, а моеи супруги, Марии Дементьевны. Царство ей Небесное! Еще разъ до свиданья и еще разъ заочно благославляю тебя и крѣпко цѣлую...»

«И я тоже... Въ приятномъ ожиданіи,

Иванъ Акимовъ, сынъ Глухаревъ, подполковникъ и кавалеръ».

«Позвольте и мнѣ приписать, хотя и не имѣю чести Васъ знать лично, но съ позволенія Вашего батюшки, что, исполнѣ сочувствуя радости Вашего родителя, присоединяю и свои искреннія пожеланія счастливой и скорой дороги.

Павелъ Глухаревъ, подпоручикъ».

— *Quelle drôle de manière d'écrire!*—пожавъ плечами улыбнулась классная дама, дочитавъ все письмо до конца очень внимательно, и отправилась съ нимъ въ комнаты директрисы. Проходя черезъ пріемную, она съ такимъ же вниманіемъ осматривала съ ногъ до головы высокаго старика, въ длинномъ солдатскомъ, отставномъ скруткѣ, сидѣвшаго на кончикѣ стула, у самой двери.

Шелестъ дамскаго платья заставилъ стараго инвалида вскопчить и вытянуться по военному, въ струнку.

— Ахъ! это вы за дѣвицею Надеждою Горкиной?—полюбопытствовала дама.

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство!

— Силантій?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство!

— Ахъ, Боже мой! зачѣмъ же такъ громко!.. Надя Горкина сейчасъ выйдетъ...

— Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство!..

Титулы эти видимо понравились дамѣ; она снисходительно улыбнулась и прошла мимо, а старый служивый все еще не рѣшался присѣсть, несовѣмъ ловко чувствуя себя въ этой, непривычной для него, обстановкѣ пріемнаго институтскаго зала.

I.

— Итакъ, Поля, вотъ, гдѣ судьба привела насъ увидѣться!

— Да, Анатоль! Я радъ отъ души! Здѣсь вѣдь просто обняться можно! Словомъ перекинутесь не съ кѣмъ...

— Да, послѣ петербургской жизни тебѣ, я думаю, трудновато. Два года, кажется, какъ ты здѣсь, въ «ссылкѣ»?

— Почти два. Проклятый Шефель, помнишь? представилъ таки въ штабъ мои векселя. Поднялась цѣлая исторія... Если бы не тетушка и вузина Мэдъ, хотъ въ отставку подавай... Кое-что уплатили, кое-гдѣ пообщали... кое-кого въ шею, а меня сюда! Хотъ бы въ казаки,—еще ничего бы, а то въ этотъ батальонъ, въ эту трущобу и на неопредѣленное время.

— Какъ неопредѣленное?!

— Очень просто... «Для поправленія дѣлъ». А какъ ты ихъ тутъ поправишь, когда и роты не даютъ. Багринцевъ хлопочетъ о переводѣ меня въ оренбургское войско... Тамъ получу сотню; но вѣдь это все такіе пустыки... Впрочемъ, я думаю, все это скоро уладить... Ну, а ты какъ сюда попалъ?..

— Я командированъ сюда въ распоряженіе генералъ-губернатора. Тамъ у насъ довольно сносно... Я даже не ожидалъ—нашихъ много, и живетъ недурно... Впереди все-таки карьера!.. Теперь, вотъ, поручили это слѣдствіе — Ренсгардтъ говорилъ мнѣ передъ отъѣздомъ, что ты здѣсь. Я выхожу отъ губернатора, а онъ дежурнымъ былъ въ этотъ день, и говоритъ мнѣ: «Знаешь, тамъ ты встрѣтишь стараго знакомаго». «Кого?» спрашиваю. «Поля Криницына!..» Я очень обрадовался и...

— А мнѣ сообщилъ комендантъ, что назначенъ Грунинъ. Я думаю: ужъ не тотъ ли? Бѣгу сюда—и прямо въ твои объятія.

— Fatalité!..

— Fatalité!..

Такъ разговаривали два молодыхъ человека, сидя у стола въ комнатѣ довольно большой и свѣтлой, но болѣе чѣмъ скромно обставленной. Стѣны этой комнаты были начисто оштукатурены алебастромъ, потолокъ въ натяжку подбитъ—тоже вывращенный известкою холстомъ; полъ новый, досчатый, не-

крашенный. Вдоль стѣны стояло нѣсколько вѣсившихъ мягкихъ стульевъ, мягкій диванъ, обитый ковромъ и ярко-краснымъ канаусомъ, большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, мѣсто засѣданія молодыхъ людей, и собою столоченный шкафъ, съ стеклянными дверцами, съ полками, уставленными фарфоровыми вещами, пакетицами въ синей бумагѣ и разною мелочью. На стѣнахъ висѣли въ самодѣльныхъ рамкахъ двѣ роскошныя литографіи, изображающія морскія сраженія; карта туркестанскаго края съ пометками и, почеркнѣвшій отъ пыли, портретъ женщины, въ платкѣ на головѣ и въ клетчатомъ платьѣ. Другой портретъ, фотографическій, стоялъ на столѣ, но этотъ портретъ изображалъ молодую дѣвушку въ институтскомъ костюмѣ.

Передъ Анатодемъ, собесѣдникомъ въ штатскомъ платьѣ, лежалъ на столѣ большой кожаный портфель съ мѣдными застежками и оковками ремней, а передъ другимъ собесѣдникомъ, Подемъ, въ бѣломъ офицерскомъ кителѣ, лежала фотографическая карточка той же дѣвушки, которую онъ только что передъ этимъ разсматривалъ, повидимому очень внимательно, да и теперь искоса поглядывалъ на нее, приговаривая:

— Mais, parole d'honneur! Преинтересная мордочка..

Встрѣча этихъ двухъ молодыхъ людей произошла въ «Глухомъ фортѣ», въ домѣ Федора Петровича Горкина, отставнаго штурманскаго офицера и главнаго торговаго агента фирмы «Хмуровъ и Компанія». Изъ оконъ комнаты видѣлась широкая пыльная площадь форштата, за нею рядъ жиденькихъ тополей, за ними плоскія крыши базарныхъ сараевъ съ законченными, приземистыми трубами, дальше серебристая лента рѣки, съ тонувшими въ знойномъ туманѣ очертаніями противоположнаго, поросшаго камышами, берега. На площади человекъ восемь казаковъ, въ сѣрыхъ рубахахъ и желтыхъ кожаныхъ шароварахъ, держали въ поводу своихъ осѣдланыхъ лошадей; ближе къ крыльцу стоялъ распряженный тарантасъ, въ глубинѣ котораго копошилась фигура донщика, выгружавшаго разныя дорожныя вещи. Пестрая группа туземцевъ сидѣла на корточкахъ, въ тѣни глинобитнаго забора, другая группа русскихъ женщинъ и мужчинъ, обитателей форта, держалась ближе, почти у самыхъ оконъ, а ребяташи,

такъ тѣ, цѣпляясь за подоконники, пытались заглянуть внутрь: «что, молъ, тамъ дѣлается?...» Хоть ихъ и отгонялъ, грозя нагайкою, казакъ-урядникъ, ожидавшій «начальство» у послѣдней ступеньки крыльца.

На всѣхъ лицахъ ясно выражалось тревожное любопытство и ожиданіе. Очевидно было, что произошло нѣчто необыкновенное, разомъ нарушившее ихъ однообразное, сѣрое прожизваніе въ Глухомъ фортѣ.

По боковой улицѣ, ведущей къ воротамъ форта, окруженная облакомъ пыли, быстро приближалась конная группа, мелькали бѣлыя офицерскія фуражки и доносился сдержанный хрипъ горячившихся лошадей.

— Его высокоблагородіе, господинъ комендантъ! — добавилъ урядникъ, заглядывая въ дверь, и скомандовалъ выстроившимся казакамъ:

— Смирно!

Поль и Анатолий встали и взяли за фуражки.

Первый успѣлъ сунуть карточку институтки въ карманъ и вытянулся въ струнку; второй, сохраняя небрежную независимую позу, ограничился только тѣмъ, что вынулъ изо-рта окурокъ сигары.

— А въ саду стоятъ часовые?.. Поставить, поставить, непременно поставить! Вездѣ насовать часовыхъ!.. Мало ли что!.. Печати печатами, а дѣло дѣломъ... Прапорщикъ Ползунковъ!.. Позвать прапорщика Ползункова!.. — раздавался на крыльцѣ комендантскій голосъ. — А гдѣ господинъ пріѣзжій слѣдователь?..

И на порогѣ появился маленькій старичекъ, совсѣмъ лысый, съ коротко подстриженными, сѣдыми усами, съ ярко-красными щеками и носомъ, и съ самыми добродушными, заплывшими жиромъ глазами.

— А, очень пріятно! — обратился онъ къ штатскому. — Скоренько пожаловали. Это хорошо! Анатолий Робертовичъ Грунинъ, если не ошибаюсь? очень радъ!.. Полковникъ Огурчиковъ, здѣшній комендантъ! Пріятно познакомиться... Господа!.. Позвольте васъ познакомить съ моими офицерами!... Господа офицеры!.. Иванъ Тимофѣевичъ, Павелъ Ивановичъ, Иванъ Кузмичъ... Вотъ слѣдователь! Грунинъ, коллежскій совѣтникъ, Анатолий Робертовичъ. Такъ за дѣло—за дѣло-съ!.. Время те-

рять нельзя! Прапорщикъ Ползунковъ, распорядились на счетъ лошади господину слѣдователю?

— Готово, полковникъ!

— Такъ ѣдемъ, ѣдемъ скорѣе... Господи благослови!.. лошади! Урядникъ, возьми портфель у господина слѣдователя...

— Я полагаю,—началъ было слѣдователь,—что прежде надо сдѣлать осмотръ на мѣстѣ, то есть, я хочу сказать,—здѣсь... Снять нѣкоторыя предварительныя показанія съ домашнихъ...

— Это не уйдетъ, батюшка, не уйдетъ... Домъ то у меня еще до свѣта опечатанъ, часовые разставлены... Вы изволите видѣть какая жара... страсть!.. Дали то мнѣ знать вчера, въ восьмомъ часу вечера, я команду туда уславъ, для неприкосновенности, да нарочнаго въ городъ... Вы изволили въ какомъ часу выѣхать?..

— Въ половинѣ восьмага, утромъ...

— А теперь уже безъ четверти три по полудни-съ... Такъ-то! Тутъ позамѣшкаемъ, темно станетъ... скакать то верстъ четырнадцать... Тамъ до утра отложить придется... Потомъ и къ тѣлу не подступишься... Вѣрно я говорю, господинъ докторъ?..

— Вѣрно, вѣрно!—отозвался докторъ, съ трудомъ взбираясь на казачью лошадь.

— А развѣ нельзя доѣхать туда въ экипажѣ?..—замаялся Анатолий Робертовичъ, подозрительно поглядывая на корнаухаго, рыжаго жеребчика, не особенно ласково косившагося умнымъ глазомъ: какого это молъ ему сѣдока аллахъ посылаетъ?..

— Не проберемся въ тарантасѣ... За гнилымъ ставомъ вязко будетъ на колесахъ то, —отвѣчалъ кто-то изъ толпы...

— Садитесь!..

— Съли!..

Всадники, потѣснясь немного въ воротахъ, выбрались на просторъ. Два казака впереди разогнали съ дороги пѣшія людъ. Облако сплошной пыли скоро затянуло кавалькаду, и опять въ этомъ облакѣ замелькали бѣлыя шапки и разномастые хвосты галопирующихъ лошадей.

Впереди, легко покачиваясь въ сѣдлѣ, дробною иноходью ѣхалъ комендантъ, за хвостомъ его лошади подсаживалъ казакъ съ полковничьей шинелью черезъ сѣдло и едва сдерживалъ горячаго карабaira шеголеватый адъютантъ Ползунковъ.

Сторонкою, отъ пыли подальше, рысая докторъ, распутивъ поводья и пытаясь свернуть себѣ папироску... Непривыкшій къ верховой ѣздѣ, прѣвзжій слѣдователь поминутно терялъ стремя и прихватывалъ за переднюю луку сѣдла, бокъ-о-бокъ съ нимъ фыркалъ и широко раздувалъ ноздри вороной жеребецъ Криницына... Остальные офицеры отстали значительно: «что молъ за охота глотать пыль изъ подъ начальства, поспѣемъ!..» Встрѣчные по пути конные киргизы и сарты почтительно сворачивали съ дороги, торопливо соскакивали съ лошадей и низко кланялись, сложивъ руки на животѣ... Вдали, у переправы черезъ рѣку, гдѣ надъ потемнѣвшею сплошною щеткою камышей развѣвался полосатый флагъ и вудрявымъ столбомъ поднимался дымъ сторожеваго костра, толпилось уже нѣсколько конныхъ, ранѣе прибывшихъ, и даже бѣлѣлъ холщевой верхъ чьего то тарантасика...

— Никому не позволю, никому!..—ворчалъ комендантъ,— что за балаганъ! нечего тамъ смотрѣть... Ишь наѣхало сколько! Все равно никому не позволю!..

Кавалькада остановилась у переправы.

— Я былъ тамъ, сейчасъ только что вернулся,—подъѣхалъ къ коменданту высокій, сутуловатый, пожилой офицеръ, съ длинными сѣдыми усами.—Иванъ Тимофѣевичъ съ Павлушей тамъ остались, а я вотъ за вами...

Это былъ капитанъ Шелобовъ.

— Ежели мы,—продолжалъ онъ,—поднимемся еще верстъ пятокъ повыше, тамъ теперь обмелѣло, по брюхо коню, больше не будетъ, да и коса песчаная выходитъ... Много короче будетъ, чѣмъ по дорогѣ. Гнилой затонъ-то въ сторонѣ прійдется, объѣзжать не надо...

— Обмелѣло?

— Только что по брюхо...

— Въ бродъ, такъ въ бродъ... — согласился комендантъ.—Господа, гайда за мною... Что же, и въ бродъ можно!.. Мадамъ, бонжуръ-съ!.. — сдѣлалъ онъ ручкою двумъ дамамъ, тревожно выглядывающимъ изъ подъ зонта тарантаса.

— Полковникъ, полковникъ!.. Семенъ Семеновичъ!.. — заищали дамы и даже платками замахали.

Но комендантъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и вся кавалькада снова тронулась въ путь, растянувшись по узкой,

кочковатой береговой тропинкѣ, межъ сплошными стѣнами непролазно-спутаннаго камыша.

— Mon cher! — обратился Криницинъ къ своему другу, слегка воснувшись ручкою хлыста его локтя.

— Tiens! — отозвался тотъ.

Они заговорили по-французски.

— Я хочу... ты позволишь мнѣ сдѣлать тебѣ маленькое замѣчаніе?.. По нашей старой дружбѣ...

— О, сдѣлай одолженіе!

— Ты назначенъ сюда слѣдователемъ специально по этому дѣлу. Ну, такъ я тебѣ скажу: держись независимѣй... Ты здѣсь главное лицо...

— О, я понимаю это... Я отдаю отчетъ только своему прямому начальству... Мои полномочія... мои спеціальныя знанія...

— То-то... А уже на тебя сразу насѣлъ этотъ толстый шутъ, нашъ комендантъ... Ты уступилъ сразу... А я бы на твоёмъ мѣстѣ, не стѣсняясь, замѣтилъ бы ему, что, молъ, не ваше дѣло!..

— То есть почему же?.. Я самъ нашелъ нужнымъ... время дѣйствительно жаркое... чрезмѣрное разложеніе трума...

— Который и до завтра могъ бы пролежать тамъ очень покойно, а ты бы не тресся на этой клячѣ, по этой мерзвѣйшей дорогѣ,—и они врутъ, что нельзя доѣхать въ экипажѣ,—просто горячку порясть, и тебя заставляютъ... C'est drôle!..

— Ты правъ, mon cher. Видишь, я соглашаюсь... ты правъ... Однако это сѣдло мнѣ ужасно третъ лѣвую ногу. И куда они дѣйствительно лезутъ, очертя голову!

— Сюда! — послышался голосъ капитана Шелобова.

Онъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу, и, махнувъ рукою, уже повернулъ къ рѣкѣ и началъ осторожно спускаться съ осыпающагося подъ конскими ногами глинистаго берега.

— Какъ это все глупо,—ворчалъ Криницинъ.—Вся эта суматоха, эта масса непрошенныхъ помощниковъ, сующихъ свой носъ... По моему, это все только мѣшаетъ правильному и покойному ходу слѣдствія... Подбирай, mon cher, ноги выше, подбери поведъ—споткнется конь, выкупаешься...

— Да, что еслибъ Бланшъ и Бека увидали меня въ этомъ положеніи!?. — кисло улыбнулся Грушинъ...

Выбравшіяся на песчаную косу лошади стали встряхиваться, рыжий жеребчикъ обнаружилъ было желаніе поваляться, и навѣрное привелъ бы это желаніе въ исполненіе, еслибы Криницынъ ударомъ хлыста по его жирному крупу, не привелъ бы его въ повиновеніе...

Переправа совершилась вполнѣ благополучно.

— Теперь уже недалеко, господа, недалеко!— кричалъ комендантъ.— Ну, съ Богомъ... Наддай, ребята! Прапорщикъ Ползунковъ, а кажется я свой портсигаръ-то тю-тю! Нѣтъ, здѣсь! Урядникъ—огниво!..

И снова густыя чащи камыша засверкали по сторонамъ, и то и дѣло, чуть не изъ-подъ ногъ всадниковъ, поднимались шумные взлеты перепуганныхъ фазаньихъ выводковъ.

II.

Узкая тропинка раздвоилась, обходя громадный кустъ камыша; этотъ кустъ былъ сильно примятъ; длинные, надломленные стебли загораживали лѣвый обходъ и изъ-за нихъ виднѣлась какая то неопредѣленная масса, прикрытая рогожами. Шагахъ въ трехъ отъ нея стоялъ казакъ, съ саблею наголо. Еще нѣсколько казаковъ сидѣли въ сторонѣ, шагахъ въ сорока, около небольшого костра, полупотухшаго, гдѣ на таганѣ кипѣлъ походный котелокъ... Лошади этихъ казаковъ, осѣдланныя, но стреноженные, паслись неподалеку; неистово отмахиваясь хвостами отъ докучливыхъ комаровъ и слѣпней. По правой тропинкѣ, заложивъ красныя, сильныя руки за спину, не выпуская изъ зубовъ коротенькой трубки, взадъ и впередъ прохаживался старый офицеръ, по своей колоссальной фигурѣ очень похожій на Шелобова, видимо погруженный въ глубокую думу... Дѣло подходило къ вечеру, но солнце еще припекало порядочно; только съ рѣки, да со стороны широкихъ, сверкавшихъ сквозь густой камышъ, водныхъ затоновъ, доносился легкій вѣтерокъ, предвѣщающій вечернюю свѣжесть...

Топотъ копытъ приближающейся кавалькады заставилъ богатыря выйти изъ своего раздумья. Онъ остановился, поглядѣлъ изъ-подъ руки вдаль по дорогѣ, вынулъ изъ зубовъ свою, давно уже потухшую, трубку и небрежно сунулъ ее въ карманъ широкихъ кожаныхъ шароваръ.

— А Павлушки то все еще нѣтъ!—произнесъ онъ, обращаясь должно быть къ самому себѣ.—И куда это онъ запропастился?

Кавалькада сильно растянулась по дорогѣ; за комендантскимъ иноходцемъ трудно было угнаться. Больше всѣхъ отсталъ губернаторскій слѣдователь, а съ нимъ и Павелъ Петровичъ Криницинъ.

Когда наши друзья подъѣхали, уже всѣ спѣшились и молча окружили лежащую подъ рогожею массу... Криницинъ слышалъ, какъ Иванъ Тимофѣевичъ, тотъ, кто прогуливался въ ожиданіи кавалькады, говорилъ:

— Вотъ тутъ, господа, не топчитесь... осторожнѣй... Тутъ есть слѣдочки, которые весьма желательно было бы сохранить.

— Господи! да здѣсь кажется всѣ записались въ слѣдственные волонтеры!..—пожавъ плечами, вполголоса обратился Криницинъ къ Грунину.

А тотъ, измученный быстрою непривычною ѣздой, едва переступалъ своими затекшими ногами, отирая потъ съ своего, преждевременно помысѣвшаго, лба тонкимъ, надушеннымъ батистомъ.

— Не теряя времени преступимъ!—пригласилъ комендантъ.

Группа офицеровъ подалась назадъ. Всѣ молчали, не отрывая глазъ отъ рогожъ... Часовой казакъ стоялъ, какъ столбъ, вытянувшись въ струнку, не смѣя даже согнать комаровъ, усѣвшихъ на его носъ и калмыцкія, выпуклыя скулы.

— Мой портфель!.. Разстегни его па...жалуста... Спасибо, братецъ...

Грунинъ вытащилъ изъ портфеля чистый листъ съ помѣченнымъ заголовкомъ и номеромъ, отвинтилъ крышку дорожной чернильницы и приготовился было писать.

— У меня все уже приготовлено... Вотъ... первое постановленіе: осмотръ тѣла на мѣстѣ...

— Сними рогожи!—скомандовалъ комендантъ...—Однако того! уже попахивать начинаетъ... Я говорилъ, потарапливаться надо!

Слѣдователь приблизился къ трупу.

— Я бы обратилъ вниманіе ваше, господинъ слѣдователь, на черезчуръ уже спокойное положеніе трупа...—глухимъ голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе горя, началъ Иванъ Тимофѣевичъ...

Грунинъ поднялъ глаза и тотчасъ же встрѣтился съ полунасмѣшливымъ взглядомъ Криницина и съ его характернымъ движеніемъ плечъ.

— Я бы прежде всего попросилъ, господа, не вмѣшиваться въ мои прямыя обязанности,—сухо отвѣчалъ онъ, не обращаясь лично къ вопрошавшему, а такъ вообще.—Криницинъ, не будете ли такъ добры записывать, что я буду диктовать...

— Нѣтъ,—сухо отвѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Позвольте мнѣ-съ!—подскачилъ адъютантъ Ползунковъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

— По прибытіи на мѣсто происшествія,—диктовалъ Грунинъ,—тѣло было найдено въ лежащемъ положеніи, лицомъ внизъ, затылкомъ кверху, руки вытянуты вдоль тѣла, съ открытыми ладонями, ноги также... головою обращено къ сѣверовостоку.

— Прямо на югъ, вдоль дороги,—замѣтилъ Шелобовъ.

— Благодарю васъ!—въ свою очередь пожавъ по криницински плечами, кивнулъ головою слѣдователь.

— Въ югу...—записалъ Ползунковъ...—Я къ «югу» записалъ, господинъ слѣдователь!

— Merci, пишите дальше: тѣло одѣто въ суконное пальто, такіе же панталоны, на ногахъ высокіе сапоги—безъ дыроръ, черезъ плечо сумка кожаная, замокъ которой... посмотрите, пожалуйста, замокъ отпертъ, или нѣтъ?

— Замокъ безъ ключа,—просто защелкнутъ...—нагнулся къ тѣлу одинъ изъ сопровождавшихъ офицеровъ, — сумка пустая...

— Такъ и запишите. Я думаю теперь все!.. Докторъ, что вы скажете о ранѣ?

— Рана видимо смертельная,—нагнулся и докторъ:—затылочная кость раздроблена совсѣмъ, мозгъ и мозгъ виденъ... Вотъ послѣ вскрытія я и дамъ вамъ свое заключеніе; не тутъ же вскрывать, на дорогѣ...

— Хорошо... Ахъ, да... Господинъ Ползунковъ, если не ошибаюсь, потрудитесь еще записать... Тамъ есть графа: «осмотръ мѣстности»... нашли-съ?

— Нашелъ-съ!..

— Мѣстность ровная, поросшая кустарниками и высокой травой...

— Камышемъ!—подсказаль опять кто-то.

— Камышемъ... въ четырнадцати верстахъ отъ форта Глухаго, по дорогѣ... Куда ведетъ эта дорога, господа?

— Въ Алаевскіе аулы!

— Такъ и запишите... Вблизи берега рѣки, въ двѣнадцати шагахъ отъ казачьяго поста...

— Позвольте-сь, позвольте-сь,—виѣшался тутъ самъ комендантъ,—этого поста здѣсь не существуетъ вовсе; это специально къ тѣлу командироваль я... Поднимуть тѣло, сейчасъ тѣлѣга пріѣдетъ, и постъ снимуть.

— Въ самомъ дѣлѣ?!.. Ну, такъ не пишете... Теперь, значить, все!.. Что же, господа, неужели же мы назадъ опять верхомъ поѣдемъ?

— А то какже...—отозвался докторъ.

— Что, батенька, заморились? Хе-хе, по штатскому то положенію! — подшутилъ комендантъ.—Ну, да ничего; мы те назадъ полегоньку, шажкомъ поѣдемъ. Оно даже пріятно по вечерней прохладѣ, кончили-сь?

— Полагаю, что больше здѣсь нечего дѣлать... Казакъ, подай портфель!

— Нѣтъ, уже позвольте!—подошелъ тутъ Иванъ Акимовичъ...—не все-сь! Вы хоть и обидѣлись на мое виѣшательство... Позвольте представиться: полковникъ Глухаревъ! Прошу не упустить: главное то вы проморгать изволили... Тѣло-то гдѣ лежитъ? Здѣсь? Такъ. А убить-то этотъ человѣкъ гдѣ-сь? Здѣсь, скажете? Нѣтъ-сь. Вонъ оно гдѣ! шаговъ пятьдесятъ отсюда, и съ того мѣста его, за воротникъ, ничкомъ сюда приволокли. Вотъ онъ и слѣдъ, точно метлой мели... видите-сь?!

Грунипъ опѣшилъ немного... Криницынъ загусилъ губы,—словно ему досадно и больно стало за своего товарища и друга.

— Я вашему показанію, господинъ подполковникъ, охотно дамъ мѣсто въ журналѣ слѣдствія, хотя самъ и не признаю особенной важности выясняемаго вами факта...

— Чего важнѣе... Тамъ вонъ... Эхъ, господа, ну что вы гопочетесь, право!.. Павелъ Петровичъ,—ну, чего вы тамъ разгарцовались!.. Всѣ слѣды сбили... Тамъ, господинъ слѣдователь, отпечатки копытъ двухъ лошадей ясно были обозначены, тамъ и кровавая лужа до сихъ поръ немного замѣтна... Тамъ-сь это все произошло... это вѣрно!..

— По моему, батюшка, все это надо теперь же замѣтить и занести въ протоколъ,—вставилъ свое мнѣніе и комендантъ...

— Мы вотъ здѣсь съ утра все роемся,—заговорилъ Шелобовъ:—я, вотъ, Иванъ Тимофѣевичъ и Павлуша, а гдѣ онъ?

— Онъ въ аулъ погналъ, тамъ... справляется... Реветь мальчуганъ... Жалко ему покойника!.. Поскакалъ, говоритъ: живъ не буду, а рызшу...

Криницынъ опять сошелъ съ коня, кинулъ поводья казаку и приблизился къ Грунину...

— Я тебѣ говорилъ,—началъ онъ по-французски,—ты съ этою ордою помощниковъ, названныхъ и непрошенныхъ, только съ толку собьешься...

— О, не безпокойся,—улыбнулся его пріятель...—Обстоятельство, сообщенное полковникомъ Глухаревымъ, мною принято къ свѣдѣнію. Вы, госиодинъ комендантъ, распорядитесь выслать мнѣ сегодня же ночью всѣхъ, кого я найду нужнымъ вызвать къ допросу. И васъ, господа, всѣхъ желающихъ и имѣющихъ показать что либо, прошу тоже...

Грохотъ приближающихся колесъ отвлекъ на минуту общее вниманіе. Это прибыли за тѣломъ. Казаки подняли трупъ и бережно уложили его на дно телѣги. Докторъ снялъ съ себя шинель и прикрылъ покойника.

— Съ Богомъ!.. осторожно на толчехахъ!.. Эхъ, Федя... Не дождался ты своей радости...

Иванъ Акимычъ совсѣмъ вплотную сдвинулъ свои косматыя брови и сталъ набивать трубочку... Шелобовъ пустилъ своего косматаго, барнаухаго маштака итти по волѣ, а самъ пошелъ пѣшкомъ за телѣгою... Офицеры сѣли на лошадей и сгруппировались около коменданта... Грунинъ и Криницынъ опять отдѣлились отъ общей группы...

— Что же я могу сдѣлать, господа,—вполголоса, словно оправдываясь, говорилъ комендантъ...—Дѣло находятъ экстреннымъ, нашимъ не довѣряютъ, прислали специалиста, что же я могу сдѣлать? Вмѣшаться... на меня же послѣ свалить... Вотъ, молъ, Огурчиковъ превысилъ власть, все дѣло испортилъ...

— Такъ-то такъ... только дѣло это совсѣмъ нечисто выходитъ... Тутъ, братъ, не простой разбой... тутъ...

— Не наше дѣло!.. Вотъ что тутъ... Однако поздно вато...
Гайда!

— Я тебѣ скажу, — говорилъ въ свою очередь Крицинынь, — скажу другое... Я очень, очень даже радъ, что тебя прислали, но только напрасно ты предполагаешь, что преступленіе, или просто несчастный этотъ случай представляетъ собою что нибудь особенное... Просто убили и ограбили, а можетъ быть и грабить-то было нечего... Здѣсь, вѣдь, это дѣло самое обыкновенное, это не Петергофъ, не Красное Село... И тамъ случается... здѣсь вѣдь глубокая Азія!.. Шайки разбойничьи бродятъ на каждомъ шагу, населеніе неспокойное, къ намъ настроенное враждебно.

— Часто здѣсь это случается?

— О, сплошь да рядомъ. Да вотъ хоть третьяго дня Поѣхалъ я прогнать немного моего Абрека... 0-го-го... Дури!.. Недалеко отсюда, вонъ тамъ, — Крицинынь показалъ копчикомъ хлыста, — встрѣчаю я четырехъ оборванцевъ, всѣ конные, рожки воровскія; конечно, я былъ хорошо вооруженъ, за плечами карабинъ, ну, они посмотрѣли, послабдили за мною и отстали, а могло случиться и иначе... Мы, вѣдь, не въ Петергофъ...

— Я тоже начинаю приходить къ убѣжденію, что простое убійство... и ничего больше... — подумавъ глубокомысленно, рѣшилъ судебный слѣдователь.

— И оружіе допотопное. Ты замѣтилъ? просто ударъ дубиною или батикомъ; такое оружіе у нихъ есть, вродѣ булавы...

— О, какъ же, это я хорошо замѣтилъ... знаешь... это даже на меня неприятно подѣйствовало. Сѣдые волосы, запекшаяся кровь и грязь, эта черная, зіяющая рана... круглая лысина... вздернутый воротникъ пальто... Бррр... и потомъ этотъ запахъ... Что ты?

— Холодно въ одномъ кителѣ. Съ рѣки пронизываетъ насъ вѣзъ сырость...

— А помнишь, у Фелисьена... на бережку?..

Но Крицинынь ничего не отвѣчалъ на это напоминаніе и сосредоточенно смотрѣлъ впередъ, словно слѣдилъ за движеніями тонкихъ, строго очерченныхъ, кровныхъ ушей своего аргамака...

Стало темнѣть... въ густомъ туманѣ, поднявшемся надъ рѣкою, замелькали красные огоньки строей Глухого форта... Безчисленные рои комаровъ стояли въ воздухѣ звенящимъ

туманомъ, кони рвались и горячились, чуя конюшню... И чуть слышно доносились удары убогаго, надтреснутаго колокола фортовой церкви, гдѣ отецъ Павелъ собирался служить панихиду «до убиенномъ рабѣ Божиємъ Теодорѣ...»

III.

Должно быть и на Павла Петровича видъ трупа подѣйствовалъ очень северно. Всю дорогу онъ ѣхалъ молча, не отвѣчая даже на разные общія воспоминанія, которыми засыпалъ его петербургскій другъ.

«Сѣдые волосы, занекшаяся кровь и грязь... эта черная, зияющая рана, круглая лысина, вздернутый воротникъ пальто... Брррр... И потому этотъ запахъ...» не выходили у него изъ головы...

Вороной аргамась его шелъ крупнымъ шагомъ, звучно пережевывая тонкія удила; Грунинъ на своемъ малоросломъ жеребчикѣ отставалъ поминутно...

— Ты, Польша, пожалуйста, — говорилъ онъ, — меня не оставляй, у меня и ночуй, въ этомъ домѣ... Поможешь по-дружески... потолкуемъ на досугѣ...

— Нѣтъ, не приѣду! — слышалъ наконецъ Грунинъ. — Еще и про меня, пожалуй, сважутъ, что я *«превысилъ власть... руководилъ, такъ сказать, слѣдствіемъ... имѣлъ вліяніе...»*

— Какъ тебѣ не стыдно! Удивительно тоже, важное дѣло, таинственная запутанность, самое обыкновенное происшествіе, простой подорожный разбой... Мы, вѣдь, не въ Петергофѣ!..

Криницынъ не могъ не улыбнуться.

— Ну, тамъ увидимъ! — произнесъ онъ и надавалъ ходу.

Грунинъ зарыснулъ тоже, стараясь не отставать.

Эту ночь большая часть обитателей Глухого форта провела безъ сна.

Исторія значительно осложнилась. Отъ фирмы «Хмуровъ и Компания» пріѣхали два уполномоченныхъ для разбора книгъ и счетовъ убитаго Горкина. При ихъ участіи, слѣдователь и комендантъ часа два возникъ, вскрывая печати и

проверяя дѣла покойнаго; кромѣ того, желающими давать показанія явились чуть не все офицеры форта... Все писали эти показанія сами, подписывали ихъ и подмалывали въ распоряженіе слѣдователя. Грунинъ волновался больше всѣхъ, онъ благодарилъ направо и налево, и только крайнее утомленіе заставило его, и то утромъ, когда солнце уже довольно высоко поднялось надъ горизонтомъ, прекратить работу... и, поблагодаривъ еще разъ всѣхъ вообще и каждого порознь, онъ просилъ *«не оставитъ его и впредь, по сему дѣлу, своимъ полезнымъ содѣйствіемъ для раскрытія этого таинственнаго и загадочнаго происшествія...»*

Одинъ только Криницынъ не принималъ никакого участія въ общей тревогѣ; онъ всю ночь не выходилъ изъ своей квартиры, и только поздно, часу въ одиннадцатомъ утра, щегольски одѣтый во все бѣлое, отправился посѣтить своего петербургскаго друга...

Грунинъ только что успѣлъ заснуть, но разбудить велѣлъ себя не позже какъ черезъ два часа, и во всякомъ случаѣ, ежели что понадобится, то сію минуту. Его денщикъ приготовилъ дорожный сессеръ для умыванья, вѣстовой казакъ—возился надъ самоваромъ. Часовые все еще стояли у дверей и противъ каждаго угла дома, гдѣ, между прочимъ, въ комнатѣ, выходящей окнами въ садъ, самой красивой и уютной изъ всѣхъ, защищенной отъ свѣта и мухъ сплошными войлочными ставнями, храпѣли, что называется во всю, — оба уполномоченные фирмы «Хмуровъ и Компанія». На садовой верандѣ стоялъ длинный столъ, заставленный остатками ужина, присланнаго комендантомъ, и уныло торчали до дна опорожненные бутылки... Полуголый туземецъ, смуглый, точно отлитый изъ бронзы, мелъ дорожки сада, ревниво поглядывая на большую кость отъ телятины, усѣянную мухами... Тамъ, вѣдь, было еще очень много хорошаго, чтобы весьма годилось для удовлетворенія его утренняго аппетита, но этотъ солдатъ, что стоитъ на углу—онъ тоже хорошо видитъ и остатокъ мяса, и его, Ахмету, и уже крикнулъ разъ: «Ну, мети, мети!.. чего по сторонамъ зѣваешь... Ишь поднялъ пыли, азіаты! Нѣтъ того, чтобы водою полить перво-на-перво»...

— Баринъ всталъ?—освѣдомился Павелъ Петровичъ у денщика.

— Полчаса, не болѣе, какъ почивать прилегли. Прикажете разбудить?

— Не надо... Я зайду послѣ,—рѣшилъ, подумавъ немного, Кривцынъ и медленно направился къ базарной площадкѣ.

Едва онъ успѣлъ отойти нѣсколько шаговъ, какъ тотъ же денщикъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Ваше благородіе! Пожалуйте! Анатолій Робертовичъ васъ просить!

— А!—обернулся Кривцынъ и медленно вернулся.

Грунинъ сидѣлъ на складной походной кровати; лицо его было совсѣмъ желто отъ бессонной ночи, глаза заspanные, и онъ ихъ тщательно промывалъ, намоченнымъ въ холодной водѣ, полотенцемъ.

— Я слышалъ твой голосъ,—говорилъ онъ...—Очень радъ, очень радъ! Что же ты не заходилъ ночью? У меня всѣ были, ужинали... Садись, пожалуйста. Станиславъ, чаю!.. Мнѣ есть съ тобою чѣмъ подѣлиться... Дѣло важное, крайне сложное. Пахнетъ карьерою и какою карьерою! Станиславъ! уйди вонъ и дѣлай свое дѣло! чего торчишь! Садись-же, Поль. Чаю хочешь?! Мнѣ ужасно интересно знать, что ты скажешь. Я всегда дорожилъ твоимъ мнѣніемъ. Да садись-же!.. Помнишь, мы съ тобою вчера рѣшили, что это просто разбой и ничего больше... Помнишь?

— А теперь что же оказалось?—пожалъ плечами Павелъ Петровичъ.—Экстраординарное происшествіе, хитро задуманная кровавая драма и ты, хитроумный Ленокъ, попалъ на вѣрные слѣды. Въ твоихъ рукахъ руководящая нить. Такъ, что-ли?.. Кто-же таинственные злодѣи?

— Именно, именно такъ... Ты смѣешься? а мнѣ не до смѣха. Нервы мои возбуждены. Я провелъ ночь безъ сна, въ самой лихорадочной работѣ и, вѣришь-ли, нисколько не хочу спать. Ну, да садись и я тебѣ все расскажу по-порядку.

Станиславъ подалъ чай на серебряномъ подносѣ и два разрѣзанныхъ граната вмѣсто лимона и обнаружилъ было намереніе приводить постель въ порядокъ.

— Ступай вонъ!—остановилъ его неумѣстное рвеніе Анатолій Робертовичъ.

— Видишь-ли, другъ мой, оказывается вотъ что...—началъ онъ свой рассказъ о событіяхъ тревожной, слѣдственной ночи.

Во время своего рассказа, очень длиннаго и весьма послѣдовательнаго, онъ поминутно справлялся съ листками показаній, аккуратно уже спитыми вмѣстѣ и перенумерованными.

— Во-первыхъ, оказывается, что Федоръ Петровичъ Горюхищъ поѣхалъ съ цѣлью посѣтить всѣ передовые форты лѣваго фланга, гдѣ есть отдѣленія его фирмы. Тамъ онъ намѣревался сдѣлать нѣчто вродѣ частной ревизіи, передъ главною, общею, и, между прочимъ, долженъ былъ раздать значительную сумму денегъ, восемьдесятъ двѣ тысячи, триста семьдесятъ два рубля, сорогъ четыре копейки, каковую сумму и взялъ съ собою.

— Какъ это глупо!

— Что глупо, что?

— Брать съ собою большія деньги и одному рыскать по степи... конечно, я думаю, больше чѣмъ глупо, — замѣтилъ Криницынъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ одному... — оправдывалъ дѣйствіе убитаго Грунинъ. — Онъ имѣлъ основанія... онъ... Я, впрочемъ, это потому. Все по порядку. Въ доказательство сего — есть точныя показанія, — господа уполномоченные фирмы «Хмуровъ и Компанія» и справки по книгамъ. Проводить его долженъ былъ Шелобовъ, капитанъ Шелобовъ. Вотъ его личное показаніе! Онъ долженъ былъ встрѣтить его въ Алаевскомъ аулѣ, это верстъ двадцать далѣе мѣста происшествія, и за тѣмъ уже сопровождать его дальше. Онъ его не дождался и поѣхалъ навстрѣчу. Онъ же первый и нашелъ тѣло.

— Ничего нѣтъ пока необыкновеннаго! — пожалъ плечами Криницынъ, не дотрогиваясь до своего, уже остывшаго стакана.

— Слушай дальше: Шелобовъ поскакалъ стремглавъ въ фортъ и далъ знать коменданту, а самъ, съ другими офицерами, немедленно вернулся къ мѣсту. Здѣсь они нашли слѣдующее: вотъ показаніе полковника Глухарева и его сына! Конскій слѣдъ (лошади убитаго) велъ отъ переправы и былъ очень хорошо виденъ; за версту до мѣста катастрофы къ этому слѣду присоединился еще слѣдъ коня, тоже кованнаго русскими подковами, обыкновенными, и этотъ слѣдъ сопровождалъ первый до того пункта, гдѣ лежало тѣло; то-есть несовсѣмъ до того, а немного ближе. Затѣмъ этотъ второй слѣдъ отдѣлился и направился. Вотъ тутъ дѣло затемняется. Надо тебѣ замѣ-

тить, что преступленіе было совершено, случайно конечно, на такомъ пунктѣ, гдѣ недавно прошелъ табунъ и всѣ слѣды перепутались. Но все-таки, много дальше, у самаго берега, тоже найденъ слѣдъ кованный, два или три отпечатка, тождественный съ тѣмъ, что сопровождалъ убитаго. Собираешь?

Кривицынъ слушалъ рассказъ своего друга очень внимательно, но еще внимательнѣе разсматривалъ чеканенный узоръ на ручкѣ подстаканника.

— Слѣдъ этотъ велъ къ берегу; значитъ, всадникъ, предположимъ убійца, хотѣлъ переправиться на ту, то-есть на эту нашу сторону, то-есть вернуться въ фортъ. Кажется, ясно?..

— Ясно!..—отвѣчалъ Кривицынъ.

— Но на этой сторонѣ до сихъ поръ еще продолженіе этого слѣда не найдено. Искали, но не нашли.

— Чего же яснѣе,—улыбнулся Павелъ Петровичъ...

— Слѣдъ же лошади убитаго все-таки былъ опять найденъ,—продолжалъ Грунинъ,—и велъ въ степь, гдѣ вскорѣ и найдена была сама лошадь Горкина, съ сбитымъ сѣдломъ, мирно пасущаяся... Эту лошадь нашелъ и привелъ сюда Глухаревъ-сынъ. Что же изъ этого выходитъ?

— По моему пока ничего...

— Нѣтъ, не ничего! Общія показанія говорятъ, что если покойный Горкинъ былъ убитъ туземными разбойниками, съ цѣлью грабежа, то, во всякомъ случаѣ, хорошая лошадь составляетъ для таковыхъ большую цѣнность и они бы ее не бросили, а увели бы съ собою. Это и комендантъ, и всѣ говорятъ... Непремѣнно увели бы съ собою!

— Очень можетъ быть! Ну, дальше!

— Дальше вотъ что: выходитъ теперь, что убійца одинъ изъ здѣшнихъ. Одинъ изъ тѣхъ, кто могъ знать—какую большую сумму имѣлъ при себѣ убитый,—и желаніе овладѣть этою суммою было главнѣйшимъ мотивомъ преступленія. Такъ или нѣтъ?

— Такъ, само собою разумѣется,—согласился Павелъ Петровичъ...

— Всѣ офицеры почему-то, особенно этотъ Глухаревъ съ сыномъ и Шелобовъ, крайне, до страстности, заинтересованы открытіемъ убійцы. Они предложили мнѣ, между прочимъ, произвести повальный обыскъ во всемъ Глухомъ фортѣ—это меня удивило сначала, но, по зрѣлому размысленію...

— Какъ, и въ офицерскихъ квартирахъ?—удивился Кри-
ницинъ.

— Да, у всѣхъ вообще. Даже комендантъ говоритъ:—И,
господа, ничего противъ этого не имѣю. Начинайте, для при-
мѣра, съ моего дома. Онъ даже хочетъ настаивать на этомъ...

— Что за дичь!.. что за нравы!—пожалъ плечами Кри-
ницинъ...—И ты произведешь этотъ «повальный», какъ ты
выразился, сбывекъ.

— Надо произвести. О, Боже мой! если бы мнѣ уда-
лось найти какой-нибудь гвоздь, какую-нибудь подозрительную
пуговицу... Вѣдь ты понимаешь—это карьера! Это пойдетъ въ
Петербургъ. Мое имя,—понимаешь ты—мое имя, связанное съ
открытiемъ этого запутаннаго, кроваваго дѣла! и обо мнѣ за-
говорять, обо мнѣ напишутъ...

— Напишутъ, какъ о «гороховомъ шутѣ»—parдон за
выраженiе, и, вѣрнѣе мнѣ, ты дашь всему самымъ острымъ
насмѣшкамъ, общему глумленiю—и только...

Грунинъ взглянулъ на своего друга глазами полными не-
доумѣнiя—рѣзкiй выводъ Криницина, высказанный холоднымъ,
сухимъ тономъ, такъ мало соответствовалъ его собственному
выводу. Прежнiй авторитетъ Павла Петровича, царившаго въ
кружкахъ, такъ называемой, золотой молодежи—оказалъ и
и здѣсь свое влiянiе... Недоумѣнiе во взглядѣ Анатоля Робер-
товича стало уже принимать другой характеръ,—молчаливой
мольбы не разрушать его иллюзiй, настолько уже созрѣвшихъ,
на столько приближившихся къ дѣйствительности...

— Почему же?—протянулъ онъ, тоскливо поглядывая на
нити свидѣтельскихъ показанiй.

— По весьма простой причинѣ. Слушай же и ты меня.
Но прежде пойми въ свою очередь, что если я высказываю
свое мнѣнiе, то только: во-первыхъ, изъ дружбы къ тебѣ; а
во-вторыхъ,—изъ принципа: я не хочу, чтобы порядочные
люди изъ нашего круга разыгрывали здѣсь шутовъ, parдон,
передъ этими полудиварами. А ты самъ именно подставляешь
свою голову подъ шутовской колпакъ.

— Я очень тебѣ благодаренъ...

Грунинъ прикоснулся рукою къ перчаткѣ Павла Петровича.

— Слѣды русскихъ подковъ, присоединившіяся къ слѣдамъ
лошади Горкина, ничего не доказываютъ, потому что на всѣхъ

здѣшнихъ базарахъ русскія подковы продаются тысячами туземцамъ, и нашимъ, и чужимъ, одинаково; что эти слѣды потому вели къ рѣкѣ,—положимъ, что это была лошадь убійцы, также какъ и лошади всякаго мирнаго гражданина, погребенъ водою—и ничего болѣе. Этихъ слѣдовъ не отыскали на этомъ берегу, что же мудренаго, что продолженіе ихъ не нашли и на томъ... Ты уже вообразилъ, что здѣсь все индѣйцы куперовскіе, слѣдоискатели, которые, съ чутьемъ лягавой собаки, могутъ добраться по намекамъ до цѣли розыска... Смѣшно!.. Лошадь убитого, якобы оставленная разбойниками,—это уже совѣмъ туманно. Всякая лошадь можетъ вырваться и поскакать домой... за нею можетъ быть и гнались, но прими во вниманіе рискъ подобной погони. Вѣдь разбойники могли очень легко наткнуться на погоню, въ свою очередь высланную за ними, и, конечно, были настолько благоразумны, что пожертвовали конемъ, которому и цѣна базарная вся—полсотни. Тебѣ совѣтуютъ... какъ это можно совѣтовать специально уполномоченному слѣдователю!.. Тебѣ совѣтуютъ произвести повальный обыскъ—обыскъ этотъ сдѣлать нетрудно—но смотри!.. Обыскъ не принесетъ, конечно, никакихъ результатовъ, я въ этомъ глубоко увѣренъ! Не будетъ же убійца, въ самомъ дѣлѣ,—еслибы это и былъ кто изъ здѣшнихъ, хранить у себя окровавленныхъ уликъ, или, тѣмъ болѣе, крупной суммы... Сколько ты сказалъ?

— Восемьдесятъ слишкомъ тысячъ...

— Ну, такъ вотъ видишь ли? Не будутъ же хранить эту, довольно порядочную, несоответствующую офицерскому карману, сумму у себя въ чемоданахъ... а, между прочимъ, я еще не знаю какъ высшее начальство, особенно военное, посмотритъ на этотъ, позорящій офицерскій мундиръ, обыскъ, хотя бы и нашлись господа офицеры, добровольно соглашающіеся на подобное посрамленіе...

— Но если въ виду этого, если, такъ сказать, будетъ что-нибудь обнаружено...

— Да развѣ я тебя стѣсняю... я говорю только—что самъ думаю, я откровенно, по праву нашей старой дружбы, высказываю тебѣ свое мнѣніе... и только... пожалуйста не думай, что я могу тебя учить—какъ производить слѣдствіе. Ты кончилъ правовѣдніе,—ты специалистъ; я въ школѣ гвардейскихъ под-

прапорщиковъ, — я кавалеристъ... Пожалуста не думай... Я слишкомъ далекъ отъ какого-нибудь вмѣшательства въ твое дѣло...

— Ну вотъ ты уже и обидѣлся! это нехорошо, это не потоварищески!.. — успокаивалъ его Грунинъ. — Я всегда готовъ охотно тебя слушать. Твой практическій умъ стоитъ специальности... Я самъ начинаю думать...

— То-то — самъ, — Криницынъ улыбнулся... — А главное я тебѣ доскажу вотъ что: въ погонѣ за таинственнымъ Фрадь-воло ты потратишь даромъ дѣло — представишь по начальству тысячу листовъ всевозможной чуши, а главное будетъ упущено. Донося просто, какъ оно и есть, о набѣгѣ барантачей — ты этимъ донесеніемъ вызовешь мѣры, а за эти мѣры всѣ мирные жители нашего окологда скажутъ тебѣ большое спасибо. Усилить здѣсь кавалерію — выставятъ посты, построятъ можетъ быть укрѣпленіе, обезпечивающее весь путь на лѣвый флангъ, до сихъ поръ совершенно открытый доступу всевозможной бродячей сволочи. Вѣдь мы здѣсь не въ окрестностяхъ Петербурга, повторяю тебѣ еще разъ — и тогда, повѣрь мнѣ, всякіе Горкины, не съ восемью десятками тысячами въ карманѣ, а хоть съ милліонами, могутъ кататься по степи, сколько имъ угодно... Такъ-то...

Криницынъ замолчалъ и тутъ только вспомнилъ о своемъ остывшемъ чаѣ, прихлебывая изъ стакана большими глотками.

Грунинъ помолчалъ нѣсколько минутъ тоже.

— Ахъ, да, встаетъ, тутъ есть въ одномъ показаніи и о тебѣ нѣсколько словъ — вотъ я сейчасъ найду...

— Въ самомъ дѣлѣ — что же такое, именно? это интересно!

— Вотъ! Молодой Глухаревъ показываетъ, что видѣлъ тебя въ день выѣзда Горкина на томъ берегу — и что ты вернулся довольно поздно, ночью.

— Вотъ какъ! Это очень важно!.. Дай-ка мнѣ пожалуиста листъ бумаги — я нахожу нужнымъ тоже дать показаніе, для пополненія слѣдствія.

— Я хотѣлъ тебя просить объ этомъ... понимаешь? формальность. Мнѣ вѣдь могутъ замѣтить: почему я не опросилъ тебя, особенно, въ виду показанія молодого Глухарева?

Криницынъ уже сидѣлъ и, покраснѣвъ до ушей, не то улыбаясь, не то закусивъ свои тонкія, нервныя губы, бойко водилъ перомъ по листу форменной, обрѣзной бумаги.

— Я кончилъ. Хочешь прочту?—тряхнулъ онъ головою— и взглянулъ прямо въ глаза своему другу.

— Сдѣлай одолженіе!

«Сего числа, въ три часа пополудни,—я велѣлъ осѣдлатъ своего вороного жеребца, шести лѣтъ, росту три вершка, лѣвая задняя бѣлоношка»...—началъ читать Криницынъ.

— Ты вѣчно шутишь. Ну, какъ тебѣ, право, не стыдно. Къ чему эти подробности.

— Нисколько не шучу,—сухо отвѣчалъ Криницынъ. Въ серьезномъ слѣдственномъ дѣлѣ никакая мельчайшая подробность не можетъ быть лишняя. Я продолжаю:

...кличка «Абрекъ»—дабы размять его хорошенько, такъ какъ вышеописанная лошадь чрезмѣрно застоялась. Я переправился на ту сторону въ бродъ и, постоянно мѣняя аллюры, ѣздилъ до половины одиннадцатаго вечера, послѣ чего, пилъ чай у татарина Гайкулы, что содержитъ косую переправу, а въ часъ ночи былъ уже дома, привазавъ своему денщику, Семену Гладкову, разсѣдлатъ лошадь и выводить ее хорошенько. Бромъ того я долженъ присовокупить, что, по словамъ Ивана Гладкаго, солдатка Лукерья, ночевавшая на сѣновалѣ, всю ночь видѣла во снѣ окровавленнаго пѣтуха и говорила, что это не къ добру. Что-же касается до свѣдѣнія по дѣлу смерти господина Горкина, то ничего особеннаго показать не могу, ибо, находясь на томъ берегу, ничего не слышалъ и не видѣлъ подозрительнаго».

— Но зачѣмъ же ты сюда приплелъ эту солдатку Лукерью и пѣтуха—это странно! Къ чему это шгольничество?—жаловался Грунинъ.

— Какъ къ чему? Я нахожу, что это также точно важно и серьезно, какъ и всѣ эти показанія, — ткнулъ Криницынъ пальцемъ въ бумаги.—Не могу же я умолчать о такомъ фактѣ... Вѣдь ты, пожалуй, притянешь всѣхъ насъ къ присягѣ?

— Этого требуетъ формальность.

— Ну вотъ, видишь-ли? Что это, опять къ тебѣ — слѣдственные волонтеры.

Въ окнахъ мелькнули тѣни лошадей и у крыльца раздался конскій топотъ.

— Это Шелобовъ,—выглянулъ Грунинъ.—Онъ условился ѣхать вмѣстѣ со мною и съ другими офицерами провѣ-

рить лично показанія относительно слѣдовъ. Ты поѣдешь съ нами?

— Нѣтъ, уволь! По такой жарѣ я не охотникъ до прогулокъ. Вечеркомъ, если хочешь. До свиданья! Приходи послѣ обѣда ко мнѣ—я тебя буду ждать съ холоднымъ крушономъ съ гранатами. Это у насъ, въ глухомъ фортѣ, водится.

Въ дверяхъ Павелъ Петровичъ встрѣтился съ Шелобовымъ и адъютантомъ Ползунковымъ. Криницынъ почти незамѣтно раскланялся съ своими товарищами по батальону, — прикоснувшись къ козырьку фуражки. Оба вошедшіе посмотрѣли ему только вслѣдъ, а потомъ переглянулись между собою.

— Я къ вашимъ услугамъ, господа! Не прикажете-ли прежде чаю?—въ качествѣ любезнаго хозяина привѣтствовалъ офицеръ Анатолій Робертовичъ.

IV.

Природа наградила Павла Петровича Криницына красивою внѣшностью, не отказала при этомъ и въ умъ, и даже недюжинномъ. Онъ вступилъ на праздникъ жизни... но... сорвалось...

«Оскудѣніе» отозвалось въ немъ скорбѣ, тѣмъ онъ ожидалъ... Онъ былъ выброшенъ за бортъ... пришлось-бы тонуть, еслибы судьба, въ видѣ тетушки княгини и кузины Мадъ, не усадила его на необитаемомъ островѣ, въ ожиданіи другого корабля, въ ожиданіи какой нибудь счастливой случайности, имѣющей дать ему возможность снова взобраться на палубу корабля жизни и занять свое мѣсто въ каютѣ.

Этотъ необитаемый островъ оказался «Глухимъ фортомъ».

Волею-неволею пришлось примириться съ обстоятельствами, пришлось оставить на время «праздникъ жизни» и поскучать въ одиночествѣ, подыскивая себѣ утѣшительныя иллюзіи...

Здѣсь, напимѣръ, можно отличиться на боевомъ полѣ: военная карьера вѣдь не прервана, она продолжается непрерывно и, конечно, представляетъ болѣе шансовъ на полученіе какого ни на есть вѣнка героя, а тѣмъ временемъ, скандалъ, поднятый кредиторами, постепенно уляжется. Вѣдь этому скандалу тетушка и кузина не дали разгорѣться во всю силу, ну и пусть онъ пока тлѣетъ, до прибытія пожарной команды... Время лѣчитъ все, время даже пассивно вліяетъ на уплату

долговъ... и, кто знаетъ, что можетъ впредь случиться... Здѣсь, болѣе или менѣе защищенный, не жалкими земляными валами Глухого форта, а десятками тысячъ верстъ, отдѣляющими этотъ фортъ отъ Петербурга, и годовыми сроками какой бы то ни было переписки,—здѣсь онъ можетъ «отсидѣться».

Тяжело это отсиживание, невыносимо томительно дѣйствовало оно на душу Павла Петровича—и главная тягота заключалась въ томъ, что оно безсрочно... Кто знаетъ! Случайность—и оно прекратится завтра. Случайность—и оно затянется на долгіе годы.

Совершенно инныя, чуждыя условія о потребности жизни Глухого форта захватили врасплохъ Бриницына... Онъ бы могъ примириться съ этими условіями, могъ бы ужиться съ новымъ кругомъ, съ новымъ положеніемъ вещей, но онъ смотрѣлъ на все это, какъ на нѣчто временное, вовсе ему не обязательное, и не ударилъ пальцемъ о палецъ ради сближенія. Къ нему не пошли навстрѣчу и установился постепенно родъ какой-то враждебности въ отношеніяхъ съ нимъ новыхъ товарищей.

На поклонъ одного изъ товарищей, онъ отвѣтилъ сухимъ, форменнымъ прикладываніемъ руки къ козырьку фуражки,—это вызвало смѣхъ; и онъ подглядѣлъ разъ какъ прапорщикъ Ползунковъ, мальчишка, сынъ писаря, передразнивалъ его граціозное движеніе. Одному изъ офицеровъ онъ сказалъ: М-sieur такой-то», тотъ даже обидѣлся и замѣтилъ, что онъ не мусье, а своему государю капитанъ и крещенъ Фадѣемъ, а по отцу Николаевичемъ... «Не могу же я называть ихъ, какъ они привыкли между собою: Ванька, Федька, Сашонокъ и пр.» писалъ Бриницынъ кузинѣ Мэдъ, комично рассказывая этотъ случай, ради характеристики той ужасной трущобы, куда его закинула судьба. «Представь себѣ, описывалъ онъ ей свое житье-бытье. Вчера былъ батальонный праздникъ и здѣшніе офицеры дѣлали другъ другу визиты, это было презабавно: одинъ изъ офицеровъ зашелъ къ другому, выпили вмѣстѣ водки, закусили, утерлись рукавомъ—они не имѣютъ привычки употреблять для этого дѣла салфетки,—и отправились, уже вдвоемъ, къ третьему—продѣлали тоже самое тамъ, и, уже втроемъ, потащились къ четвертому... Такъ росла цѣлая гурьба, и эта гурьба шаталась чуть не до вечера по улицамъ... Это смѣшно! Я принялъ, на всякій случай, мѣры: велѣлъ сказать, что меня

нѣтъ дома; но, слава Богу, они забыли о существованіи моей квартиры...»

— Ко мнѣ прошу пирожка отвѣдать, Павелъ Петровичъ,—любезно пригласилъ его разъ фортовой батюшка, отецъ Павелъ.

Креницынъ пошелъ.

У отца Павла въ домѣ жила прехорошенькая племянница, ходила въ ситцевымъ платьѣ и въ косыночкѣ, прислуживала за столомъ и вѣчно улыбалась, показывая при этомъ свои ровные, бѣлые зубки. Офицеры форта ее очень любили, вѣчно баловали; старики гладили по головкѣ и называли птенчикомъ; молодежь посмѣивалась...

Креницынъ, на котораго разъ Груня пристально заглядѣлась, поймалъ этотъ взглядъ и позволилъ себѣ шутку, по его мнѣнію очень остроумную и нисколько не оскорбительную... Но Груня, должно быть, не сумѣла понять и оцѣнить этого вниманія... Глазенки ея выпыхнули и она не безъ язвительности произнесла:

— Вы, Павелъ Петровичъ, полагаете, что надъ нами деревенскими дурами, такъ уже и можно надсмѣхаться?.. Извините! напротивъ того... Мы тоже очень понимаемъ, что слѣдуетъ...

И Креницынъ тогда же замѣтилъ, что этотъ неожиданный отпоръ нашелъ себѣ общее сочувствіе и даже вызвалъ шумное одобреніе со стороны присутствующихъ.

— Молодецъ Груняха!—во все горло гаркнулъ кто-то въ сосѣдней комнатѣ гдѣ старики засѣли, послѣ завтрака, за партію «по маленькой».

Это все-таки опять мелочи, но вѣдь эти мелочи—вс жизнь въ Глухомъ фортѣ, здѣсь какъ то умѣютъ обходиться безъ крупныхъ событій... И съ каждымъ днемъ жизнь въ этомъ фортѣ становилась для Креницына невыносимѣй невыносимѣй.

А тутъ, какъ на обиду, мирное положеніе особенно затянулось долго. На азіатскомъ горизонтѣ было ясно, и грома пушекъ, окончательно, не предвидѣлось...

— О, Господи!—томился Павелъ Петровичъ.—Когда же придетъ эта счастливая минута, когда мнѣ можно будетъ вырваться отсюда снова на свѣтъ Божій...

Онъ не былъ виновать въ томъ, что этотъ *свѣтъ Божій* рисовался для него такъ ограниченно.

Цѣлые дни проводилъ онъ одиноко въ своей квартирѣ, появляясь только оффиціально на своемъ мѣстѣ. Онъ приготавлилъ и перечитывалъ массу французскихъ романовъ, которые ему высылала, по временамъ, кузина Мэдъ. Она также высылала ему «Journal Amusant», нумера котораго Криницынъ хранилъ особенно, даже саморучно подшивалъ ихъ по порядку. Когда спадалъ денной жаръ, онъ по нѣсколькѣ часовъ прогуливался верхомъ на своемъ «Абрекѣ» — и успѣлъ уже очень хорошо изучить всѣ тропинки мѣстности, лежащей вокругъ Глухого форта... Пробираясь въ густыхъ камышахъ, молодцовато сидя въ своемъ щегольскомъ сѣдлѣ, опершись рукою о ложу карабина, онъ мечталъ даже о разныхъ приключеніяхъ, и всегда приходилъ къ одному: «что еслибы кузина Мэдъ, или кто нибудь изъ *нашихъ* увидѣлъ его въ этомъ интересномъ видѣ...» Но въ окрестностяхъ Глухого форта было, какъ нарочно, все покойно. Полувооруженные, жалкіе бандиты не показывали болѣе своего носа...

Криницынъ часто писалъ въ Петербургъ своимъ друзьямъ обоюго пола. Письма къ хорошенькой кузинѣ Мэдъ были особенно подробны и длинны, какъ и ея отвѣты... И, надо сказать, что именно эти отвѣты наиболѣе болѣзненно разрывали сердце Павла Петровича. Кузина Мэдъ краснорѣчиво описывала ему всѣ прелести свѣтской жизни, она пересыпала ихъ эпизодами хроники свѣта, она разжигала его любопытство, усиливая до нельзя его страстное желаніе поскорѣе вернуться.

Портретъ кузины Мэдъ, красивой брюнетки, съ роскошно развитымъ бюстомъ и чудными округленными плечами, — стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ стола, а по вечерамъ переносился даже на ночной столикъ.

Глаза этого портрета лукаво шурились и словно говорили... и Криницыну, при каждомъ пристальномъ взглядѣ на изображеніе своей красавицы, слышался нѣсколько глухой, гармонической, проникающій въ душу контраalto:

— Когда же ты появишься вновь на нашемъ горизонтѣ — мой романической герой... «иль на щитѣ, — иль со щитомъ?..»

И Павелъ Петровичъ повторялъ за этимъ голосомъ послѣднюю фразу, а такъ какъ онъ былъ человѣкъ умный и

романтизмом не особенно увлекающийся, то добавлялъ отъ себя:

— Во всякомъ случаѣ «не на щитъ», ибо со щитомъ гораздо пріятнѣе.

У.

Теперь вернемся къ слѣдственному дѣлу.

Опытный специалистъ, Анатолій Робертовичъ Грунинъ, провелъ весь день въ розыскахъ и изслѣдованіи *слѣдовъ*, въ обществѣ капитана Шелобова, старика Глухарева, его сына Павлуши и еще нѣсколькихъ офицеровъ. Въ его головѣ снова водарила мысль объ экстраординарномъ событіи, онъ даже заявилъ объ этомъ громко своимъ спутникамъ, увѣряя ихъ, что для него сразу, съ перваго взгляда на трущ, было ясно все; что онъ не колеблясь, отрицаетъ всякую возможность приписывать настоящій, прискорбный случай простому разбою; при этомъ онъ привелъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ хроники интересныхъ уголовныхъ процессовъ, сему дѣлу соответствующихихъ... Говорилъ безъ умолку, вплоть до заставы Глухого форта и, при разставаніи, снова горячо поблагодарилъ господъ офицеровъ за оказанное ему сочувствіе и энергичное содѣйствіе.

Господа офицеры настаивали на повальномъ обыскѣ—и Грунинъ рѣшился наконецъ на этотъ рѣзкій, весьма щекотливый шагъ и на всякій только случай послалъ гонца къ высшему начальству, прося тамъ о разрѣшеніи этого обыска. Джигита-туземца онъ отправилъ съ письмомъ секретно, ни слова ни сказавъ объ этомъ даже Павлу Петровичу, и очень былъ удивленъ полученнымъ изъ города отвѣтомъ. Удивленъ, огорченъ и сконфуженъ.

Ему писали:

Все, что найдетъ онъ необходимымъ для раскрытія истины, отъ него, какъ отъ спеціального слѣдователя, зависить лично. Напоминали, что самъ онъ лично долженъ во всемъ согласоваться съ законами, конечно, ему, какъ специалисту, хорошо извѣстными... и тому подобное...

Даже покраснѣлъ до ушей Анатолій Робертовичъ, читая полученную бумагу, и вопросъ о повальномъ обыскѣ былъ имъ порѣшенъ теперь безповоротно.

— И такъ,—не безъ язвительности началъ было Павелъ Петровичъ, случайно накрывшій своего, друга какъ разъ въ ту минуту, когда онъ давалъ «на чай» вернувшемуся джигиту.

— Конечно!—горячо прервалъ его Грунинъ.—Разъ я нашелъ это необходимымъ, я не долженъ останавливаться передъ какими-то нелѣпыми предрасудками... И къ чему тутъ «честь мундира», что за глупая фраза!—Нашли улики,—ты воръ—и снимай съ себя этотъ мундиръ; не нашли ничего,—носи его на здоровье... Наконецъ, столько примѣровъ... Вотъ тебѣ недавній, и очень подходящій... Въ окрестностяхъ Мадрида...

Но Павлу Петровичу, впрочемъ, некогда было слушать о томъ, что недавно случилось въ окрестностяхъ Мадрида, онъ прервалъ рассказъ въ самомъ началѣ легкимъ пожатіемъ руки и словами: «Pardon, mon ami», и не слѣша, зашагалъ по улицѣ, придерживаясь тѣневой стороны, сбивая кончикомъ хлыста головки густо выросшихъ у глинянаго забора крапивы и репейника.

По постановленію Грунина, квартиры коменданта и фортоваго священника были освобождены отъ обыска. Но комендантъ воспротивился этой льготѣ, объяснивъ, что обыскъ, именно, долженъ начаться съ его квартиры и съ самую нарочитую строгостью «для примѣра прочимъ». Отецъ же Павелъ заявилъ просто, что онъ сего изъятія не допуститъ по христіанскому смиренію, ибо Единъ Богъ безъ грѣха!

Дѣлать было нечего. Начали обыскъ съ комендантскаго помѣщенія.

Всѣ жители форта, военные и невоенные, ровно какъ и туземцы, обязаны были въ данный день и часъ оставить свои жилища и выйти на площадь, на «эспланаду», какъ здѣсь привыкли выражаться. Ко всѣмъ жилымъ и нежилымъ помѣщеніямъ поставлены были парные часовые со строгимъ наказомъ никого не впускать «до приказанія».

Обыскъ долженъ былъ производить, конечно, самъ слѣдователь съ помощниками: двумя депутатами отъ военного сословія и двумя отъ мирныхъ обывателей. Грунинъ самъ выбралъ себѣ первыхъ двухъ: Криницына и Шелобова, но Павелъ Петровичъ наотрѣзъ отказался отъ такой чести и его мѣсто заступилъ молодой Глухаревъ.

Обыскъ производился довольно псевхностно и быстро: входили въ квартиру, отпирали замки, гдѣ только таковые нахо-

дились, наскоро осматривали, за тѣмъ заносили въ протоколъ, что, молъ, все обстоитъ благополучно и ничего подозрительнаго не найдено, и снимали часовыхъ... Добрались такимъ образомъ до квартиры Криницына.

Здѣсь именно мирный, нѣсколько скучный своимъ однообразіемъ характеръ обыска измѣнился. Неизвѣстно почему—квартира эта овладѣла общимъ интересомъ. Всѣ обыватели Глухого форта столпились сюда, занявъ пестрыми группами плоскія крыши сосѣднихъ, осмотровыхъ уже строеній. Капитанъ Шелобовъ перекрестился, переступилъ порогъ этой квартиры, глаза молодого Глухарева горѣли лихорадочнымъ огнемъ и его лицо было блѣдно отъ волненія, отецъ Павелъ глубоко вздохнулъ, смиренно склонивъ на бокъ свою гладко растчесанную голову; депутаты отъ мирныхъ гражданъ, татаринъ-маркитантъ Шафиръ и отставной горнистъ, Мойша Лудель, засучили рукава и попросили лопаточки... Батальонныя дамы смолкли, а до сей минуты онѣ щебетали, какъ скворцы надъ мельницею... Комендантъ, полковникъ Огурчиковъ, почему-то рѣшился, несмотря на жару, застегнуться на всѣ пуговицы... Гробовое молчаніе царило въ группѣ столпившихся въ кучу офицеровъ.

Криницынъ не могъ замѣтить всего этого и стоялъ поодаль; блѣдный, какъ полотно, судорожно стиснувъ въ своихъ зубахъ мундштукъ папиросы...

Только Грунинъ должно быть ничего не замѣчалъ и весело крикнулъ своему другу:

— Ну вотъ, Поль, мы и къ тебѣ съ визитомъ!

Онъ даже вспомнилъ о крющонѣ съ гранатами, едва только замѣтилъ, черезъ отворенную настежь дверь, предназначенную для такого прохладительнаго дѣла, сверкающую на столѣ посуду.

Тутъ сказалось общее недоброежелательство къ Криницыну. Чуть не цѣлый часъ копалась депутаты въ его квартирѣ. Молодой Глухаревъ весь вывалился въ пыли, лазя подъ кровать и заглядывая подъ шкафы и прочую мебель. Шелобовъ внимательно осматривалъ помѣщеніе и движеніемъ глазъ указывалъ маркитанту и эскъ-горнисту, гдѣ надо «приналечь съ особымъ рвеніемъ». Грунинъ любовался портретомъ кухни

Мадъ, и даже потянулъ его изъ рамки, любопытствуя, нѣтъ-ли чего написаннаго тамъ, сзади. Смотрѣли ковры и подъ ними, перерыли и пересчитали всѣ ящики, обратили должное вниманіе на чердакъ и полы, въ одномъ мѣстѣ даже половицы были приподняты, ощупали и вскрыли подушки постели и сѣдель, заглянули въ конюшню, въ чуланъ къ денщику... и, въ концѣ концовъ, съ видомъ полнаго недоумѣнія, подписались подъ протоколомъ того же невиннаго содержанія.

У большинства присутствующихъ словно отлегло на душѣ. Сдержанное молчаніе разрѣшилось оживленнымъ разговоромъ. Отецъ Павелъ сотворилъ крестное знаменіе и привѣтливо кивнулъ головою въ сторону, гдѣ стоялъ Криницынъ: «поздравляю, молъ, и душевно радуюсь!» Комендантъ повеселѣлъ, и не только что разстегнулся снова, но даже потянулъ съ потной шеи, досадно лѣзущій подъ самыя уши, форменный галстукъ и сунулъ его въ карманъ; только дамы форта какъ будто бы остались недовольны результатами осмотра, за исключеніемъ одной Груни, громогласно произнесшей.

— Ну, Слава Тебѣ, Владычица Небесная!

Казалось, все шло въ общему благополучію, но тутъ случилось одно обстоятельство, совершенно неожиданное, сразу нарушившее общее благодушное настроеніе.

— Наплюй и брось ты это дѣло! — шепнулъ Шелобовъ молодому Глухареву, все время не спускавшему глазъ съ Криницына...

— Нѣтъ, я этого такъ не оставлю! — задорно огрызнулся Павлуша, и прежде чѣмъ кто-нибудь могъ помѣшати ему въ этомъ, подскочилъ вплотную къ Павлу Петровичу.

— А позвольте-съ узнать, по какому случаю у васъ на столѣ оказался этотъ предметъ?

Молодой человекъ держалъ въ своей рукѣ карточку Нади, вертя ее чуть не передъ самымъ носомъ Криницына.

Тотъ отодвинулся немного, видимо озадаченный такою неожиданною атакою, и удивленными глазами смотрѣлъ на разгорячившагося мальчика.

— Изволили вы когда-нибудь знать эту особу?.. И по какому праву овладѣли ея портретомъ, на которомъ даже написано, что онъ принадлежитъ не вамъ, а покойному отцу ея, Федору Петровичу?

Крипицынъ тутъ только понялъ въ чемъ дѣло. Онъ чуть было не расхохотался, и, играя хлыстомъ, снисходительно, свысока глядя на противника, произнесъ:

— Ну, это, молодой человекъ, положимъ не ваше дѣло! и я вамъ отчета давать не намѣренъ...

Онъ хотѣлъ было продолжать, что особы этой онъ совсемъ не знаетъ, что эта карточка на его столѣ простая, невинная случайность, что если особа известна лично Павлушѣ и онъ почему либо интересуется ею, то можетъ сохранить карточку у себя... Онъ даже хотѣлъ закончить свою тираду легкимъ замѣчаніемъ и совѣтомъ впредь не горячиться такъ, ибо и пылкое заступничество подобнаго рода можетъ слегка компрометировать ту, за которую непростенно заступаются... Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ, можетъ быть, и порисоваться немного, но сдѣлавъ послѣ первыхъ словъ маленькую паузу, а этой паузы было совершенно достаточно, чтобы молодой Глухаревъ, всплывшій до невозможности, успѣлъ громко и ясно произнести:

— Хлыщъ! Петербургскій фазанъ!

Какъ разъ въ это критическое мгновеніе въ дѣло успѣлъ вмѣшаться полковникъ Огурчиковъ.

Онъ слышалъ все, сообразилъ, пробрался къ ссорящимся и во все горло крикнулъ:

— Молчать!.. Господинъ адъютантъ, прапорщикъ Ползуновъ! Посадить подъ арестъ Павлуш... Тыфу ты, Господи! подпоручика Глухарева, за неумѣстное выраженіе... во фронтѣ... то бишь—въ публичномъ мѣстѣ... въ присутствіи начальства... сію минуту!..

— Я говорилъ тебѣ,—укоризненно замѣтилъ провинившемуся Шелобовъ.

— Посиди, братъ, остынь!—неодобрительно покачалъ головою самъ Иванъ Акимовичъ и направился къ Крипицыну.

— Вы ужъ батюшка, Павелъ Петровичъ, не взывайте съ сына... Молодъ, горячъ... Вы, вѣдь, многого здѣсь не знаете...

— Вашъ сынъ носитъ мундиръ и можетъ отвѣчать самъ за себя,—холодно замѣтилъ Крипицынъ и прошелъ къ себѣ въ калитку, отсалютовавъ двумя пальцами господамъ офицерамъ.

До ушей побагровѣлъ старикъ Глухаревъ за свое извиненіе и съ минуту стоялъ передъ захлопнутою передъ его носомъ

калиткою, потупивъ сѣдую, усатую голову, уставивъ осоловѣлыя глаза на концы тяжелыхъ, запыленныхъ сапогъ.

— Пойдемъ, Ваня, къ отцу Павлу на поросенка!—позвалъ его Шелобовъ, потянувъ за рукавъ кителя.

VI.

Верстахъ въ шести отъ Глухого форта, не на той зарѣчной, степной сторонѣ, гдѣ на сотни веретъ разстиралась голодная пустыня, безъ признака какого-нибудь жилья, а на этой, подъ кручу, когда-то матератаго берега, въ тѣни развѣсистыхъ вѣковыхъ карагачей и тутовыхъ деревьевъ—уютно раскинулся кишлакъ Бешь-арыкъ.

До прибытія русскихъ, значить, и до возведенія Глухого форта, этотъ кишлакъ игралъ видную роль: здѣсь была постоянная стоянка всѣхъ каравановъ, идущихъ въ Бухару и оттуда; здѣсь все кипѣло жизнью: длинный, крытый базаръ пестрѣлъ туземными товарами... Теперь стало не то. Караваны пошли стороною, на новую, русскую, конечно болѣе скорую и удобную переправу, и Бешь-арыкъ на двѣ трети опустѣлъ, обезлюдѣлъ и стихъ.

Только въ центральной его части, выдвинувшейся къ самой дорогѣ, сохранились еще слѣды прежней жизни. Здѣсь—маленькая площадь перекрестка все еще, особенно подъ вечеръ, кишѣла народомъ; здѣсь сгруппировались нѣсколько лавочекъ со сбруею, зеленымъ чаемъ, кунжутнымъ масломъ, тертымъ табакомъ, дешевымъ краснымъ товаромъ и прочими потребностями скромной туземной жизни; здѣсь же самое видное мѣсто занималъ чай-хане (постоялый дворъ съ продажею чая росивочно) купца Миробая, лица, очень вліятельнаго во всей окружной мѣстности, человека со средствами, владѣльца четырехъ женъ и двухъ красивыхъ батчей, мальчиковъ-прислужниковъ при наливаніи и разноскѣ чая.

Никто изъ туземцевъ не позволялъ себѣ проѣхать мимо, не остановившись хотя на нѣсколько минутъ подъ гостепріимнымъ, тѣнистымъ и прохладнымъ навѣсомъ чай-хане,—посидѣть на чистыхъ циновкахъ, глотнуть плоскую чашечку ароматнаго «кокчая», затянуться дымкомъ кальяна и перекинуться словомъ, другимъ съ достопочтеннымъ, уважаемымъ Миробаемъ...

А у этого самага Миробая всегда можно было узнать всё новости дня: отъ мелкихъ событій до высшей политики включительно... Вѣдь съ Миробаемъ самъ генераль-губернаторъ знакомъ,—и двухъ лѣтъ не прошло, какъ, пробѣздомъ въ степь, самъ генераль останавливался у Миробая,—колесо соскочило въ коляскѣ,—чай пилъ, говорилъ ему ласковыя слова, халатъ приказалъ дать, зеленый съ голубыми полосками и, даже,—это уже всё видѣли,—прощаясь, хлопнулъ его по плечу и сказалъ: «якши!..» А «якши» значитъ: хорошо,—то-есть, самъ генераль-губернаторъ очень Миробаемъ доволенъ и вѣроятно напишетъ, если не написалъ уже, о немъ самому Акъ-падишаху.

Сюда, въ Бешъ-арыкъ, навѣдывались и русскіе офицеры изъ Глухого форта, и всегда тоже останавливались у Миробая, но чаще всѣхъ прѣзжалъ на своемъ Абрекѣ тюрка (начальникъ) Крипичинъ; привозилъ леденцы Алибею и Мамуну, батчамъ-прислужникамъ, и здоровался съ Миробаемъ всегда за руку, какъ равный съ равнымъ.

Кунецъ Миробай очень дорожилъ вниманіемъ къ нему русскихъ вообще—и дружбою офицеровъ въ особенности... Онъ сознавалъ, что это, во-первыхъ, усиливаетъ къ нему почетъ его земляковъ, а во-вторыхъ... Мало ли что можетъ случиться во-вторыхъ? Вотъ, напримѣръ, русскіе строго-на-строго запретили торговлю опиумомъ, особенно раскурочную, а могутъ же, несмотря на почетъ и вліяніе Миробая, найтись какіе-нибудь нехорошіе люди, завидующіе его положенію, и шепнуть гдѣ слѣдуетъ о существованіи якобы на заднемъ дворѣ чайхане специальныхъ помѣщеній для кукнаръ-базовъ, то-есть для вурильщикова опиума—«ганаша». Притоны же подобные, хотя и опасны для содержателей, но зато соблазнительно прибыльные.

Миробай былъ очень хорошій человекъ,—и во снѣ, и наяву бредилъ о той счастливой минутѣ, когда, долженъ же онъ, въ поощреніе прочимъ, получить отъ начальства большую медаль на красной лентѣ, съ желтыми полосочками по краямъ.

И онъ былъ глубоко увѣренъ, что медаль эту рано или поздно, а непременно получить.

Вечерѣло... Крутизна обрыва покрыла уже сплошною тѣнью кишлакъ Бешъ-арыка; карагачи и базарные навѣсы успили

эту тѣнь и Миробай распорядился повѣсить на косоj жерди большой бумажный фонарь, когда по мощеной крупнымъ камнемъ улицѣ, звонко щелкнули подковы коня и красноватый свѣтъ фонаря упалъ на бѣлый китель Павла Петровича.

Криницынъ имѣлъ привычку каждый день проѣзжать своего коня, а дорога къ Бешь-арыку была одна изъ самыхъ пріятныхъ для вечернихъ прогулокъ.

— Аманъ Тюра! — привѣтствовалъ его Миробай, тяжело поднимаясь съ мѣста.

Алибей и Мамунъ бросились къ лошади, одинъ къ поводьямъ, другой къ стремямъ, и тоже весело привѣтствовали пріѣзжаго, помогая ему слѣзть, и уже поглядывали искривленными глазами на оттопыренные кобуры сѣдла, гдѣ, по обыкновенію, всегда находились предназначенныя для нихъ сласти.

Павель Петровичъ едва отвѣтилъ на привѣтствіе. Онъ имѣлъ видъ почему-то крайне усталый, и тотчасъ растянулся на циновкахъ, подтянувъ себѣ подъ голову шелковую подушку валикомъ.

— Чаю хочешь, тюра? Кальянъ... пилавъ только что сварили...

Алибей, босоногій, въ одной только длинной, красной рубахѣ, подпоясанной золотымъ шнуркомъ, граціозно сталъ передъ Криницынымъ на одно колѣно, предлагая дымящійся кальянъ.

— Ну, какъ здоровье могучаго, достоуважаемаго коменданта, полковника Огурчикова? — заговорилъ хозяинъ, очевидно этикета ради, и, не дождавшись отвѣта, добавилъ самъ же:

— Должно быть очень хорошо... что ему дѣлается... Аллахъ ко всѣмъ многомилостивъ... Ты самъ вотъ, тюра, здоровъ ли?..

Миробай пристально поглядѣлъ въ лицо Криницына, тотъ отвернулся.

— Я-то здоровъ... а вотъ что...

Офицеръ приподнялся на локоть и внимательно сталъ всматриваться въ темноту опустѣлаго къ ночи базара.

— Алибей! — крикнулъ догадливый хозяинъ. — Ты садись на лошадь господина, а ты, Мамунъ, потихоньку води ее за поводъ... Видите, какъ она вспотѣла! Да не здѣсь водите, по камнямъ, а туда ступайте, дорога мягкая... Ну, живо!

Павель Петровичъ улыбнулся. Мальчишки мигомъ появились своего патрона и тоже размѣнялись лукавыми улыбками.

— Такъ вотъ оно какъ все вышло... н-да! — произнесъ Миробай, глубоко вздохнувъ, когда голоса батчей и щелкотни подковъ, постепенно удаляясь, стихли гдѣ-то за поворотомъ.

— Такъ! — пожалъ плечами Криницинъ.

Помолчали съ минутой.

— Этотъ большой чиновникъ, что отъ самого генераль-губернатора пріѣхалъ, — прервалъ молчаніе Миробай, — вѣдь онъ тебѣ другъ будетъ, самый близкій человекъ, вотъ!

Татаринъ показалъ для большей выразительности два пальца, сжатые вплотную.

— Да, ты почему же знаешь?

— Миробай все знаетъ... Миробай все долженъ знать... У Миробая вездѣ глаза и вездѣ уши...

— Знаю!.. — Криницинъ гадливо отодвинулся отъ этого остроносаго старика, сидѣвшаго передъ нимъ на корточкахъ.

Опять помолчали немного, словно выжидая другъ друга.

— Большой дуракъ! — произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Есть у насъ хорошая пословица: «дуракъ-другъ хуже умнаго врага», — согласился Миробай, очевидно не принявшій на свой счетъ слова гостя.

Тихо было вокругъ, но собесѣдники говорили еще тише, и любопытный Мамунъ, оставивъ своего товарища при дѣлѣ, какъ ни подобрался близко, положительно не могъ слышать ни одного слова, кромѣ послѣдней фразы русскаго:

— Однако, поздно! Пора уже и ѣхать!

Батча, какъ конка, беззвучно прыгая съ камня на камень, пустился за лошадью, и черезъ минуту, подъ сводами базара, снова защемили подковы Абрека, послышалось его сдержанное ржаніе и звоніе голоса мальчиковъ, усердно сосавшихъ привезенные имъ леденцы.

— Есть у меня къ тебѣ большая просьба, — говорилъ Миробай, самъ уже помогая Криницину сѣсть на сѣдло.

— Ну, что такое? говори, не стѣсняйся!

— А вотъ что: твой другъ, о которомъ мы съ тобой говорили... Вѣдь онъ отъ самого генераль-губернатора пріѣхалъ?

— Отъ самага...

— Генераль, значитъ, позовалъ его и сказалъ: «Ну, ты поѣзжай!..» такъ что ли?

— Должно быть, что такъ.

— Генераль, значить, говорить съ нимъ, и онъ говорить съ генераломъ?

— Говорить!

— Такъ ты скажи ему, твоему другу, чтобы онъ напомнилъ обо мнѣ генералу, о Миробаѣ значить... Если Шаришкѣ, рыжей собацѣ, дали медаль за то только, что онъ проныра и лиснца, такъ мнѣ, Миробаю... Вѣдь ты понимаешь?

— Понимаю и скажу!—коротко отвѣтилъ Криницынъ и тронулъ Арбека концомъ нагайки.

Нервный конь вздрогнулъ и поднялся на дыбы.

— Прощай тюра! Помни всегда, что Аллахъ многоименливъ!—крикнулъ хозяинъ вслѣдъ гостю.

— Прощай!—послышалось уже далеко по выѣздѣ изъ кишлака.

— Единъ Богъ, единъ!.. и все въ Его власти... Ну, тушите огонь и пора спать!—распорядился хозяинъ.

И въ кишлакѣ Бешъ-арыкѣ, черезъ нѣсколько минутъ, стихло все окончательно.

Дорога къ Глухому форту выдѣлялась въ темнотѣ чуть замѣтною лентою, сплошныя стѣны камыша по сторонамъ словно перешептывались между собою... Абрекъ шелъ ходкою переступью, строго повода своими острыми ушами... и скоро впереди показались темныя, приземистыя массы строеній форта и заискрились огоньки въ окнахъ, ближайшихъ къ окраинамъ домиковъ.

Проѣзжая мимо дома Горкина, Павелъ Петровичъ замѣтилъ въ окно фигуру своего друга, уныло сидящую передъ столомъ, сплошь заваленнымъ листами исписанной бумаги.

Здѣсь онъ слѣзъ съ коня, отправилъ его съ вѣстовамъ казакѣмъ къ себѣ домой, а самъ поднялся на крыльцо.

— Ахъ, это ты?! Я очень, очень радъ!..—оживился Анатолій Робертовичъ, протягивая своему пріятелю обѣ руки.—Я даже посылалъ за тобою, но мнѣ сказали, что ты уѣхалъ и куда—неизвѣстно... Очень, очень радъ! Садись!.. Вотъ кресло... Хочешь чаю!.. Впрочемъ, мы сейчасъ будемъ ужинать...

— Ну, какъ твои дальнѣйшіе подвиги на пути открытій? Поймалъ? нашелъ, накрылъ, засыпалъ?.. а?.. Ну, подѣлись же со мною твоими радостями... Рассказывай!

Павель Петровичъ проговорилъ свою тираду веселымъ голосомъ, одобрительно хлопнулъ по плечу Грунина, подмигнулъ ему на бумажную гору и, сибаритомъ, не устѣя, а скорѣе улегся, въ большое складное кресло, затрепавшее слегка отъ его довольно вѣской, хотя и стройной фигуры.

— Ахъ, оставь это глупое дѣло!—досадливо махнулъ рукою Анатолій Робертovichъ. Оно мнѣ положительно начинаетъ надоѣдать...

— Неужели?!

Криницынъ сдѣлалъ комически удивленный видъ.

— А что же блестящіе результаты обыска? Я тебя положительно не понимаю! Вѣдь, не даромъ же ты поднялъ всю эту глупую и грязную кутерьму. Весь этотъ пошлый балаганъ, въ которомъ ты игралъ роль первенствующую, роясь въ грязномъ бѣлье, въ навозныхъ кучахъ, выпуская на волю крысъ, мирно обитавшихъ въ подпольяхъ. Не даромъ же... Чу, кто же убійца?

Тутъ только замѣтилъ Грунинъ, что его другъ вовсе не такъ весело настроенъ, какъ могло показаться съ перваго взгляда. Тонкія, сухія губы Павла Петровича характерно сжались, глаза горѣли недобримъ блескомъ.

— Что съ тобою?—заботливо произнесъ онъ.—Ты такъ взволнованъ. Охота, право, вспоминать тебѣ обо всѣхъ этихъ, дѣйствительно глупыхъ и нелѣпыхъ, но необходимыхъ формальностяхъ.

— Формальностяхъ!—повторилъ сквозь зубы Павель Петровичъ.—Ну, хорошо. Чѣмъ же ты меня будешь подбивать, что у тебя за ужинъ?

— Не знаю! Это комендантъ распорядился. Онъ звалъ меня къ себѣ, но, право, неловко какъ-то, я сослался на усиленные работы и отказался. Человѣкъ! что тамъ есть? сервировать здѣсь, вотъ на томъ столѣ!.. да распорядился бы, чтобы ставни что ли поставили—шторъ нѣтъ, такое, право, неудобство!

Пока «сервировали» ужинъ: блюдо заливной осетрины мѣстнаго лова, жареныхъ фазановъ, дымящіяся пельмени и прочіе продукты комендантской кухни—Анатолій Робертovichъ изливался въ откровенностяхъ передъ своимъ пріятелемъ.

Онъ, видите ли, откровенно сожалѣетъ, что поддался влиянію нелѣпыхъ бредней здѣшнихъ идіотовъ, осложнившихъ

этимъ такое простое и ясное дѣло. Вѣдь обыскъ не привелъ ни къ какимъ желательнымъ результатамъ; ничего не было найдено подозрительнаго, за что хоть бы удѣпиться можно было... что основанія, на которыхъ можно было бы дать дѣлу такое странное и щекотливое направленіе, крайне шатки, и онъ охотно бы вычеркнулъ изъ слѣдственнаго дѣла всю эту часть, но, къ сожалѣнію, это положительно теперь уже невозможно. Сознался, наконецъ, господинъ специальный слѣдователь, что все это его затрудняетъ на столько, что онъ не знаетъ какъ свести концы съ концами и выйти, болѣе или менѣе, съ честью изъ положенія, дѣйствительно имѣющаго немного комическій характеръ.

Грунинъ все это высказывалъ на французскомъ языкѣ, въ виду суетливаго присутствія въ комнатѣ денщика и вѣстоваго казака, накрывавшихъ столъ, и закончилъ наконецъ приказаніемъ прислугѣ убираться вонъ и не входить болѣе, безъ зова.

Подвинулись къ столу. Грунинъ налилъ водки... Криницынъ ужинать отказался наотрѣзъ и закурилъ сигару, извинившись при этомъ передъ хозяиномъ, и вполне увѣренный, что аромат табачнаго дыма не повліяетъ дурно на его аппетитъ...

За ужиномъ разговоръ шелъ больше насчетъ пріятныхъ воспоминаній о Петербургѣ и объ общихъ знакомыхъ. Вспоминалось и школьное житье-бытье, когда онъ, Грунинъ, уже щелкалъ шпорами и замѣчательно ловко и изящно дирижировалъ кадрилию на балѣ у князя П.

Павель Петровичъ говорилъ, впрочемъ, очень мало, больше слушалъ и даже не улыбнулся ни разу, и на вопросъ своего друга:

— Такъ какъ же, mon cher, — ты такъ и намѣренъ застрять здѣсь, въ этой трущобѣ, или думаешь, наконецъ, вернуться на свѣтъ Божій. Когда же это сбудется?

Отвѣчалъ коротко и ясно:

— Теперь скоро!

— И такъ выпьемъ же, мой дорогой Поль, за твое воскресеніе...

А столикъ Робертъ потянулся за бутылкой портвейна, явившей передъ Криницынымъ, и тутъ только замѣтилъ, что она совсѣмъ пуста.

— Однако мнѣ спать хочется!—лѣниво потянулся Павелъ Петровичъ...—Я не хочу итти домой... Я лягу здѣсь, на этомъ диванѣ, и...

— Ахъ, я очень, очень радъ,—перебилъ его Грунинъ, вскочивши со стула...—Я распоряжусь сейчасъ. Эй, человѣкъ!..

— Ничего не надо. Тамъ подушка есть... Пожалуйста, оставь людей въ покоѣ... Вели только убрать все это...

Криницынъ брезгливо покосился на объѣдки ужина и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Пришли люди, оба изрядно заспанные, убрали столъ, разоблачили Грунина и уложили его въ постель. Вытянулся и Криницынъ на диванѣ, не раздѣваясь, не снимая даже сапогъ.

— Ты кажется здѣсь совсѣмъ отвыкъ отъ комфорта, отъ своихъ европейскихъ привычекъ?..—замѣтилъ Анатолий Робертовичъ.

Криницынъ не отвѣчалъ.

— Ты уже заснулъ?.. А я, знаешь, не могу. Я непременно долженъ перебрать въ головѣ всѣ впечатлѣнія дня, анализировать ихъ, привести въ систему, и потомъ уже...

Криницынъ неожиданно поднялся съ дивана, подошелъ къ столу и потушилъ свѣчи...

— Ты это, конечно, можешь все продѣлать въ потемкахъ,—сказалъ онъ, снова ложась на диванъ...

Странна показалась Грунину эта рѣзкая выходка, но особенно озадачило его то, что онъ не узналъ теперь голоса своего друга... Последнюю фразу произнесъ будто кто-то другой, посторонній...

Грунинъ объяснилъ это, про себя конечно, опорожненной бутылкою портвейна—и сталъ «анализировать...»

Прошло такимъ образомъ полчаса, можетъ быть и больше немного... Анализъ Грунина сталъ принимать формы туманная, расплывающаяся,—уже онъ даже и похрапывать началъ, потянувъ себѣ на ухо байковое одѣяло...

— А знаешь, я тебѣ сообщу нѣчто, крайне для тебя интересное!..—громко произнесъ Криницынъ, прервавъ дремоту Грунина.

— А... что такое, что случилось?.. что ты сказалъ?!

— А вотъ услышишь... сейчасъ... Ты бы очень хотѣлъ самымъ блистательнымъ образомъ закончить твое слѣдствіе...

найти убійцу, арестовать его—распутать, такъ сказать, всѣ нити и дать правосудію полное торжество!.. А! хотѣлъ бы?.. Говори откровенно!..

Анатолій Робертovichъ торопливо принялся чиркать спичкою...

— Не надо! — остановилъ его Криницынъ,—для ясности дѣла, темнота въ комнатѣ не мѣшаетъ... Не надо же!..

Сильнѣйшее раздраженіе слышалось въ голосѣ Криницына... Анатолій Робертovichъ начиналъ трусить... и машинально щупалъ стѣну около кровати, словно отыскивая, на всякій случай, электрическую пуговку, но въ Глухомъ фортѣ не дошли еще до такихъ удобствъ.

— Я тебѣ скажу просто и коротко... — продолжалъ Криницынъ. Федора Горкина убилъ и ограбилъ я... Ну, а теперь, покойной ночи!..

Павель Петровичъ повернулся къ стѣнѣ лицомъ и замолчалъ.

Несмотря на запрещеніе, Анатолій Робертovichъ все-таки справился со спичками, и слабый свѣтъ загорающейся свѣчи освѣтилъ комнату.

— Поль, ради Бога! Поль... такъ вѣдь не шутятъ... Объяснись же пожалуйста... ну, что за глупости... Ну, подумай только... Поль!..

Онъ растерялся и струсиль и почти повѣрилъ—повѣрилъ и обрадовался... Да, это пріятное, чуть развивающееся подъ давленіемъ волненія и страха чувство, робко дрогнувшее въ его сердцѣ, было началомъ радости... Ему даже отчетливо припомнился подходящий случай въ окрестностяхъ Мадрида.

— Объяснись же, Поль,—повторялъ онъ почти машинально.

— Изволь, объяснюсь! Слушай внимательно!

Криницынъ говорилъ, не мѣняя позы, и Грунинъ видѣлъ только его затылокъ и бѣлый китель, гладко обтягивающій широкую спину и стройную талию.

— Послушай, мой милый, неужели ты ничего не замѣтилъ особеннаго во время слѣдствія, а главное во время *твоего* обыска?..

Павель Петровичъ подчеркнул слово «твоего».

— Ты видѣлъ ясно, что всѣ и все подозрѣваютъ въ убійствѣ Горкина меня одного... У меня рылись какъ на призѣ, у меня перевернули вверхъ дномъ все, въ полной увѣренности

найти наконецъ явныя улики... На меня смотрѣли, какъ на убійцу и вора... и—дуррраки!.. какія они глупыя и пошлыя состроили рожи, когда остались съ носомъ! Но вѣдь это они—идіоты, полудикари! а ты—психологъ, тонкій изслѣдователь человѣческой души... Ты-то какъ же прозѣвалъ все, во время своего дружескаго визита?

Криницынъ опять приналегъ на послѣднемъ словѣ.

— Да, конечно, я замѣтилъ что-то странное: я, впрочемъ, не придалъ этому обстоятельству никакого значенія... — оправдывался Груницъ.—Я только констатировалъ фактъ, что тебя здѣсь не особенно долюбиваютъ... Я понимаю это...

— Недолюбиваютъ... Нѣтъ, этого мало... Меня здѣсь ненавидятъ... Мнѣ тяжело здѣсь... Мнѣ здѣсь невыносимо!.. И я тебѣ скажу откровенно... Я здѣсь, дѣйствительно, способенъ былъ бы кого-нибудь убить и ограбить, чтобы только имѣть возможность вырваться изъ этой тюрьмы, изъ этой пыточной ямы...

— Моп раувге ами!.. О, я тебя теперь понимаю... Но къ чему же такъ волноваться?.. Вѣдь ты же самъ говоришь, что это все скоро кончится...

— Скоро!.. Могло бы затянуться на вѣки!.. еслибы не Горкинскія деньги.

— Ты опять начинаешь шутить,—пугливо оглadyвался Груницъ.

— Шучу, конечно... А ты ужъ и обрадовался. Вотъ какъ, молъ, легко стяжать себѣ лавры, а тамъ и карьеру... Нѣтъ, погоди немного... Это не такъ легко, какъ тебѣ кажется... Я еще въ дѣтствѣ читалъ одну испанскую сказку... Ты, встать, такъ любишь эпизоды въ окрестностяхъ Мадрида; впрочемъ, это было немного дальше... въ Пиринеяхъ... Горы такія есть, большія, граничатъ съ Франціей... Такъ тамъ одинъ пастухъ все гонялся за золотою мухой... Прыгалъ за ней по скаламъ, рискуя головою на каждомъ шагу, ловилъ долго и, наконецъ, поймалъ... но уже больше ни гонялся... Золотая муха насквозь прожгла ему руку... и улетѣла... Ты, мой другъ, когда станешь ловить, надѣвай, на всякій случай, перчатку потолще...

Замолчалъ Криницынъ... Молчалъ и Антонъ Робертовичъ.

— Меня оскорбляли на каждомъ шагу,—снова заговорилъ Павелъ Петровичъ,—и не давали повода придратъся къ оскорбленію... Наконецъ, меня оскорбили явно... это было при тебѣ...

Я радъ, я очень этому радъ... Глухая вспышка поросенка, жалкаго мальчишки, нестоящаго моего щелчка, даетъ мнѣ выходъ — я на немъ сорву все, за всѣхъ. Я пошлю ему вызовъ... Ты, вѣдь, конечно, не откажешься быть моимъ секундантомъ...

Грунинъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и въ душѣ своей проклялъ ту минуту, когда такъ радушно подхватилъ рѣшеніе своего друга провести ночь подъ однимъ съ нимъ кровомъ...

— Объ этомъ надо говорить серьезно, — началъ онъ. — Ты вѣдь знаешь, что мое оффиціальное положеніе, какъ слѣдователя, какъ лица обязаннаго не только чтить и исполнять законы государства, но...

— Успокойся... Тебя не приглашу... Да мнѣ секундантовъ и не нужно. Развѣ здѣсь дуэль мыслима!.. Мой вызовъ покажутъ просто коменданту, а затѣмъ... А все-таки я пошлю... Не потому пошлю, чтобы меня дѣйствительно мучила выходка мальчишкой, скорѣе смѣшная, чѣмъ оскорбительная, а такъ... это мнѣ пригодится впослѣдствіи... Однако, все-таки... Кто же по твоему убилъ Федора Горкина?..

Тутъ уже въ свою очередь Анатолій Робертовичъ принялъ тонъ успокоительный и даже нѣсколько поучительный, и очень былъ доволенъ, что Криницынъ, самъ Поль Криницынъ, его, повидимому, внимательно и даже почтительно выслушиваетъ.

— Видишь, другъ мой... Я всегда предпочитаю или чистое шампанское или самое простое, домашнее вино, но терпѣть не могу всѣ эти елисеѣвскія фабрикаціи.

Онъ показалъ рукою на то мѣсто, гдѣ за ужиномъ стояла пустая бутылка.

— Эта гадкая спиртная смѣсь прескверно вліяетъ на голову и нервы... Ты усталъ, ты былъ обиженъ, ты имѣлъ всѣ данныя быть нервно разстроеннымъ, и вотъ это вино поддѣйствовало на тебя очень дурно... Я тебѣ совѣтую выпить стаканъ холодной воды, освѣжить лобъ и виски одеколономъ и постараться заснуть хоть часа на два, по возможности... О, Поль, мой дорогой, я понимаю твои чувства и отъ души сочувствую...

— Да ты меня, дѣйствительно, хорошо понимаешь. Мерси... и покойной ночи!..

— Вонне пuit! Поль! Теперь ты позволишь мнѣ снова погасить свѣчи?

Анатолій Робертовичъ не замѣтилъ ироніи, которая сквозила въ каждомъ звукѣ послѣдней фразы своего друга.

VII.

А на другой день случилось событіе, тоже взволновавшее населеніе форта, и особенно обрадовавшее господина спеціальнаго слѣдователя. У комендатскаго крыльца вываживали высокую старую лошадь Миробая, а самъ, а самъ онъ, окруженный офицерами, энергично рассказывалъ что-то, должно быть крайне интересное, присѣдалъ къ землѣ, хваталъ себя за горло, боролся точно съ кѣмъ-то невидимымъ и вообще, со страстностью, свойственною азіатской натурѣ, жестикулировалъ отчаянно. Батча Алибей, пріѣхавшій вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ, тоже давалъ объясненія по-своему, тоже неистово размахивалъ руками, успѣвая при этомъ, съ дѣтскимъ любопытствомъ, обгладать глазами все диковинное, невиданное имъ убранство русскаго дома.

Такъ какъ дѣло касалось именно волнующаго всѣхъ, въ данную минуту, слѣдствія по убійству Федора Горкина, то Анатолій Робертовичъ находился тутъ же съ своимъ портфелемъ и очень удивлялся, что въ числѣ присутствующихъ нѣтъ его друга, Павла Петровича.

Черезъ часъ, когда все успокоилось и показанія новыхъ свидѣтелей по дѣлу были формально занесены въ протоколъ и подписаны, припечатаны даже восковою, треугольною тамгою Миробая, Анатолій Робертовичъ прямо направился къ квартирѣ Криницына и, узнавъ, что онъ дома, чуть не бросился къ нему въ объятія.

— Представь себѣ, мой дорогой, какъ все это просто разъяснилось!— началъ онъ.— Ты былъ правъ!.. Тысячу разъ говорю: ты былъ правъ, и тутъ моему слѣдствію конецъ... Улики запечатаны и сданы пока на храненіе коменданту. И какъ все это просто разъяснилось... Да вотъ, я тебѣ все расскажу по порядку...

— Очень радъ! Въ чемъ же дѣло?

— Сейчасъ увидишь... Здѣсь, то-есть близко отсюда, на старой караванной дорогѣ, есть вишдакъ, какъ они называютъ...

Бе...бе...бе...—Грунинъ поспѣшилъ справиться съ листомъ протокола.

— Бешь-арыкъ!—помогъ ему Криницынъ.

— Да, ты знаешь? Очень радъ... Въ этотъ «Бешь-арыкъ» сегодня ночью пріѣхали два бухарца, верхомъ оба, и одинъ изъ нихъ вздумалъ,—вѣдь вотъ наивный дикарь!—вздумалъ мѣнять русскую сторублевую бумажку. Молодецъ хозяинъ...

— Миробай,—помогъ и тутъ Павелъ Петровичъ.

— Да, Миробай, ты и его знаешь?.. Вотъ этотъ Миробай заподозрилъ пріѣзжихъ молодцевъ, тайно велѣлъ своимъ слугамъ осмотрѣть ихъ багажъ и, представъ себѣ, въ переметной сумкѣ одного изъ нихъ, найдены были явныя улики участія этихъ двухъ бухарцевъ въ убійствѣ Горкина... Я конечно связалъ всѣ эти факты въ одну нить, и рассказалъ всѣмъ полную картину всего дѣла... Послушай! Федоръ Горкинъ ѣхалъ одинъ по дорогѣ и везъ съ собою большую сумму денегъ, въ составъ этой суммы, какъ показали повѣренныя фирмы «Хмуровъ и Компанія», входила пачка сторублевыхъ билетовъ, съ указаніемъ крайнихъ номеровъ, такъ какъ пачка была прямо изъ казначейства, новая и даже не распечатанная. Ты обрати особенное вниманіе на это характерное обстоятельство... Дальше: прежде чѣмъ капитанъ Шелобовъ успѣлъ присоединиться къ путешественнику, на него напала шайка бандитовъ, барантачей, какъ они здѣсь называются, и, конечно, убила его и ограбила... Затѣмъ они поскакали дальше, тамъ въ степь, что ли, ну, къ себѣ домой, и подѣлили добычу. Слушай же: двое изъ этихъ молодцовъ, родомъ изъ Нураты, это въ Бухарскихъ уже предѣлахъ, явились сюда, пріѣхали, идіоты, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Бешь-арыкъ, остановились у Миробая кормить лошадей... Не написано же въ самомъ дѣлѣ у нихъ на лбу, что они воры и разбойники, а не мирные путешественники! И вотъ одинъ изъ нихъ вытащилъ изъ-за пазухи сторублевую бумажку, съ цѣлью размѣнять оную... Миробай, совершенно справедливо заподозрилъ, принялъ мѣры и что же: въ сумкѣ одного изъ бухарцевъ найденъ былъ портсигаръ серебряный, всѣми признанный за принадлежащей покойному. Бумажка же, оставшаяся въ рукахъ Миробая, тоже оказалась съ номеромъ, соответствующимъ номерамъ, указаннымъ представителями фирмы

«Хмуровъ и Компания»... И ты видишь самъ теперь, что все дѣло стало ясно, какъ день... и я...

— А бухарцы эти гдѣ?—полюбопытствовалъ Павелъ Петровичъ.—Я тебѣ, прежде всего, другъ мой, совѣтую подвергнуть ихъ самому строгому вопросу... знаешь, попытать даже не грѣхъ въ такомъ случаѣ, и затѣмъ, согласно ихъ указаній, можно будетъ дать возможность, дипломатическимъ путемъ, добиться отъ бухарскаго эмира выдачи остальныхъ соучастниковъ преступленія... Я тебѣ это отъ души совѣтую...

— Да бухарцевъ этихъ нѣтъ!..

— Какъ нѣтъ?!

— Ну, посуди самъ, гдѣ же можно было старику съ двумя мальчиками справиться съ двумя здоровыми молодцами... Бѣдному Миробаю они разорвали халатъ и чуть-чуть не перерѣзали горла... Едва только замѣтили эти молодцы, что ихъ хотятъ накрыть, какъ вскочили на коней и исчезли, оставивъ въ нашихъ рукахъ неопровержимыя улики...

— Ты послушай, какъ горячо говорилъ обо всемъ этомъ этотъ Миробай... Я ничего не понялъ, но переводчики и офицеры мнѣ объясняли, какъ онъ жалѣлъ, даже плакалъ отъ досады, что не удалось ему живьемъ захватить хоть одного изъ разбойниковъ... Онъ, знаешь, просилъ меня замолвить объ немъ словцо генераль-губернатору... Я ему обѣщалъ медаль... Я помѣшу о немъ въ своемъ докладѣ, и онъ получитъ награду навѣрное!..

— Ты не повѣришь, мой другъ, какъ я душевно радъ, что все это такъ хорошо кончилось и разъяснилось...

И Грунинъ, утомленный горячимъ разговоромъ, опустился на складной стулъ и заявилъ хозяину, что теперь не грѣхъ выпить чего нибудь холодненькаго.

VIII.

Такимъ образомъ, благополучно и округленно закончилось слѣдственное дѣло по убійству Федора Горкина. Всѣ подозрѣнія, въ какихъ бы формахъ они ни проявлялись, мало-по-малу разъяснились, какъ дымъ, и въ Глухомъ фортѣ осталось только, въ видѣ исключенія, весьма немного скептиковъ, сомнительно покачивающихъ головою, при воспоминаніяхъ о подвигѣ «плута Миробайки»...

Грунинъ уѣхалъ дня черезъ два, увезя съ собою многолиственную чистенькую тетрадь и всѣ «неопровержимыя доказательства», и на сцену выступило новое дѣло «объ оскорбленіи, нанесенномъ подпоручикомъ Глухаревымъ капитану Криницину въ публичномъ мѣстѣ, и о послѣдствіяхъ онаго».

Собственно говоря, никакого дѣла здѣсь и не послѣдовало, такъ бы все сгладилось и разошлось. Тѣмъ болѣе, что и виновникъ оскорбленія, Павлуша, «поостывъ немного», охотно согласился съ доводами Шелобова, своего отца, а отчасти даже самого коменданта, убѣждавшими его, для порядка и по справедливости, подойти, при случаѣ, въ присутствіи, конечно, тоже публики, къ оскорбленному и извиниться въ своей неумѣстной запальчивости. Но вышелъ казусъ, котораго офицеры Глухого форта никакъ уже не ожидали.

Денщикъ Криницина принесъ письмо подпоручику Глухареву отъ своего барина и, не заставъ Павлуши дома, оставилъ его на столѣ.

Вернувшись, Павлуша прочелъ это письмо, и показавъ своему отцу, тотъ Шелобову, тотъ кому то еще, и, черезъ часъ уже весь Глухой фортъ, съ комендантомъ вкдючительно, зналъ наизусть содержаніе криницинскаго посланія.

А въ посланіи этомъ значилось слѣдующее:

«Милостивый Государь, господинъ Глухаревъ!

«Въ извѣстный вамъ день, вы, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ и чуть не всего общества форта, позволили себѣ, относительно меня, выходку, глубоко меня оскорбившую...

«Ваша дерзость не должна и не можетъ остаться безъ результатовъ. Ваши дѣта и ваше воспитаніе значительно извиняли бы васъ; въ данномъ случаѣ, и я могъ бы ограничиться только тѣмъ, что выдралъ бы васъ, какъ мальчишку, за уши; но вашъ мундиръ заставляетъ меня смотрѣть на васъ, какъ равный на равнаго, а потому, если вамъ знакомы хотя самыя элементарныя понятія о чести и благородствѣ, то вы должны были ждать, и вѣроятно ни сколько не удивитесь, получивъ мой вызовъ.

«Хотя я, такъ же какъ и вы, милостивый государь, заинтересованъ выборомъ съ моей стороны секундантовъ, но, къ сожалѣнію, не могу рассчитывать, въ этомъ случаѣ, на кого

либо изъ моихъ товарищей по мундиру... Вы, конечно, поймете сами почему... Я предоставляю вамъ право этого выбора, вполне подчиняясь все́мъ условіямъ дуэли, которыя мнѣ вашими секундантами будутъ предложены. Надѣюсь, милостивый государь, что вы не станете откладывать дѣло чести въ долгій ящикъ и не вынудите меня этимъ къ необходимости напомнить вамъ вашу обязанность болѣе энергичнымъ и, можетъ быть, несовсѣмъ пріятнымъ для васъ образомъ.

«Павель Криницынъ».

Понятно, что получивъ такое письмо, готовность извиниться разомъ оставила Павлушу. Вся молодежь форта навязывалась къ нему въ секунданты. Старики запротестовали и не позволили никому носа совать въ это дѣло. Порѣшено было собрать все́хъ офицеровъ къ коменданту, на нейтральную, такъ сказать, почву, вызвать Криницына туда же, и потолковать сообща, составить, такъ сказать, нѣчто въ родѣ, закономъ дозволеннаго и установленнаго, офицерскаго суда, а если что, то и настоящій судъ по формѣ...

— Ты, братецъ, виновать,—говорилъ Глухаревъ сыну,—значить и молчи... притихни и жди своего рѣшенія... что твое будетъ, то при тебѣ и останется; что на его долю выпадеть, то съ нимъ и будетъ... такъ то!

«А не продержатъ ли мнѣ Павлушу еще хоть недѣлку подъ арестомъ?—думалъ комендантъ.—Все какъ то, пока что, спокойнѣе будетъ!»

Но, къ счастью Павлуши, эта идея полковника Огурчикова не приняла исполнительнаго характера.

Изъ дамъ форта только одна Анастасія Львовна Голубцова-дѣвица акушерскаго званія, была того мнѣнія, что «дуэль... ахъ! это такъ интересно!» Все остальные барыни были мнѣнія противоположнаго, и просили коменданта приставить даже къ обоимъ противникамъ, на всякій случай, по караульному... «Мало ли что можетъ случиться, особенно среди ночи!» Задала работу дамскимъ языкамъ эта дуэль! Только одна Груня молчала, и предпочла, если уже высказывать свое мнѣніе, то высказать его обѣимъ сторонамъ, лично.

Случайно, будто бы, встрѣтившись съ Криницынымъ, когда

тотъ возвращался съ обѣденной прогулки, она укоризненно посмотрѣла на него и произнесла:

— Грѣхъ вамъ, большой грѣхъ будетъ... Вѣрьте мнѣ, Павелъ Петровичъ!

А послѣ того, прямо пошла къ Павлушѣ, и тому уже отпѣла въ иномъ тонѣ:

— И кто васъ любить послѣ того будетъ!.. Помните!.. Вы меня, послѣ такихъ дѣловъ, не только Груней, Аграфеной Васильевной называть не смѣйте. Глазъ не показывайте... Слышите!..

И это двойное обращеніе доброй дѣвушки произвело почти одинаковое примиряющее дѣйствіе.

Павелъ Петровичъ вполнѣ почему то былъ убѣжденъ, что ему не придется огорчать Груни, онъ подумалъ только, глядя на ея, опущенныя скромно, длинныя рѣсницы и стройный профиль, что «не дурно бы этотъ полевой цвѣтокъ пересадить въ лучшую, культурную почву». Павлуша, чуть не со слезами, принялся увѣрять ее, что все, хотя и его вина, но теперь уже зависить не отъ него, а какъ порѣшать старшіе, что, во всякомъ случаѣ, если и порѣшать чтобы стрѣляться, онъ выпалитъ въ сторону.

Однимъ словомъ, въ воздухѣ, обружающемъ Глухой фортъ, пока еще кровью не пахло, и все предвѣщало, что скопившаяся грозовая туча разсѣется сама собою.

День офицерскаго собранія былъ уже назначенъ, и всѣ этого дня ожидали съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ.

Въ тотъ же день Криницынъ получилъ петербургскую почту и съ нею письмо отъ кузины Мадъ. Письмо, весьма для него пріятное. Въ числѣ близкихъ знакомыхъ Павла Петровича, въ его петербургскомъ кружкѣ былъ нѣкто Тальцинъ, разжирѣлый толстякъ, циникъ и обжора, но человѣкъ, пользующійся большимъ авторитетомъ по законамъ охраны чести и свѣтской порядочности. Криницынъ, зарвавшись, проигралъ ему около тридцати тысячъ и, конечно, отдать не могъ даже сотой части этой суммы; онъ далъ ему честное слово уплатить этотъ долгъ черезъ два года, не предчувствуя, конечно, никакой возможности сдержать это слово.

Долгъ по картамъ — долгъ чести. Это посерьезнѣе будетъ

какого-нибудь вексельнаго долга, и неаккуратность, въ подобномъ случаѣ, никогда не прощается. Больше всего тяготилъ Криницына этотъ роковой долгъ; и вотъ, кузина Мэдъ, весело и радостно увѣдомляетъ его о смерти Тальцина, внезапно скончавшагося отъ удара, въ ресторанѣ Дюссо, послѣ ужина. Кузина Мэдъ даже вырѣзку изъ газеты, въ черной рамкѣ, съ приглашеніемъ на панихиды и выносъ усопшаго, приложила къ письму, и добавила при этомъ: «Вы видите, monsieur Paul, что фортуна начинаетъ, видимо, склоняться въ вашу сторону...» Она увѣдомляла его и о томъ, что его векселя сильно падаютъ, что кредиторы отчаяваются получить хотя что-нибудь, что если бы теперь всего какихъ-нибудь тысячъ пятьдесятъ, даже менѣе, наличными,—и всѣ бы эти векселя можно купить очень удобно. Однимъ словомъ, кузина Мэдъ сообщала ему, на шести страницахъ мелкаго, убористаго письма, столько пріятнаго, что Павелъ Петровичъ и самъ могъ смѣло согласиться съ своей хорошенькой покровительницей, что госпожа фортуна дѣйствительно начинаетъ оборачиваться къ нему своимъ прихотливымъ и капризнымъ личикомъ.

IX.

Офицерскій судъ, съ тѣхъ поръ какъ былъ установленъ законами, въ первый разъ примѣнялся на дѣлѣ въ нашемъ батальонѣ.

Въ назначенный день, съ восьми часовъ утра, въ большой, сараеобразной пріемной залѣ комендантскаго дома, стали собираться господа штабъ и оберъ-офицеры; всѣ были при оружьи, даже въ перчаткахъ, и, входя въ залъ, молча раскланивались съ полковникомъ, хозяиномъ дома, и присаживались, также молча, гдѣ кому было удобнѣе... Самъ Огурчиковъ, красный отъ галстука и застегнутаго воротника кителя, ходилъ по залѣ взволнованный и все посматривалъ на свою большую золотую луговницу... Иванъ Акимовичъ, какъ старшій послѣ Огурчикова и отецъ одного изъ подсудимыхъ, игралъ роль выдающуюся, и сидѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ; адъютантъ Ползунковъ, легко позванивая шпорами и потупивъ глаза, постоянно входилъ и выходилъ изъ залы, придерживая рукою саблю, чтобы не такъ звякала... Капитанъ Шелобовъ

запоздалъ немного. Его массивная фигура какъ то робко съежилась, переступая порогъ двери.

— Иди сюда! — шепнулъ ему Иванъ Тимсфеевичъ, указывая на стулъ рядомъ.

— Началось? — также шепотомъ спросилъ тотъ. — А Павлушка?

— Его комендантъ въ кабинетѣ посадилъ... тамъ ждеть...

— Однако, господа, что же это?.. Криницына нѣтъ еще!.. Ползунковъ! Вы въ которомъ часу въ повѣсткахъ обозначили?

— Въ десять часовъ, какъ вы изволили приказать! — подскочилъ адъютантъ.

— Въ десять... Что же это онъ запаздываетъ!.. это изъ рукъ вонъ!.. это...

— Еще только девять безъ четверти! — отозвался одинъ изъ офицеровъ.

— Это почему?!.. Чертъ возьми... Однако мы, господа, рановато собрались... Чайку, пока, что-ли!..

Комендантъ засуетился, по привычкѣ отыскивая глазами своего адъютанта.

— Не время, Сеня, послѣ! — шепнулъ ему Глухаревъ-отецъ. — Что-жъ, подождемъ!.. Эге!.. Вошь и нашъ схимникъ изволить жаловать!..

Всѣ глаза обратились къ дверямъ. Тамъ показалась странная фигура въ офицерскомъ костюмѣ... Лицо у этой фигуры было расплывшееся до нельзя, сѣдые бакенбарды торчали щетками по сторонамъ, усы лѣзли впередъ, вродѣ щетины у моржа, сплошная лысина оканчивалась сзади широкимъ, багровымъ, двойнымъ затылкомъ... Это былъ одинъ изъ старѣйшихъ ветерановъ батальона, дослуживающій только сроки пенсіи... Онъ страдалъ запоемъ каждый мѣсяцъ, что у него занимало ровно половину времени... Много послужилъ старику на своемъ вѣку, много потеръ лямокъ, и ему прощали эту слабость и службою не беспокоили... Въ послѣднее время онъ уже начиналъ заговариваться немного и появлялся въ кружкѣ офицеровъ очень рѣдко, только въ торжественныхъ случаяхъ... За мѣсяцъ до батальоннаго праздника «батько Максимъ», какъ его всѣ называли, не пилъ вовсе... Онъ глубоко и свято чтить этотъ день и весь мѣсяцъ проводилъ обыкновенно за клейкою бумаж-

ныхъ, разноцвѣтныхъ фонариковъ, для придачія торжеству особаго блеска.

Тяжело перевалилъ батько Максимъ черезъ довольно высокій порогъ, волоча лѣвую «пошаливающую» ногу, мутными глазами окинулъ собраніе, приложилъ руку ко лбу, хотя былъ безъ шапки, и проговорилъ:

— Здравія желаю... Не опоздалъ?

— Садись, другъ, коли причалилъ... Вотъ сюда на диванчикъ!—пригласилъ Огурчиковъ.

Молодежь захихикала втихомолку.

— Мерсишь парфетеманъ... — прохрипѣлъ новоприбывшій, усаживаясь и недоставая до пола своими короткими ножками: усѣлся, врякнулъ и добавилъ одобрительно:—Комса, бонъ!..

Офицеры захохотали теперь уже громко.

— А вотъ и Павелъ Петровичъ идутъ-съ!.. — вѣжалъ Ползунковъ.

Все сразу примолкло.

Вошелъ Криницынъ, по обыкновенію щегольски и строго по формѣ одѣтый, граціозно поклонился на обѣ стороны и видя, что всѣ сидятъ, сталъ тоже искать себѣ мѣста глазами.

— Встать! — довольно громко произнесъ Глухаревъ-старикъ.

Всѣ встали.

— Гм... гм!—откашлялся комендантъ.—Итакъ, господа!.. приступимъ...

— Пирогъ пора ставить въ печь или погодить прикажете, ваше высокоблагородіе? — неожиданно совершенно, изъ противоположныхъ дверей появился комендантскій денщикъ Фома, онъ же и поваръ, съ засученными до плечъ, перепачканными тѣстомъ, мускулистыми руками.

— Те!.. те!..—замахалъ на него адъютантъ Ползунковъ.

— Пирогъ!..—озадачился комендантъ.—Пошелъ вонъ, каналья!.. Экая bestia!.. Ползунковъ... скажи ему, голубчикъ, что пора... Итакъ, господа...

— Сочиненіе господина Криницына... сеть летръ криминалъ, прочесть предварительно можно?..—прохрипѣлъ «батько Максимъ».

Комендантъ досадливо передернулъ плечами.

— Павелъ Петровичъ!—рѣшилъ онъ идти на прямикъ къ цѣли. — Вы изволили написать это письмо, адресованное подпоручику Глухареву?

Огурчиковъ протянулъ руку съ письмомъ.

— Оно мною подписано, значить, я! — отвѣчалъ Криницынъ.

— Гм... гм... господинъ капитанъ, вѣдь за подобное письмо я бы могъ васъ немедленно арестовать!

Огурчиковъ, очевидно, хотѣлъ произвести большой эффектъ такимъ энергичнымъ вступленіемъ.

— Это ваше дѣло, господинъ полковникъ! — спокойно и почтительно отвѣчалъ Криницынъ.

Командантъ взглянулъ на группу офицеровъ съ видомъ полнаго недоумѣнія.

— Эхъ, Павелъ Петровичъ, Павелъ Петровичъ, какой вы право!.. Мы здѣсь собрались, — снова обратился онъ къ Криницыну, — по душѣ, по семейному, такъ сказать, дѣлу... Свои обязанности я, смѣю вамъ доложить, понимаю хорошо! Но желательно кончить дѣло миромъ... по семейному... такъ то-съ... Васъ офицеръ обидѣлъ, товарищъ, такъ скажась, вашъ... Прекрасно-съ!.. Я его арестовалъ... онъ былъ виноватъ, это всѣ раздѣляютъ... Онъ даже вотъ извиниться хотѣлъ, да вы сами помѣшали съ вашимъ вызовомъ... такъ-съ!.. Вы, вотъ, сами тамъ употребили выраженія неподходящія... «Мальчишкой» его обозвали, на счетъ тоже ушей... Негодится... Предположимъ, что мы дуэль допустимъ, и онъ васъ, того-съ, — подстрѣлитъ... Вы же были первые обижены, вы же головою поплатились... а молодому человѣку вся карьера испорчена... Убьете вы его, — положимъ такъ, такъ вѣдь, батенька мой, у насъ смертная казнь только за измѣну противу престола и отечества полагается, а не за бранныя слова... Кара то, выходитъ, проступку сильно несоответствующая... Сообразили-съ?.. Такъ вотъ, принимая все это во вниманіе, неуждно-ли будетъ вамъ взять свое писмецо назадъ, и дѣлу конецъ!.. Такъ, господа, что ли?

Въ группѣ офицеровъ послышался глухой ропотъ. Огурчиковъ понялъ, что его мнѣнія и доводы если и раздѣляются, то не совсѣмъ.

— Вамъ неудобно ли? Иванъ Акимычъ! Ну-ка, ты!—от-
странился комендантъ.

— Я отецъ, мнѣ говорить нечего, — уклонился старикъ
Глухаревъ.

Выдвинулся Шелобовъ.

— Вашего вызова, Павелъ Петровичъ, Павлушѣ мы при-
нять не дозволили... Вы такъ и знайте... и прошу не объ-
яснять отказъ трусостью. Офицеръ этотъ не трусъ, это я
вамъ заявляю и заявять всѣ. Мы его храбрость уже довольно
видѣли, вашей еще пока не приходилось... Не правится вамъ
у насъ... Ну, вотъ не сошлись просто, чего тамъ разбирать
причины, что и почему, — такъ вѣдь офицерская служба у
насъ не подневольная: хочешь здѣсь служи, хочешь въ дру-
гомъ мѣстѣ... А мы васъ задерживать не намѣрены...

— Вѣрно!

— Такъ!

— Вотъ это, что надо!.. Шелобовъ вѣрно сказалъ, пря-
мо!—послышались въ разныхъ мѣстахъ офицерскіе голоса.

Криницынъ чувствовалъ, какъ кровь бросилась ему въ го-
лову. Онъ, конечно, понялъ сразу, что его выгоняютъ, онъ
вовсе не того добивался, онъ хотѣлъ оставить самъ этотъ
батальонъ, но оставить съ честью, съ нѣкоторымъ даже
блескомъ для него, а тутъ говорятъ прямо: «убирайся, молъ,
вонъ!»

— Прежде всего, господинъ полковникъ, — началъ онъ,
сдерживаясь по возможности.—Позвольте мнѣ спросить васъ,
гдѣ я присутствую въ данную минуту?

— У меня, батенька, у меня, — поторопился выяснить
вопросъ комендантъ.

— Я это знаю. Я хочу также знать, это мое право, что
это: судъ, законно примѣненный ко мнѣ, или обыкновенное
совѣщаніе?..

— Мы вѣдь хотѣли просто, сообщая!.. Къ чему тутъ судъ?
просто, по семейному...

— А хоть бы и судъ!—рѣзко прервалъ Огурчигова кани-
танъ Шелобовъ.

— А, это другое дѣло!..—обратился уже лично къ нему
Павелъ Петровичъ. — Тогда мнѣ говорить нечего. Факты на
лицо, неудобно ли вести все дѣло по формѣ и по закону...

Я болѣе ничего говорить не намѣренъ. Только, господинъ комендантъ, позвольте мнѣ предварительно вручить вамъ эту бумагу...

И онъ вынулъ изъ-за борта тщательно сложенный листъ бумаги и передалъ его полковнику Огурчыкову.

— Что это такое?..—озадачился тотъ, принимая документъ и, по привычкѣ, передавая его адъютанту.

— Прошеніе мое объ отпускѣ на одиннадцать мѣсяцевъ для хлопотъ по переводу моему въ другое оружіе...

— Ну, вотъ и слава Богу!..—вдохнулъ по наивности комендантъ.—Давно бы такъ, Павелъ Петровичъ... Вѣрьте вы мнѣ, что я ничего, вотъ рѣшительно таки нисколько, не имѣю противъ васъ. Съ офицерами вы не сошлись, ну, что за бѣда!.. Вы человѣкъ со связями, съ протекціей... Вы всегда хорошо пристроитесь... Вотъ развѣ долгишки ваши, извините пожалуйста, васъ сюда бросили, — дастъ Богъ съ долгами справитесь...

— Мои долги касаются только меня одного! — холодно замѣтилъ ему Криницынъ.

— Понимаю-съ!..

— Семень Семенычъ,—дернулъ его за рукавъ адъютантъ Ползунковъ,—извольте прочесть это прошеніе...

— Это почему?.. Хорошо .. что же тамъ такое?..

Огурчыковъ принялся читать про себя, присвистнулъ почему-то и передалъ бумагу Глухареву, строго взглянувъ на Криницына, Иванъ Акимычъ тоже прочелъ, тоже поглядѣлъ на автора, и передалъ документъ Шелобову, Шелобовъ, прочтя, не взглянулъ на Павла Петровича, а просто плюнулъ и передалъ прошеніе дальше. Такимъ образомъ, акуратно сложенный листъ обошелъ все собраніе и попалъ, наконецъ, въ руки батъки Максима. Тотъ читалъ долго, и вдругъ безпокойно завожился на диванѣ, обнаруживая намѣреніе подняться, сладилъ таки со своими ослабѣвшими членами и выступилъ на середину зала.

Этой энергіи со стороны «схимника» не ожидалъ никто, и въ залѣ водарилась мертвая тишина.

— Пишите вы, господинъ капитанъ,—началъ тотъ, стараясь какъ можно отчетливѣе произносить слова,—что, получивъ оскорбленіе отъ офицера, послали ему вызовъ и полу-

чили въ отвѣтъ полный отказъ, поддержанный прочими, а посему, не считая возможнымъ продолжать службу въ такомъ обществѣ, гдѣ существуютъ такія странныя, чтобы не сказать болѣе, понятія о чести вообще, и чести мундира въ особенноти, предпочитаете оставить сей батальонъ, для чего, и прочее и прочее. Такъ вы пишете... вотъ тутъ, на этомъ листѣ бумаги?

— Да! — произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Вамъ нужно уѣхать... Вы хотите, такъ сказать, предупредить вашъ выгонъ. Пardonъ-съ за экспрессъ-съ... и хотите выйти козыремъ шеваляеромъ санъ-перъ ни репрошъ... и на батальонъ, на нашъ славный, четвертый номеръ, наложить позорное пятно, жаме-съ, атанде-съ и сивьупле-съ!..

— Батя Максимъ, ты куда?—попытался было остановить схимника полковникъ Огурчиковъ.

— Сюда!—захрипѣлъ тотъ пронизывая Крилицына своими, вдругъ ожившими, сверкающими глазами.

— Я старъ! — возвысилъ онъ голосъ, крича уже теперь на весь залъ. — Я слабъ! Лѣвая рука у меня уже вовсе не поднимается, въ правой полное «мэнъ-дрраже», но «экскузе!..» Вашъ вызовъ принимаю я! Стрѣляться съ вами, милостивый государь, буду я! Но, извините, не формы ради, безъ шутокъ, безъ балагана!.. Черезъ платокъ! и хотъ сію минуту!

Старый ветеранъ захрипѣлъ, двинулся впередъ всѣмъ корпусомъ и покачнулся. Его поддержали.

— Господа! это нельзя! Это уже изъ рукъ вонъ... ни на что не похоже... Въ моемъ присутствіи!..—засуетился полковникъ Огурчиковъ, тщетно пытаясь принять внушительный, начальствующій тонъ.

— Я принимаю вашъ вызовъ, — чуть слышно произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Принимаете-съ?.. Нѣтъ, этого мало! Атанде-съ!—снова началъ батько Максимъ.

И снова въ залѣ все стихло.

— Вѣрою и правдою прослужилъ я Царю и Отечеству, какъ могъ, и сколько моихъ силъ хватало!.. Теперь меня, пьяную собаку, держатъ изъ милости... Спасибо!.. Но никто меня ни въ чемъ безчестномъ упрекнуть не могъ никогда и не можетъ... Богъ это видитъ, и люди знаютъ!.. Потрудитесь

же и вы, милостивый государь, здѣсь, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, передъ лицомъ сего знамени... вонъ оно стоитъ въ углу, подъ образами... передъ лицомъ Святаго Николы, Угодника Божія... Смотрите повыше!.. дать мнѣ честное слово, что рука ваша ни бѣ какому безчестному дѣлу не касалась, что на рукѣ вашей нѣтъ и не было никакого позорнаго дѣянія... И тогда только вы можете имѣть честь сказать: принимаете-ли, или нѣтъ, предложенный мною поединокъ... Ну-съ!.. я жду!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Дѣло приняло такой оборотъ, котораго Павелъ Петровичъ никакъ не могъ ожидать и предвидѣть...

Нападеніе было сдѣлано враслохъ, Криницынъ чувствовалъ уже на себѣ не одинъ, пронизывающіе его душу, глаза бѣлки Максима — всѣ не спускали съ него глазъ. Каждый фибръ его лица былъ предметомъ сосредоточеннаго, пытливаго, лихорадочнаго наблюденія. Силы ему стали измѣнять. Энергія, а съ нею и находчивость, таяли съ каждымъ мгновеніемъ...

Бѣлѣ стѣны стоялъ онъ посреди залы... Дальше и дальше отходилъ отъ него шумъ голосовъ... Ему казалось, что онъ тонетъ, мышцы свело судорогою... Бороться съ волнами нельзя... Зеленою пеленою застилаетъ вода его глаза, заливаешь уши... Вязкая тина, цѣпкія, ползучія водоросли путаютъ ноги, тянутъ книзу... И тамъ, гдѣ-то на днѣ, глубоко зарывшись въ песокъ, торчитъ и странно свѣтится старческой затылокъ... сѣдые волосы, запекшаяся кровь и грязь... эта черная, зіяющая рана, круглая лысина, вздернутый воротникъ пальто...

«Что это?! оброекъ... глупая до пошлости слабость!.. Не можетъ быть!.. Я этого не хочу.. не могу... я стою на ногахъ. Да, на ногахъ!..» какъ молнія промелькнуло въ головѣ Павла Петровича.

На него уже теперь никто не смотрѣлъ... это уже не глаза... нѣтъ, это все спины, все затылки... Объ немъ не думаютъ его забыли... Ему стало легко... Смолкъ, Божьимъ гнѣвомъ,

укоромъ гремѣвшій, голосъ... Вонъ чья то безобразная голова, неестественно откинулась назадъ, видны только отекавшее, багровое горло, щетинистый, сѣдой, небритый подбородокъ, разорванный воротъ кителя... Нѣсколько рукъ поддержало эту голову, и на Криницина снова уставились глаза, уже теперь оловянные, безжизненные...

— Воды!.. спирту... доктора!.. — шепчутъ со всѣхъ сторонъ. Почему же шепчутъ, почему не требуютъ громко? Вотъ понесли... должно быть тяжело?.. задѣли въ дверяхъ... Кажется уронили?.. Что то безжизненное стукнуло о порогъ... вѣтъ... вотъ его ноги, въ разорванныхъ сапогахъ, съ скривившимися каблуками, эти ноги высоки, почти въ уровень съ плечами Шелобова.

— Сюда, сюда, на диванъ! — слышится уже изъ другой комнаты голосъ коменданта.

— Налѣюсь, что и *это*... — Криницинъ сдѣлалъ головою указательное движеніе, — мнѣ поставятъ въ вину также.

Но онъ ни къ кому собственно не обратился съ этимъ саркастическимъ замѣчаніемъ, и никто не слышалъ его, должно быть, никто ничего не отвѣтилъ...

Павель Петровичъ вышелъ изъ залы, спустился съ крыльца комендантскаго дома, и съ наслажденіемъ вздохнулъ воздухомъ, пропитаннымъ острымъ запахомъ молодыхъ тополей и свѣжаго сѣна.

Прошло нѣсколько дней, и вся исторія офицерскаго суда съ ея причинами мало-по-малу ступшевалась и почти забылась.

Мирно и уныло загудѣлъ надтреснутый колоколъ батальонной церкви, также какъ и въ день привоза тѣла Горкина; также стройно вытянулся развернутымъ фронтомъ батальонъ, на церковной площадкѣ, также собрались офицеры и прочіе обитатели форта, также у каждаго въ рукахъ затеплились тоненькія восковыя свѣчки, также зарокотали барабаны... также точно заколыхался парчевой гробъ, несомый на рукахъ товарищами и друзьями покойнаго...

Павель Петровичъ настоялъ на своемъ. Онъ не взялъ назадъ своего компрометирующаго батальонъ прошенія. Дѣлать нечего: пришлось его бумагъ дать ходъ, съ приложеніемъ осо-

баго протокола, объясняющаго событіе съ другой стороны, протокола подписаннаго всѣми офицерами.

Теперь онъ уже былъ здѣсь мало того, что чужимъ человекомъ, но и чѣмъ то въ родѣ отверженнаго, ненавистнаго всему окружающему. Онъ уже и не салютовалъ офицерамъ, при случайныхъ встрѣчахъ, онъ не избѣгалъ этихъ встрѣчь, держалъ себя гордо, съ достоинствомъ; ему даже, будто, удовольствіе доставляло нарочно, замѣтивъ группу офицеровъ, пройти мимо нихъ своею красивою легкою походкою, или шагомъ проѣхать на своемъ Абрекѣ, будто не замѣчая своихъ враговъ, хотя и чувствуя на себѣ провожающіе его, пристальные, недружелюбные взгляды.

Павель Петровичъ только, на всякій случай, всегда держалъ въ карманѣ револьверъ-бульдогъ и чувствовалъ себя какъ то покойнѣе, когда его рука касалась круглой, полированной ручки этого оружія.

Выѣхать изъ Глухаго форта онъ не могъ безъ ожидаемаго разрѣшенія отпуска изъ штаба; оставить фортъ, по домашнему, сказавшись только батальному командиру, какъ обыкновенно, хотя и противузаконно, продѣлывали всѣ офицеры, когда кому что надо было въ городѣ, онъ тоже не могъ, ибо это было все-таки противузаконно, и давало поводъ подвергнуть его крупнымъ неприятностямъ.

Итакъ, Павель Петровичъ сидѣлъ въ фортѣ и ждалъ, ждалъ, поневолѣ, терпѣливо. Только, чуть не ежедневно, писалъ Грунину и другимъ своимъ, прося ихъ по возможности повліять на ускореніе его дѣла, сократить срокъ его нравственной пытки.

Комендантъ успѣлъ уже, вслѣдствіе донесенія Анатолія Робертovichа, получить отъ высшаго начальства легкую нахлобучку, за недостаточную, якобы, бдительность по охранѣ ввѣреннаго ему района, и всю ночь просидѣлъ съ Ползунковымъ, за сочиненіемъ документа оправдательнаго характера.

Подозелъ тутъ день Петра и Павла. Фортовой священникъ справлялъ свое тезоименитство и служилъ обѣдню съ особой торжественностью. Онъ сказалъ глубоко прочувствованную проповѣдь—примирительнаго содержанія, упомянулъ, что всѣ люди братья, а тѣмъ болѣе, крещеные во имя одного и того же апостола, святаго проповѣдника ученія о любви и смиреніи.

Отецъ Павелъ даже просфору послалъ на домъ къ Криницину при запискѣ, гдѣ сказано было, что онъ вполне понимаетъ причины, почему не видѣлъ своего соименника во храмѣ Божіемъ, въ радостный для него день, и что, если господину Криницину угодно будетъ, то отецъ Павелъ отслужить у него молебенъ на дому.

Криницынъ былъ даже тронутъ этимъ вниманіемъ, но предложеніе отца Павла отстранилъ, выславъ съ денщикомъ пяти-рублевку для приобщенія таковой суммы къ церковному сбору.

— Холодный и гордый человѣкъ! — покачалъ головою отецъ Павелъ, отстраняя лѣвою рукою широкій рукавъ шелковой рясы и благословляя правою — яства и питія, предназначенныя для собравшихся къ нему съ поздравленіемъ офицеровъ и почетныхъ обитателей форта.

Иванъ Акимовичъ, въ качествѣ душеприкащика покойнаго Горкина, уѣхалъ въ городъ устраивать дѣла по наслѣдству, и уже успѣлъ написать сыну и Шелобову о томъ, что дѣла эти идутъ какъ нельзя лучше и что вѣроятно ему скоро можно будетъ вернуться; тѣмъ болѣе, что имъ сообща надо потолковать объ одномъ вопросѣ, крайне щекотливомъ и весьма не легко разрѣшаемомъ. У Павлуши болѣзненно и радостно при этомъ щемило сердце, Шелобовъ хмурился и обкусывалъ концы своихъ длинныхъ усовъ. Отецъ Павелъ, посвященный отчасти въ суть дѣла, тяжело вздыхалъ и указывалъ на обязанности каждаго христіанина смириться передъ рукою Всевышняго. «Дѣвица акушерскаго званія» имѣла привычку вести аккуратно свой дневникъ, и уже вывела причудливымъ почеркомъ заглавіе: «печальное возвращеніе», предлагая вскорости занести подъ нимъ всѣ подробности. Груня втихомолку плакала по ночамъ, а днемъ вышивала подушку, на голубомъ фонѣ вѣнокъ изъ красныхъ цвѣтовъ, въ серединѣ вензель П. Г., а подъ нимъ надпись: «на память отъ вѣчнаго друга». У всѣхъ прочихъ дамъ форта чаще и чаще заиграло на языкѣ новое имя, завлаждая понемногу всѣми темами задущенныхъ разговоровъ.

Ч это имя было «Надя».

Иванъ Акимовичъ вернулся наконецъ изъ города и тотчасъ же услалъ сына отыскивать Шелобова, да забѣжать и къ отцу Павлу попросить ихъ «на чашечку и на рюмочку».

Отецъ Павелъ явился немедленно, Шелобова же прождали порядочно. Тотъ былъ на охотѣ, еще со вчерашняго утра и вернулся только подъ вечеръ, прямо, не заходя домой, во всемъ охотничьемъ нарядѣ, съ тяжелою связкою степныхъ куропатокъ на поясѣ.

— Вотъ и ужинъ для всей честной компаніи!—произнесъ онъ, входя. Облобызался съ хозлиномъ дома, поздоровался съ остальными гостями и пошелъ на кухню, мыть руки.

Тяжело пыхтя, внесъ денщикъ самоваръ, высвистывающій на всѣ лады; Павлуша сталъ перемывать стаканы и устанавливать графинчики. Зажгли свѣчи, такъ какъ уже совершенно стемнѣло, и вся компанія дружно принялась за чаепитіе.

— Благополучно покончили дѣла, Иванъ Акимовичъ?—спросилъ отецъ Павелъ, отирая о скатерть донышко стакана, такъ какъ имѣлъ обыкновеніе пить чай съ блюдечка.

— И не ожидалъ!—отвѣчалъ Глухаревъ-отецъ.—Да я, вотъ, все по порядку.

— Папаша этихъ скаредовъ — вотъ какъ! — отозвался Павлуша.—Онъ ихъ со всѣхъ сторонъ обошелъ.

— Ну, ужъ и скаредовъ! Люди хорошіе, тоже душу и сердце имѣютъ,—соскромничалъ «папаша».—Вѣдь покойникъ то Горкинъ какъ имъ служилъ! Вѣдь онъ, можно сказать, не одну сотню тысячъ сберегъ имъ и удвоилъ. Вотъ, напримѣръ: поставилъ я имъ на видъ.

— Постой, Ваня, ты хотѣлъ по порядку!..—остановилъ его Шелобовъ.

— Ладно! Отецъ Павелъ, подливай отсюда, вонъ изъ того узатенькаго. Такъ, вотъ, пріѣзжаю я къ нимъ. Такъ и такъ, говорю, по такому дѣлу. Бумаги всѣ со мною: опись, завѣщаніе и прочее, книги всѣ у нихъ уже вытребованы были отъ елѣдователя. Говорятъ, сами не могутъ—ждутъ Михаила Алексѣевича. Ладно! Когда, молъ, пріѣдетъ? Завтра, послѣ-завтра, жепремѣнно. Подождемъ. Пошелъ это я въ баню... славныя бани выстроилъ шельма Егорка, лучше чѣмъ въ Оренбургѣ: особыя ванны, полока таловые и даже вѣнчики березовые, изъ горъ ему сарты особенно привозятъ.

— Это за Чимкентской заставою? — полюбопытствовал отецъ Павелъ.

— Тутъ, сейчасъ же на выѣздѣ, на рѣкѣ. Остановился я у Прохорова, поужиналъ послѣ бани, спать легъ. Не спится! Все у меня это дѣло изъ головы не выходитъ! На другой день закупили все, что надо, въ клубѣ обѣдали... тамъ же пульку составили, по полкопѣйки: Перепелкинъ, Круторѣзовъ, Грифель и я.

— Грифель?.. Грифеля знаю!—разгладилъ бороду батюшка.— Онъ еще при мнѣ старшимъ писаремъ состоялъ при покойномъ Безагѣ... помню!

— Теперь, братъ, его и рукою не достанешь!.. Статскаго совѣтника ждетъ къ новому году. Далеко мѣтнть. Ну-съ, и скука, я вамъ доложу въ городѣ, страшнѣйшая!.. Опять же все въ застегнутомъ положеніи... все по формѣ... Большія тамъ пошли теперь на этотъ счетъ строгости.

— Приѣхалъ Хмуровъ что-ли?—нетерпѣливо махнулъ рукою Шелобовъ.

— Приѣхалъ! Какъ сказали, вышло вѣрно. Приѣхалъ я, мнѣ знать сейчасъ дали... Я къ нему... Такъ и такъ, говорю... объясняю все дѣло подробно. «Знаю, говоритъ, почтеннѣйшій Иванъ Акимовичъ, знаю! и все дѣло мною уже рѣшено. Я Федоромъ Петровичемъ болѣе чѣмъ былъ доволенъ, что уже говорить: не только правая рука моя былъ, еще меня училъ многому... Грѣхъ пополамъ!..» То есть, какъ это, думаю, пополамъ? восемьдесятъ тысячъ, это значитъ будетъ сорокъ. Да если и домишко и все продать, бумажонки какія собрать и деньги, что въ банкѣ, я вѣдь ничего не утаилъ,—такъ дай Богъ, чтобы на пятнадцать тысячъ набралось!.. Гдѣ же остальные добыть?.. Опять же дѣвушка нищю, бездомною сиротою должна остаться! Сосображаю это, да и говорю Хмурову: «Не тяжело ли сиротскимъ плечамъ будетъ?.. Вы бы Бога-то вспомнили!..» А онъ: «Да я, говоритъ, Его и не забываю. Я ей отца вернуть не могу, ей тоже моихъ денегъ вернуть неоткуда,—вотъ и грѣхъ пополамъ! Вотъ я въ какихъ смыслахъ...» Повеселѣлъ я! Ну, говорю, Михайла Васильевичъ, руку!.. Поцѣловались... Только я, постою думаю, Иванъ—Акимовъ сынъ, держись! не за свое дѣло хлопчешь, не поддавайся!..—Не худо бы, Михайло Васильевичъ, документъ по сему поводу,

мало ли что может послѣ выйти?! Дѣло не мое, дѣло святое, сиротское. Надо-то оберечь некому!..» Тутъ онъ всталъ сейчасъ, сказалъ: «И это понимаю», подошелъ къ конторкѣ и принялся писать. Написалъ, подаетъ. «На, говорить, читай—такъ ли будетъ?» на ты со мною перешелъ. Я ему тоже: «Давай братъ, Миша, прочту!..» И читаю: «Глубоко цѣня вѣрность и долгую службу нашей фирмѣ покойнаго отставнаго маіора Федора Петровича Горкина, и соболѣзную отъ души его тяжелой кончинѣ, послѣдовавшей ради службы фирмы, я, главный представитель сей фирмы, Михайло Васильевъ, сынъ Хмуровъ, симъ заявляю: всѣ счеты съ покойнымъ фирма считаетъ правильно законченными и никакихъ претензій къ имуществу и всему, что останется въ пользу наслѣдниковъ Горкина, не предъявляетъ и впредь предъявлять не имѣетъ. Въ чемъ и дается сіе удостовѣреніе, съ приложеніемъ торговой печати фирмы, моей именной и за мою собственноручною подписью».

— Вотъ и бумага эта! Павлуша, достань тамъ изъ сумки; синюю бумагою обернута и шнуркомъ перевязана. Эта самая!.. Давай сюда!

Удостовереніе Михайлы Хмурова обошло всѣхъ присутствующихъ.

— Благословляю десницу, писавшую сіе!—провозгласилъ отецъ Павелъ по прочтеніи и осѣнилъ листъ крестнымъ знаменіемъ.

— Душа-человѣкъ!—хлопнулъ по листу Шелобовъ.

— Позвольте, папаша, я опять заверну!.. — сунулся Павлуша.

— Заверни, Павлуша,—согласился Иванъ Акимовичъ,—да шторку опусти на окнѣ, а то акушерка уже два раза заглядывала... Экія эти бабы любопытныя!..

Тутъ принесли ужинъ и всѣ приступили къ «первой», послѣ которой, говорятъ обыкновенно, «не закусываютъ...» Иванъ Акимовичъ выждалъ, когда аппетитъ гостей удовлетворился, и приступилъ, не медля, къ главной цѣли «сего почтеннаго собранія».

— Извольте видѣть, государи мои, — началъ онъ очень торжественно. — Небезызвѣстно вамъ, что послѣднее письмо покойнаго къ его дочери, писанное нами, отчасти даже, со-

обща, по расчету моему, только что должно прибыть на мѣсто назначенія. Теперь Силантій уже тамъ; въ сборахъ и прочемъ пройдетъ, положимъ, еще недѣля, а затѣмъ Надя выѣдетъ сюда. Какъ вы это полагаете?..

Шелобовъ крикнулъ, потеръ лобъ и уставился глазами въ уголь, гдѣ его должно быть очень занимать яркій блескъ на ручкѣ отдушника. Отецъ Павелъ смахнулъ что-то съ глаза рукавомъ... Павлуша вышелъ въ другую комнату... Отецъ его прислушивался, кивнулъ головою по направленію къ двери и произнесъ, словно про-себя: «ишь! опять разрюмился!..»

— Такъ какъ же вы это, господа, полагаете?—повторилъ онъ свой роковой вопросъ.

— Предупредить надо, деликатно и со всею предосторожностью,—пониживъ голосъ, заговорилъ отецъ Павелъ.—Дѣвица воспитанія вѣжнаго, можно сказать—возвышеннаго; здоровье въ этихъ заведеніяхъ не Богъ вѣсть какъ укрѣпляется, паче того въ разстройство приходитъ... Сразу нельзя... печальныя могутъ быть тому послѣдствія...

— Знаю, что нельзя...—произнесъ Иванъ Акимовичъ.— Въ томъ-то и дѣло—«предупредить»... Да какъ?

— Письменно!—тряхнулъ головою батюшка.

Шелобовъ промолчалъ и тутъ.

— Я, папаша, уже составилъ черновую,—появился молодой Глухаревъ.—Такъ, можетъ, хорошо будетъ?

— Составили и чудесно! Не прочтете ли?—обрадовался отецъ Павелъ.

— Читай!—сказалъ Иванъ Акимовичъ.

«Многоуважаемая Надежда Петровна!—началъ чтеніе молодой Глухаревъ.—Повѣрьте, что въ лицѣ моемъ...—я отъ вашего имени пишу, папаша,—повѣрьте, что въ лицѣ не только моемъ, но и всѣхъ насъ, вы найдете себѣ такихъ же родныхъ, горячо любящихъ васъ отцовъ, что...»

Голосъ Павлуши задрожалъ, послышалось легкое всхлипыванье.

— Постой, постой!—перебилъ его Иванъ Акимовичъ.—Эты уже сразу! Это ты просто обухомъ по лбу!.. Этакъ, братъ, нельзя!..

— Негодится!—согласился и отецъ Павелъ.

Шелобовъ упорно молчалъ, по прежнему созерцая отдушникъ.

— Совѣтоваль бы я написать слѣдующее, и написать въ тонѣ религиозномъ, ибо Вѣра—прибѣжище страждущихъ и болящихъ душою...

Отець Павелъ тряхнулъ головою, обтеръ ротъ салфеткою и откашлялся.

— Совѣтую,—продолжалъ онъ,—писать такъ: «Господу Богу угодно было призвать вашего родителя въ мѣсто, идѣ же нѣтъ печалей и воздыханія. Пути Господни не исповѣдимы...»

— А это развѣ не прямо, какъ обухомъ по лбу, какъ палаша?—остановилъ оратора Павлуша, обиженный немного проваломъ своего проекта.

— Тоже, какъ будто предупрежденія маловато,—согласился съ сыномъ хозяинъ дома.

— Это я конецъ письма проектирую,—постарался вывернуться отецъ Павелъ.

— Кончить-то мы и сами съумѣемъ! А вотъ начало трудно... Эхъ, ты, Господи, и чему-то насъ учили смолоду? Шелобовъ, ты что же молчишь, слова не скажешь?!

Шелобовъ очнулся и вышелъ изъ своего созерцательнаго положенія.

— По моему,—началъ онъ,—надо просто написать, что отецъ ея посланъ въ очень дальнюю и продолжительную командировку... Затѣмъ, ну, поддѣлать что ли почеркъ и написать будто бы отъ него, изъ этой командировки, изъ самой Бухары... Объяснить ей, что отецъ поручилъ намъ встрѣтить ее и устроить какъ слѣдуетъ, пока онъ вернется... А тамъ, мало-по-малу... только...

Тигровый охотникъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, подошелъ къ столу, уперся въ него руками и продолжалъ:

— Только такъ, какъ я говорю, дѣлать ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ!..

— Что такое?—озадачился Иванъ Акимычъ.

— А такъ, потому что и глупо, и подло!.. Я вотъ одиннадцать лѣтъ изъ батальона ни шагу... Я хочу въ отпускъ... Тебѣ вѣдь вхвать самому нельзя, не слѣдуетъ!.. Сообрази почему!.. Павлушкѣ ни подѣ какимъ предлогомъ... поѣду я... возьму отпускъ и поѣду.

— Буда же ты поѣдешь? Въ Ташкентъ?..

— Нѣтъ дальше! Прямо вотъ по дорогѣ поѣду и буду

ѣхать, пока не встрѣчу. Съ нею и вернусь вмѣстѣ... Живою человѣкъ, живое слово. Небось, не испорчу дѣла!.. Тамъ оно, на мѣстѣ, виднѣе будетъ; а вы здѣсь сидите и ждите... Вотъ, что надо сдѣлать, по моему!..

— Мысль превосходная!—восхитился отецъ Павелъ.

— А мнѣ нельзя ѣхать вмѣстѣ?—сунулся молодой Глухаревъ.

— Ни-ни!—въ одинъ голосъ замѣтили всё трое.—Ни подѣ какимъ предлогомъ!

— Ну, батюшко, значить, рѣшено! Служи завтра напутственный!.. Завтра же скажу Ползункову, чтобы писалъ отпущекъ. На двадцать на восемь дней, — этого будетъ недостаточно... Опоздаю ежели немного, ты, Ваня, скажешь Огурчикову, чтобы сквозь пальцы проглядѣлъ. Небось, не подведу его подѣ отвѣтственность...

Этимъ Шелобовскимъ рѣшеніемъ окончилось засѣданіе въ домѣ старика Глухарева и затруднительный вопросъ былъ разрѣшенъ къ общему удовольствію.

II.

По ровной, степной дорогѣ Орско-Казалинскаго тракта катился укладистый тарантасъ, запряженный тройкою косматыхъ, большоголовыхъ киргизскихъ лошадей. Киргизъ-ямщикъ, несмотря на страшную июльскую жару, въ тяжеломъ, подбитомъ бараньимъ мѣхомъ малахаѣ на головѣ, и въ верблюжемъ халатѣ, лѣниво обмахивалъ кнutomъ оводовъ и слѣпней, назойливо облѣпившихъ костлявыя конскія спины; рядомъ съ нимъ, облокотившись о высокую спинку козелъ, дремалъ намъ знакомый уже Силантий, усердно поклеывая носомъ; въ откиннутые для прохлады фартуки фордека видна была, тоже спящая, Надя, полуутонувшая въ мягкихъ подушкахъ, покрытыхъ ситцевыми наволочками; мирно колыхались надъ ея головою, подвѣшанные на ремешкѣ, шляпныя картонки, въ ногахъ серебрился уголъ кованнаго погребца; вездѣ, гдѣ только можно было что-нибудь сунуть, торчали разныя дорожныя принадлежности, «крайне необходимыя» по словамъ стараго, бывалаго служиваго. За тарантасомъ, на подкладныхъ дрогахъ, покоился, прикованный цѣпами и весь оплетенный веревками, громадный сундукъ, плотно обернутый рогожами, поверхъ сундука еще какой-то

ящикъ, сверхъ всего, еще мягкая, высоко приподнятая укладка, и все это, вмѣстѣ съ парусиннымъ верхомъ экипажа, густо было напудрено тонкою, солонцеватою степною пылью...

Маловыѣзженныя лошади давно уже отскакали свои первыя, горячія версты,—обыкновенная привычка степныхъ коней,—давно успокоились, остыли, и шли ровною, покойною рысью... Кругомъ безконечно разстилалась выжженная солнцемъ равнина, изрѣдка только, тамъ и сямъ пересѣкаемая неглубокими, каменистыми балками. Поднятая колесами и ногами лошадей пыль почти недвижно стояла въ воздухѣ, знойная мгла дрожащимъ туманомъ заволакивала горизонтъ, и въ этой мглѣ, то будто близко, въ нѣсколькихъ шагахъ, то гдѣ-то далеко-далеко, сверкали водныя поверхности, ложныя озера степныхъ, полуденныхъ миражей...

Тихо было въ пустынѣ и глухой звонокъ разбитаго колокольчика слышался далеко, тревожа табунчики сайгаковъ, молніями исчезающіе изъ глазъ, при первомъ подозрительномъ звукѣ; только маленькія, сѣрыя черепахи безбоязненно ползали по всѣмъ направлѣніямъ, да зоркія ящерки стрѣлою шмыгали тамъ и сямъ, гоняясь другъ за другомъ, или же кейфовали, неподвижно, разинувъ пасть, лежали на самомъ припекѣ, съ наслажденіемъ представляя почти отвѣснымъ солнечнымъ лучамъ свою чешуйчатую спинку...

Ни одного мотылька надъ жалкими остатками выгорѣвшей растительности; ни одной птицы въ раскаленномъ воздушномъ пространствѣ!

Роскошная, полная жизни, зеленая степь, съ своими дымящимися аулами, съ безчисленными табунами коней и верблюдовъ, съ атарами густорунныхъ овецъ, съ бойкими косоглазыми всадниками, носящимися по зеленымъ равнинамъ съ гякомъ и свистомъ, съ звонкими голосами чумазыхъ ребятишекъ, съ дѣлыми стаями собакъ, несущихся съ лаемъ навстрѣчу проѣзжему экипажу, съ щебечущими мелкими пташками и съ орлами, плавно парящими на синемъ фонѣ лѣтняго неба... Эта чудная, такъ понравившаяся Надѣ, степь далеко осталась сзади... Давно уже кругомъ пошли унылыя солончаки, полное безлюдье, а дальше мертвые пески, горячіе, сыпучіе, безо всякаго признака растительности... и такъ далеко еще, вплоть до новой водной артерій, до новой полосы осѣдлости, до глинистыхъ, поросшихъ густымъ камышомъ береговъ рѣки «Сыра».

Колесо набѣжало на камень, звякнуло и трякнуло тарантасъ; вдрогнулъ Силантій, сонно поглядѣлъ по сторонамъ, вытянулъ изъ кармана тавлинку съ табакомъ и принялся набивать свой багровый носъ... Полѣзъ въ эту тавлинку и ящикъ-киргизъ, глубоко засунувъ туда свои черные какъ сажа пальцы; тотъ уже не къ носу понесъ, тотъ прямо въ ротъ, за щеку, сплюнувъ сквозь зубы предварительно...

— Какъ жарко!—послышался въ глубинѣ тарантаса томный голосокъ и легкое позѣвываніе...

— Испить не желательно ли, барышня?—встрепенулся старикъ, привставъ и, перегнувшись, заглядывая въ экипажъ...

— Дай, голубчикъ!.. Да скоро ли это мы прїѣдемъ!.. какая тоска!.. Господи!

— Скоро!—усмѣхнулся Силантій. — Нѣтъ, матушка, Надежда Федоровна, еще очень не скоро... Повремените... А вотъ испить у меня запасено... Я еще съ Джаловлей захватилъ три пары бутылочекъ, тамъ вода скусная, хорошая! не то что здѣсь пойдетъ, соленая... Посогрѣлась маленько, ничего! Я вотъ сейчасъ одну откупорю... Пожалуйста!.. Стаканчикъ тамъ, барышня, въ лѣвомъ карманѣ... повыше маленько... вотъ тутъ! Пожалуйста, я оботру его... Ну, да и пылища же анафемская! Ей Богу! Прости Господи...

— Скоро станція?—полюбопытствовала путешественница, глотая мутную, теплую воду.

— Скоро!.. Вонъ за тѣмъ пригоркомъ еще пригорокъ будетъ, тамъ логомъ пойдетъ дорога... опять лѣвѣе мазарка видна будетъ, а тамъ на спускѣ, а тамъ сейчасъ... отъ мазарокъ уже видна будетъ... Теперь недалеко!

— Станцій «джакымъ» (близко)!—подтвердилъ и ящикъ, мало-мало понявшій смыслъ объясненія Силантія.

— Гайда! Погоняй, чумазый!—внушительно замѣтилъ ему тотъ.—И что за народъ, право!.. Чуть замѣтилъ, что задремалъ пассажиръ, сейчасъ и самъ спать, а лошади шагомъ идутъ... только бы все изъ подъ кнута; нѣтъ чтобы постараться... Погоняй!..

И тройка пошла живѣй, колокольчикъ залазгалъ усиленно, пристяжные, взмахивая спутанными гривами, даже подскакивать стали.

— Тебѣ тамъ жарко... Садись сюда, ко мнѣ... здѣсь все-

таки тѣнь,—произнесла Надя, налившись и пряча стаканъ на свое мѣсто.

— Да я, матушка, видѣлъ, что вы дремать начали... Думаю, поразоспитесь, пораскинетесь... все просторнѣе будетъ... Вотъ и перебрался сюда. Намъ что, мы народъ привычный!.. Мы вотъ въ шестьдесятъ пятомъ году...

— А это что видно?.. Тамъ?..

Надя показала рукою.

— Это вотъ они самыя мазарки и есть! Могилы такія, святыхъ ихнихъ, что ли! Вотъ теперь и станція скоро... На той станціи урядникъ Бородинъ, за станціоннаго, землякъ мой; у него самоваръ есть... корову тоже держать, молочкомъ помотчуетъ. А ты, знай свое дѣло, пошевеливай!.. Теперь, барышня, дня на два еще этакой то каторжной дороги будетъ, а послѣ опять пойдетъ хорошая сторона... Тамъ уже, чѣмъ дальше, то лучше... Мы, гляди, къ самому винограду поспѣемъ...

При словѣ «виноградъ» дѣвушка даже повеселѣла. Отъ наблюдательнаго глаза опытнаго спутника не скрылось такое обстоятельство. Онъ тоже улыбнулся и продолжалъ:

— Тамъ, барышня милая, чего-чего нѣтъ! Сады какіе, тѣни сколько! Птицы райскія и чай китайскіе... Такъ то! хе! хе!.. Вотъ потерпите... къ вечеру много прохладнѣе будетъ... Теперь у насъ ночи мѣсячныя, свѣтлыя... Мы всю ночь продемъ... Вы себѣ спите покойно, не сумѣвайтесь... я постерегу...

Старикъ словно оборвалъ свою фразу. Смолкъ и отвернулся... Надя пылливо поглядѣла ему въ затылокъ.

— Все отъ Господа! все отъ Него!—вдохнулъ Силантій и продолжалъ:

— Въ пути, что во храмѣ... да! Безъ креста и молитвы ни-ни!.. Потому, какъ Онъ ежели захочетъ,—уважить... Благодареніе и слава Ему, Всемиловитому!.. Нѣтъ коли,—на все Его Святая воля!.. Такъ то, матушка Надежда Федоровна... Такъ то!...

— А гдѣ ты леденцы спрягалъ?

— Леденцы! конфетки то эти?! Они тамъ, въ синемъ мѣшкѣ... Гдѣ сахаръ и чай, тамъ и они. Я ихъ нарочно въ погребецъ не запиралъ, чтобъ подъ руками были...

Киргизъ-ямщикъ замахалъ рукавами и особенно оживился, рванувъ пронзительно на усталыхъ лошадей и пройдясь по

вѣсьмъ тремъ спинамъ ременнымъ кнутомъ. Тройка подхватила вся вскачь.. Впереди, на косогорѣ, на желто-сѣромъ фонѣ солончака, ярко заблѣлась на солнцѣ приземистая мазанка съ двумя подслѣповатыми окнами и растворенною дверью посрединѣ... Сзади къ мазанкѣ примыкалъ камышевый загонъ и полурастрепанный навѣсъ; недалеко чернѣлъ срубъ колодца... Табунчикъ коней бродилъ по близости... У крыльца стоялъ тарантасъ, съ приподнятыми кверху оглоблями... Изъ подъ крыши, изъ отверстія, замѣнявшаго трубу, валилъ густой столбъ черного дыма.

Это и была давножданная станція.

III.

Услышавъ грохотъ приближающагося экипажа, какой то проѣзжій офицеръ показался на порогѣ станціи и, прикрывшись рукою отъ солнца, сталъ пристально всматриваться.

— А вѣдь это нашъ, барышня!—обрадовался Силантій, обращаясь къ Надѣ.—Такъ и есть! Его благородіе капитанъ Шелобовъ!.. Они самые?!

— Василий Ивановичъ?!

— Такъ точно... Волкъ и «барантачъ» ихъ выскочилъ... Ишь ты пельмецъ! должно узналъ меня... Ишь какъ на встрѣчу задуетъ!.. Эхъко умный песь!..

Большая сѣрая, косматая собака очутилась уже у самаго тарантаса, прыгая съ привѣтливымъ лаемъ и взвизгиваніемъ...

— Ого-го!.. Охъ, ты «барантачъ», и впрямь «барантачъ...» ахъ ты, бестія!..

— Здорово Силантій!—крикнулъ Шелобовъ, тоже двинувшись на встрѣчу.—Везешь?!

— Везу!..

Тарантасъ остановился. Надя выглянула оттуда, и ея глаза замотрѣли на Василя Ивановича скорѣе испуганно, чѣмъ радостно. Сердце билось усиленно... Вопросъ словно замеръ на устахъ...

— Отецъ?!—начала было она и остановилась.

— Слава Богу, все хорошо... То бишь, что я сказала... Я не знаю... должно быть хорошо... Я вѣдь самъ вотъ давно не былъ, теперь возвращаюсь... Вотъ и отлично!.. значитъ

теперь вмѣстѣ и поѣдемъ... Вы какъ здоровы, Надежда Федоровна?..

Шелобовъ растерялся. Онъ не ожидалъ, что уже будто бы такъ сразу и придется приниматься за дипломатію.

— А я полагалъ, что вы отъ насъ, значитъ, въ Россію, ѣдете?—вставилъ свое замѣчаніе Силантій.—Я гляжу, что тарантасикъ вашъ туда оглоблями стоитъ...

— Да я... я, то есть, изъ отпуска... а теперь вмѣстѣ... гм...

Силантій разомъ смолкъ, потупился, зашелъ за тарантасъ и долго копался тамъ, провѣряя крѣпко ли кладь привязана, не разслабло ли что... А киргизъ отпрегъ уже одну пристяжную, тоже приостановился и на старика смотритъ: чего это, молъ, онъ стоитъ и ничего не дѣлаетъ? стоитъ, не то плачетъ, не то соринку изъ глаза вытираетъ... да все крестится, словно своему Богу молится...

— Какая же вы большая стали, какая хорошая!—говорилъ Шелобовъ, помогая Надѣ вылѣзть изъ экипажа.—Встрѣтилъ бы гдѣ и не узналъ бы, Надежда Федоровна, ей Богу-съ!

— «Надежда Федоровна!»—укорительно улыбулась дѣвушка,—а *Надя* бы васъ всегда узнала... Вы постарѣли, почти сѣдой стали, а все бы узнала... Стыдно!

— Да вѣдь въ мои лѣта десятокъ годовъ ничего, совсѣмъ мѣняться нельзя, а вѣдь вы, Над... ну хоть Надя, будь по вашему... Вы вѣдь ребеночкомъ отъ насъ вывезены, а теперь—ишь ты... Урядникъ, самоваръ, живѣ!

Вошли въ горницу, на-бѣло оштукатуренную, довольно просторную саклю, вдоль стѣнъ которой, вмѣсто мебели, были сдѣланы глинобитные прилавки, покрытые дешевыми киргизскими коврами. На стѣнахъ висѣли росписанія, почтовые правила, расчетный прогонный листокъ и портретъ генерала въ штатской формѣ, со звѣздою и взбитымъ кокомъ на головѣ; все это въ рамкахъ, за разбитыми, запыленными стеклами. Чуть не четверть всей комнаты занимала громадная русская печь съ лежанкою, полъ былъ кирпичный, смазанный глиною, засоренный окурками папиросъ, скорлупою отъ яицъ и разными объѣдами дорожныхъ припасовъ; на грязномъ столѣ стояла коробка отъ сардинъ съ крупною сѣрою солью, лежали мѣшокъ съ сухарями, свертки бумажные съ сахаромъ и чаемъ,—остатокъ колбасы... Урядникъ Бородинъ, оставивъ самоваръ на

попеченіе одного изъ ящичковъ, приводилъ въ порядокъ чайный приборъ, вытирая стаканъ полою своей армячинной рубахи... Барантачъ, вернувшійся со встрѣчи, вытянулся, высушивъ языкъ, на одномъ изъ прилавокъ, стеречь бурку и чемоданчикъ своего хозяина.

— А ты позаботься чтобы лошадей сейчасъ, въ оба тарантаса, живо!—распорядился Шелобовъ, обращаясь къ станціонному.

— Вы какъ-же, ваше благородіе?..—удивился тотъ.

— А такъ-же... я назадъ ѣду!—шепнулъ капитанъ уряднику на ухо.

— Слушаю-съ!—также шепотомъ отвѣчалъ тотъ, и вышелъ.

Явился и Силантій, убѣдившійся, должно быть, что все привязано крѣпко, и снова выдержалъ на себѣ испытывающій, пристальный взглядъ Нади.

— Вы, Надя, вотъ что...—обратился Василій Ивановичъ къ дѣвушкѣ.—Вамъ можетъ быть что поправиться надо? Мы съ Силантіемъ выйдемъ пока, тамъ позовете... Пойдемъ, старина!..

— Сейчасъ! вотъ только полотенчко достану, да воды свѣжей нацѣжу въ умывальникъ... Я мигомъ управлюсь... Вотъ и вода готовая припасена... Ходить не зачѣмъ...

Управился Силантій, а Шелобовъ его на дворѣ подождалъ. Притворила Надя дверь, на крючекъ защелкнула, а сама къ окну. Стекла пыльные, мухами засиженныя... ей на свѣтъ видно почти все, а ее никто не видитъ... Только, жаль, говорятъ очень тихо. Поговорятъ, да сюда посмотреть, поговорятъ опять и опять обернутся...

Присѣла Надя на прилавокъ, опустила руки и задумалась... Тяжелое предчувствіе давно уже стало закрадываться въ ея сердце... Уже дня три замѣтила она, что ея старый спутникъ сильно измѣнился. То все былъ такой веселый, разговорчивый, даже пѣсни ей пѣлъ, солдатскія, своимъ старческимъ, разбитымъ голосомъ, а вдругъ, не то: послѣ того какъ фортъ Иргизъ проѣхали, совсѣмъ измѣнился старикъ: если и улыбнется, если и начнетъ рассказывать про что-нибудь веселое, то, видимо, насильно, нехотя, какъ то дѣланно,—и не веселитъ это ее, Надю, пуще прежняго разстроиваетъ, болѣзненно растрываетъ ея мучительное предчувствіе чего то недоброго, роко-

вого!.. И дорога опять, эта длинная утомительная дорога! Прежде, бывало, сотни верстъ мелькали незамѣтно, дни за днями, словно часы пролетали, а теперь словно черепаха ползетъ время, безъ конца тянется эта сѣрая, пыльная лента... Тяжко!..

На крылечкѣ Шелобовъ и Силантій тихо и печально разговаривали.

— Да, братъ!—покачалъ головой Шелобовъ.

— Это точно!—погупился Силантій.

— И вотъ, братецъ мой, какъ снѣгъ на голову, все это обрушилось!

— Божья воля!..

— Нѣтъ, ты посуди!.. Добро-бы померъ, отъ болѣзни что-ли какой, отъ старости... А то...—Шелобовъ покосился на окно, взглянулъ туда же и Силантій..

— Въ Иргизѣ я слышу... Такъ и обмеръ... Куда уже вѣсть зашла!.. Сказывали, иль-за капитала польстились!..

— Теперь я вотъ затѣмъ и выѣхалъ навстрѣчу... чтобы, знаешь, не сразу...

— Это на что же лучше!.. Вѣрите ли, Василій Ивановичъ, я за эти три дня просто измучился! Какъ это разговоръ пойдетъ промежъ насъ, такъ и бѣда! Не знаю какъ и языкомъ ворочать... Все слова разные придумываю, и все неладно выходитъ... Самъ вижу, что неладно... Я уже и по нихъ это замѣтилъ...

— Что ты?

— Сами увидите... известно дѣло, кровь говоритъ... не чужой кто,—отецъ родной! вотъ она, кровь эта, и сказывается...

Звякнула задвижка, встрепенулись бесѣдующіе... Вошли. Стоитъ Надя у стола, къ нимъ спиною, умывальникъ не тронуть, полотенце такъ и лежитъ, свернутое, на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ его Силантій положилъ.

Шелобовъ и старикъ переглянулись молча между собою.

— Торопи самоваръ поскорѣе! Да скажи: что-же, моль, лошадей не закладываютъ?!—засуетился капитанъ.—Ну, Надя, устали таки вы, я думаю, порядкомъ!..

— Устала!—проговорила дѣвушка...

— Ну, теперь уже недалеко...То бишь оно очень далеко, слишкомъ полторы тысячи верстъ... Да я такъ вотъ радъ что,

вы нагнали... эго случай то какой, счастливый!.. Теперь вмѣстѣ, такъ двумя тарантасами, караваномъ значить, и покатимъ! чудесно!

— Вмѣстѣ!—повторила Надя, почти машинально.—Я очень рада...

— Тутъ вотъ скоро верблюжьи станціи пойдутъ. Знаете, пески этакіе страшные! лошадямъ не свезти, такъ верблюдовъ запрягаютъ... забавно! Тамъ, я думаю, вы, у себя въ институтѣ, на верблюдахъ не ѣздили?!. А потомъ все отлично пойдетъ... Недѣли въ двѣ докатимъ, скорѣе можетъ быть даже. А вотъ и самоваръ ташутъ! Посторонитесь немного!.. Ставь сюда на столъ!.. да, позвольте, я самъ заварю, что вамъ, право, безпокоиться.

— Заварите, Василій Ивановичъ...

— Силантій!.. Или, нѣтъ! Онъ тамъ киргизятъ учитъ тарантасъ подмазывать... Силантій! покончишь, иди чай пить!.. нечего проклажаться!.. Пожалуйте!.. Сахаръ сами положите, по вкусу?

Тронулись дальше.

Тарантасъ Нади впереди, Шелобовскій сзади. Дорога съ каждымъ шагомъ становилась хуже. Уже начались пересыпи, песчаные заносы, грядами пересѣкающіе твердо утрамбованный колесами путь; полузамученныя почтовые клячи шли почти шагомъ, трогая рысцею изрѣдка, развѣ гдѣ дѣло шло подъ горку. Солнце перешло за полдень и жара, казалось, еще болѣе усилилась. Силантій снова усѣлся на козлы передняго тарантаса, но дорогою перебрался къ Шелобову.

Онъ понималъ необходимость, что называется, спѣться какъ слѣдуетъ, и вотъ, ради этой именно цѣли, онъ, сначала, соскочилъ съ козелъ, приостановился, а затѣмъ пошелъ рядомъ съ Шелобовскою повозкою, придерживаясь рукою за облучекъ.

— Потолковать надо бы какъ слѣдуетъ!— началъ онъ первый.

— Толкуй не толкуй, а дѣло дрянъ!—замѣтилъ Шелобовъ, надымивъ полный тарантасъ своими кручеными папиросами.

— Вотъ теперь, по моему, если сказать все прямо, повиниться-бы, да и камень съ души... Что же, вѣдь, воля Божія!.. рано-ли—поздно-ли, узнать должна. Чтожь и себя, да и ее,

голубушку, томить... Вы, думаете, ей легко тоже? Я так полагаю, что коли ежели запала у ней на сердце эта самая предчувственность, то ужь шабашь... Либо уже прямо надо обманомъ брать, либо все на чистоту... А то ни то, ни се... Пытка—одно слово!

— Пытка!—согласился Василий Ивановичь.—Это вѣрно!.. Легче бы, кажется палець за пальцемъ тупымъ ножемъ рѣзать... Хочешь папирску?

— Покорнѣйше благодаримъ! Мы другимъ манеромъ употребляемъ... Моего не прикажете-ли?

Вытянулъ Силантій тавлинку, зарядился... Стали оба въ молчанку играть; минутъ десять забавлялись такимъ образомъ. Не замѣтили какъ Надя выглянула назадъ изъ тарантаса и снова спряталась. Пошли кони рысцою, привскочилъ старикъ на подножку, присѣлъ на облучекъ...

— Ты, вотъ, говоришь, повиниться надо, все рассказать, какъ слѣдуетъ!.. А что изъ этого выйти можетъ, а? Ты какъ объ этомъ думаешь?—прервалъ тяжелое молчаніе Василий Ивановичь.

— Это уже какъ Богу угодно... Большая, можно сказать, печаль...

— Печаль! То-то... А что ежели, да съ такого горя бѣда какая приключится! Обморокъ—что!.. Это еще поправимо! А вотъ если что хуже!.. Бываетъ разрывъ сердца, ударъ—и гово! Да оборони Богъ!.. Болѣзнь ежели даже, не приведи Господи... Здѣсь, въ степи, въ пескахъ этихъ! Ни аптеки, ни доктора... Что мы съ тобою дѣлать станемъ?..

— Это точно!..

— Опять, вѣдь, что грѣха таятъ! Намъ вотъ съ тобою тяжело, мы и думаемъ, что намъ тогда полегче станетъ, изъ-за того больше и хлопочемъ... Нѣтъ, не ладно!

— Зачѣмъ изъ-за себя!.. Перетерпимъ!..—потушился старый инвалидъ.

— Нѣтъ уже врать, такъ врать до конца. Все, молъ, благополучно, ничего худого не слышать, да и не слышно было... Поберегать только, чтобы стороною не узнала... Ну, да вдвоемъ это нетрудно... А тамъ, какъ приѣдемъ, или близко подъѣзжать станемъ, тамъ уже видно будетъ, какъ и что... Тамъ посмотримъ!

— Что же! И это можно! — согласился Силантій. — Отчего не так!

Порѣшили на томъ, чтобы «вратъ» до конца.

Такъ бы оно, можетъ быть, и вышло, если бы это твердое рѣшеніе, въ эту же ночь, не разрушила сама Нада.

IV.

Проѣхали и эту станцію, проѣхали и другую. Добрались, наконецъ, до верблюжьихъ перегоновъ.

Горбатые, неуклюжіе «корабли пустыни» сначала очень занимали юную путешественницу. Она припоминала, въ дѣтствѣ еще, странныя формы этихъ животныхъ, но теперь отвыкла и сначала побаивалась ихъ, а главное ихъ отвратительнаго болѣзненнаго рева. Медленно двигался поѣздъ посреди сыпучаго, накаленнаго песка; изнуренные верблюды останавливались чуть не на каждомъ шагу, доводя до отчаянія неистовавшихъ, усердія ради, возницъ. Шелобовъ и Силантій почти все время шли пѣшкомъ, помогая ямщикамъ одолѣвать препятствія, хватались за колеса, подпихивали сзади; кнуты, ногайки, все, чѣмъ можно было нанести ударъ, волю гуляло по ребрамъ несчастныхъ «кораблей». И, все-таки, только послѣ заката солнца, дотянулись, наконецъ, до станціи Акъ-Джупнасъ, и то остановились въ виду, не доѣзжая, такъ какъ передъ самыми, полужансенными пескомъ кибитками и мазанкою станціоннаго дома, поднималась сплошная сыпучая гора, окончательно непреодолимая для измученныхъ верблюдовъ.

— Что это тамъ? — спросила Нада, указывая рукою въ ту сторону, гдѣ кровавымъ блескомъ, отражая вечернее зарево, свѣтилась узкая полоса воды.

— Это море, — отвѣчалъ Шелобовъ. — Аральское называется, по нашему просто Араль. Оно сюда концомъ подходитъ. Теперь уже и Сыръ-Дарья недалеко... Станцій — полдюжины, больше не осталось.

— Рыбы что въ этомъ морѣ страсть! — замѣтилъ Силантій.

— Сомы въ пять аршинъ попадаются. Осетровъ, такъ это сколько угодно.

— Лебедя тоже, эти долгошейные. Цапли, эво какія! а

крылья у нихъ какъ кумачъ красныя. Краснокрылыми такъ и называютъ...

— Въ прошломъ году тюленей видѣли. Одного зашибли.

— А бабы-птицы! знаете, этакъ въ родѣ гуся, только много погрузиѣ и подъ носомъ снизу будто мѣшокъ подвѣшенъ, онѣ въ него рыбу собираютъ, про запасъ.

Но не особенно должно быть занимали Надю эти зоологическія подробности. Задумчиво, облокотившись на руку, смотрѣла она, какъ гасло поемному красное зарево, какъ темнѣе и темнѣе становились силуэты песчаныхъ горъ, какъ плавно рѣяли надъ водою какіе-то пернатые хищники, или неподвижно сидѣли на отмеляхъ, подстерегая добычу...

Здѣсь, въ это время, невыносимый дневной жаръ быстро смѣняется рѣзкимъ холодомъ ночи. Порѣшили путешественники, чтобы дожидаться до разсвѣта на томъ же мѣстѣ, потребовать со станціи свѣжихъ верблюдовъ, а затѣмъ уже, продолжать дальнѣйшій путь.

Силантій съ Шелобовымъ пошли собирать прошлогодній бурьянъ по берегу и сухой пометь по дорогѣ для костра; киргизы выпрягли верблюдовъ и погнали ихъ къ станціи, Надя осталась одна въ тарантасѣ и вдругъ зарыдала, уткнувшись лицомъ въ подушку. Только голосъ Шелобова, да красный свѣтъ зажженного костра вывели ее изъ этого положенія. Оправившись насколько можно было, Надя вышла изъ экипажа и стала прогуливаться по берегу. Силантій завозился съ закусками и чаемъ. Шелобовъ досталъ изъ чехла ружье и пошелъ за Надею,—ему хотѣлось позабавить хоть чѣмъ-нибудь дѣвочку.

— Дай, думаю, подстрѣлю орла. Красиво глядѣтъ какъ онъ оттуда, сверху, турманомъ, да прямо въ воду.

— Не надо, не надо,—замахала Надя руками, едва завидѣла смертоносное оружіе...—Зачѣмъ убивать... Не надо!

У Шелобова руки опустились.

Напились чаю. Силантій приготовилъ въ тарантасѣ постель для Нади, застегнулъ ее снаружи фартуками, Шелобовъ улегся у себя, старикъ-инвалидъ предпочелъ запросто «на песочкѣ», подостлавъ подъ себя, спеціально для сего предназначенную, кошечку. Заснули.

Луна, громадная такая, шафранно-желтая, поднялась надъ

песчаными вурганами, мало-по-малу заливая все своимъ фосфорическимъ свѣтомъ. Настала мертвая тишина, положительно непрерываемая ни единымъ звукомъ.

Заснула печальная пустыня.

— Ваше благородіе! А, ваше благородіе!—заглянулъ Силантій въ тарантасъ Шелобова.

— А, что такое?—выглянулъ тотъ изъ-подъ шинели и приподнялся на локоть.

— Встаньте-ка, да послушайте!

Силантій говорилъ шепотомъ. Василий Ивановичъ въ одно мгновеніе былъ на ногахъ.

— Тихонько, ваше благородіе. Подойдите сюда, да послушайте сами. Я уже давно прислушивался, думалъ пройдетъ, а тутъ еще хуже пошло. Васъ вотъ разбудилъ... Подойдемъ поближе.

Спутники осторожно подошли къ тарантасу Нади и стали вслушиваться.

Бѣдную дѣвушку должно быть мучилъ во снѣ тяжелый кошмаръ. Она металась и глухо стонала. Эти стоны мало-по-малу перешли въ истерическія рыданія и вдругъ завершились громкимъ, полнымъ ужаса крикомъ.

Шелобовъ рванулъ закрывавшіе фордекъ фартуки такъ, что всѣ ремни и пряжки отлетѣли въ стороны. Силантій растерялся и принялся унимать барантача, неистово почему-то завывшаго.

— Надя, Надичка! что съ вами?—заботливо спросилъ Василий Ивановичъ.

— Да цыцъ ты, проклятый! Барышня, голубушка, да, помилуй Богъ! что такое попритчилось?

— Надя, проснитесь же!

— Сонъ... ужасный, страшный сонъ!—простонала дѣвушка и смолкла.

Опять переглянулись спутники; на этотъ разъ очень уже выразительно.

Прождали минуты три.. послышалось ровное, спокойное дыханіе спящей.

— Вы, ваше благородіе, идите почивать себѣ, съ Богомъ, я постерегу. Вотъ тутъ посижу на откидочкѣ...

Старикъ присѣлъ на подножку тарантаса.

Шелобовъ постоялъ, постоялъ, обошелъ съ другой стороны и тоже присѣлъ на другую подножку. Луна поднялась высоко. На востокъ, за грядою песчаныхъ борхановъ, показались блѣдные признаки предразсвѣтной зари.

— Когда именно умеръ отецъ? Въ какой день?—раздался голосъ Нади надъ самымъ ухомъ Шелобова.

Тотъ вздрогнулъ всею тѣлою и обернулся.

Ярко освѣщенная луною голова дѣвушки была почти около самаго его лица, ея глаза смотрѣли прямо ему въ глаза. И въ этомъ дѣтскомъ, кроткомъ взглядѣ такъ и читалось: «Говорите правду, потому что я все понимаю, все знаю... Я горячо благодарна за то чувство ваше, которое заставляло васъ скрывать отъ меня ужасную истину... Теперь это бесполезно. Теперь, когда я знаю все, лгать больше незачѣмъ... Говорите!»

— Семнадцатаго, въ пятницу, — проговорилъ Шелобовъ.

— Въ Иргизѣ мнѣ сказывали: одиннадцатаго, — добавилъ Силантій.

— Его убили?—продолжала Надя.

— Да!..

— Убили, матушка!.. Злодѣи на капиталъ польстились... Убили кровопійцы окаянные! — зарыдалъ старый инвалидъ, сразу давшій волю своему, долго сдерживаемому горю.

— Надя, вы откуда же это знаете?—спросилъ озадаченный Шелобовъ.

— Сонъ, страшный сонъ... Я во снѣ видѣла все... все... Я видѣла кровь... много крови... и тамъ мой отецъ...

Снова истерическія рыданія прервали голосъ дѣвушки, снова заматались около нея не приспособившіеся къ такимъ дѣламъ спутники.

— Не выдержалъ, старина, прорвался... Эхъ, ты!—укоризненно замѣтилъ Шелобовъ.

— Да вѣдь вы первые, Василій Ивановичъ!.. Я послѣ, — оправдывался тотъ.

Оба огорчились. Въ глаза другъ другу смотрѣть не хотѣли.

До самаго восхода солнца продолжался припадокъ Нади. Молодая натура, да и усталость, взяли верхъ надъ горемъ, и она незамѣтно заснула.

Привели тѣмъ временемъ свѣжихъ верблюдовъ, говорили шепотомъ, грозными взглядами и внушительными жестами успокаивая безремонтную болтовню киргизовъ-ямщиковъ. Не могли только унять отвратительнаго рева верблюдовъ, педовольныхъ, надо полагать, ихъ предстоящею работою (впрочемъ и эти звуки не въ силахъ были прервать глубокой, словно заколдованный, сонъ дѣвушки). Покончили съ запряжкой—и тронулись дальше...

У.

Время лѣчитъ все. Дорога, со всеѣмъ разнообразіемъ своихъ впечатлѣній, усиливаетъ цѣлительныя свойства времени.

«Предчувственность», какъ выражался старикъ Силантій, сама собою подготовила дѣвушку къ роковому удару. Нѣжная, инстинктивно доходящая до самыхъ тончайшихъ оттѣнковъ заботливости этихъ, сопровождавшихъ ее, съ вида такихъ суровыхъ, воякъ, сдѣлала свое дѣло.

Надя не чувствовала себя одинокою, чужою.

Она понимала и вѣрила, что ее любятъ. Она не спрашивала «за что?» Она по-дѣтски, довѣрчиво отдала себя въ полное распоряженіе этихъ людей, привязалась къ нимъ всею душою—и сознание себя круглою сиротою, одинокою съ первыхъ ступеней наступающей жизни, ни разу не приходило ей въ голову.

Ей не давали задумываться... Ея вниманіе постоянно отвлекалось отъ рокового вопроса.

Ея будущее рисовали передъ нею въ розовыхъ краскахъ, и эта длинная, утомительная дорога, казалась ей легка, и даже отрадна, уже потому, что съ каждымъ шагомъ приближала ее къ чему то такому, гдѣ ее ждетъ—любовь, тепло роднаго гнѣзда, все чѣмъ, обыкновенно, дорога родина, дороги нѣдра семьи.

Кровавыя, тяжелыя подробности убійства ея отца, эпизоды слѣдственнаго дѣла, все ненужныя, растрavляющія только раны сердца мелочи, все это было сглажено и обойдено, а между тѣмъ любовь и уваженіе къ покойному, проглядывающія въ каждомъ словѣ о немъ ея спутниковъ, живо рисовали передъ глазами Нади его образъ, только образъ этотъ теперь какъ будто бы раздваивался, воплощаясь въ другія, живыя формы.

Заглянетъ-ли, бывало, Силантій къ ней въ тарантасъ, заботливо поправить подушку, поприкроетъ колѣна... Добрымъ такимъ, мягкимъ огонькомъ заискрится, въ тѣни угрюмыхъ, сѣдыхъ бровей, его глаза,—отецъ! Шелобовъ-ли подойдетъ, возьмется рукою за грядку повозки, идетъ рядомъ, а то на облучекъ подсядетъ, все что видитъ она новаго, чуднаго, обясняетъ ей толково и просто, точно ребенку чудныя сказки рассказываетъ,—отецъ!.. И тамъ, дома, все такіе-же... Тамъ Надю ждутъ будто дочку любимую... Тамъ грустятъ ея грустью, болѣютъ ея болью, радуются ея радостью.

Ея счастье—ихъ счастье, ея горе—ихъ горе... Тамъ вѣдь все «отцы»...

Шелобовъ и самъ не сознавалъ, какъ это онъ успѣлъ подготовить и развить въ Надѣ это чувство.

А тутъ Силантій говоритъ: «на все, молъ, воля Божія!» сказалъ запросто, но глубоко вѣруя въ сказанное. И цѣликомъ передалъ въ сердце дѣвушки эту святую вѣру, вѣру успокоительную, все исцѣляющую.

Василій Ивановичъ рассказывалъ Надѣ о Глухомъ фортѣ, о томъ какъ они это мѣсто у бухарскаго эмира штыками добывали, какъ строились и укрѣплялись, какою на томъ самомъ мѣстѣ благодать обрѣли, рассказывалъ събъ Иванъ Акимовичъ, напоминая Надѣ ея годы дѣтства, говорилъ объ Огурчиковѣ, такіе все смѣшныя анекдоты рассказывалъ, объ отцѣ Павлѣ и его семьѣ, о Грунѣ, общей любимицѣ, говорилъ о Павлушѣ... Въ послѣднемъ случаѣ его рассказъ особенно оживлялся... Шелобовъ очень любилъ этого молодого человѣка, за его простоту и скромность, за дѣтскую искренность и чистоту его сердца.

— Красная дѣвица, да и все тутъ! — говорилъ онъ.—А какой молодецъ! Храбрости и силы непомѣрной... сказалъ ежели что, такъ уже никакихъ векселей тамъ, либо удостовѣреній не надо... Вѣрно!.. Росту высокаго, стройный, лицомъ красавецъ писанный... На конѣ посмотрѣть, совѣтъ картина!.. Да что тутъ говорить. Весь въ отца, какимъ тотъ былъ смолоду, а лицомъ въ мать... Извѣстная была красавица!

Случалось, что Силантій, вполне раздѣлявшій въ такихъ случаяхъ мнѣніе Шелобова, улучивъ минутку удобную, подмигивалъ Василю Ивановичу, шенча:

— Вотъ бы намъ, ваше благородіе, сосватать такую парочку!

— Очень просто! — соглашался и Шелобовъ. — Полагаю, что это имъ обоимъ такъ на роду написано... Поживемъ — увидимъ!..

Бывало и такъ, что Василій Ивановичъ, отойдя куда нибудь подальше, задумается, потрясетъ головою своею гладко остриженною, потянетъ за сѣдой усъ, вздохнетъ и про себя скажетъ:

— Эхъ ты, Вася, Вася, сѣдой чертъ... Еслибы тебѣ, этакъ, годковъ безъ пятка тридцать съ костей — можетъ быть и самъ бы ты охотно пристроился!..

Засмѣется и пойдетъ стороною, по терновымъ зарослямъ, подстрѣлить фазанятъ пару, пока тарантасы шагомъ въ гору выберутся.

Разъ какъ-то въ переднемъ тарантасѣ кони пристали. Въ тотъ годъ проѣздъ былъ усиленный. Новый губернаторъ штаты мѣнялъ. Старые уѣзжали, новые ѣхали на открывшіеся мѣста... Какъ ни выносливы степные кони, а и тѣ сдались, изъ силъ выбились, — и ночевать на полдорогѣ проѣзжимъ случалось частенько. Станція эта была одна изъ самыхъ тяжелыхъ, — по урочищу Кара-Кузакъ, въ объѣздъ розливовъ Сыръ-Дарьи. Топкій, мѣстами совершенно распутившійся, солончакъ задавалъ усиленную работу лошадямъ; экипажи глубоко врѣзывались своими колесами, тащились шагомъ, да и то слава Богу, что тащились.

Солнце еще не сѣло, когда стала тройка въ тарантасѣ Нади. Ямщикъ распрягъ лошадей и поѣхалъ на нихъ на станцію, за свѣжими; вернуться засвѣтло не могъ; а въ этихъ мѣстахъ ночью ѣздить опасно. Тутъ, по сторонамъ дороги, безконечно растянулись густыя поросли камыша, джиды и терновника, любимыя мѣста для тигровъ, — и киргизъ, пробирающійся съ тройкою по такой дорогѣ, легко могъ бы сдѣлаться добычею четверногого хищника. Вотъ почему ямщикъ и могъ вернуться къ оставленнымъ экипажамъ только на слѣдующій день, утромъ.

Нашему поѣзду пришлось провести ночь подъ открытымъ небомъ, бивуакомъ, что, конечно, нисколько не смущало Шелобова, давно уже привыкшаго и освоившагося съ подобными обстоятельствами.

Сѣло солнце, густой туманъ затянулъ чашу, — стемнѣло быстро. Силантій огонекъ развелъ, чай варить собрался... Пока Шелобовъ постель устраивалъ, Надя на козлы забралась, тамъ ей веселѣе казалось, и все прислушивалась къ странному, грубоватому, немного дѣтскому плачу — то и дѣло раздававшемуся по сторонамъ, то будто далеко гдѣ то, то совсѣмъ уже близко... Шелобовъ объяснилъ ей, что это чебалки развылись, потому съѣстное чуютъ — «подлецъ звѣрь, вродѣ собаки — совсѣмъ безопасный, трусливый, только надоѣдливый до страсти»... Но тутъ шакалій вой смолкъ разомъ и воцарилась мертвая тишина. Въ сторонѣ, должно быть далеко отсюда, кто то вздохнулъ, протяжно такъ, будто со сна потянулся и прикрылъ рукою зѣвоту... Черезъ нѣсколько минутъ вздохъ этотъ повторился слышнѣе, ближе и закончился глухимъ рокотаніемъ, словно громъ прогремѣлъ въ отдаленіи...

— Что это? — спросила испуганно Надя.

— Это тигръ поднялся... *Круги* свои начинаетъ дѣлать, — удовлетворилъ ея любопытство Шелобовъ.

— Тигръ, — машинально повторила Надя, струсилла и поблѣднѣла.

— Тигра эта самая, — пояснилъ Силантій, — звѣрь лютый... стра-а-а-шанный!.. Разъ вотъ одного такого Василій Ивановичъ ухлопалъ, вѣрите ли?! безъ малаго четыре аршина, хвоста не считая...

Страхъ дѣвушки усиливался.

— А что если онъ сюда придетъ? — сказала она — и уже слѣзла съ козелъ.

— Что же, милости просимъ! — произнесъ въ отвѣтъ Шелобовъ.

И сказалъ это такимъ покойнымъ, увѣреннымъ голосомъ, что весь страхъ Нади исчезъ въ одну минуту... И тигръ показался ей такимъ же безопаснымъ и мирнымъ, какъ тѣ косматыя, жирныя овцы, что встрѣчались ей дорогою цѣлыми атарами...

— А Павлуша?..

Надя произнесла это уменьшительное имя нечаянно и очень сконфузилась.

— А Павелъ Ивановичъ, — поправила она, — онъ тоже охотится на тигровъ?

— Пашка-то?! Да онъ у меня первый сподручный!.. Одногo то его я еще не пускаю: горячится малость, осторожности и сноровки настоящей нѣтъ, —разсказывалъ Шелобовъ,—а со мною все ходитъ. Лучшаго товарища не найти! Паша у меня и изъ воли не выйдетъ, и уже не продастъ, это точно... Вотъ разъ въ прошломъ году было, —сидѣли мы въ «лабазѣ»; тигръ подошелъ было хорошо, да за падалъ закрылся; мнѣ только верхъ головы да уши его видны... Выжидалъ я, выжидалъ, выстрѣлилъ, должно быть задѣлъ не на смерть... Тотъ какъ взвился, да прямо на меня... Не успѣлъ я и за револьверъ взяться, а онъ уже тутъ, подлѣ... Павлуша прямо къ нему, открытымъ то мѣстомъ... подошелъ это покойно, приложился, ружье словно въ станкѣ зажато, не дрогнетъ... бац!.. и готово!.. — Я ему говорю: ты, братъ, этого другой разъ не дѣлай! а онъ мнѣ:— Что же мнѣ ждать, когда онъ тебя калѣчить станетъ?.. Молодецъ!.. Мужчина!..

Не поняла Надя изъ этого разсказа многого: что, молъ, за штука такая лабазъ? почему выходить оттуда не надо... Поняла только, что Павлуша совѣтъ герой, сказочный богатырь какой-то, наивный и безстрашный... ей даже снился онъ въ эту ночь: густые камыши, полная луна свѣтитъ на темно-синемъ, усыпаномъ яркими звѣздами небѣ... а вотъ и онъ стоитъ, сжимая въ рукахъ оружіе. Стройный красавецъ, залитый съ ногъ до головы серебрянымъ свѣтомъ, а кругомъ все сверкающіе глаза тигровъ и глаза эти, горящіе ненавистью и гнѣвомъ, тухнуть при встрѣчѣ съ спокойнымъ, величественнымъ взглядомъ героя... Страшныя чудовища униженно ползутъ къ его ногамъ, какъ жалкіе рабы пресмыкаются у ногъ царя властелина...

Сонъ ли это, на яву ли грезы представляются... Вонъ и Силачій сидитъ у огня на корточкахъ, чернымъ, сторбленнымъ силуэтомъ рисуется его фигура... Вонъ и Шелобовъ отошелъ къ сторонѣ и вслушивается, лошади жуютъ что то и фыркаютъ, хвостами отмахиваются... Нѣтъ, на яву... откуда же Павлуша взялся?.. Вотъ онъ опять стоитъ, словно въ ореолѣ свѣта... И этотъ Павлуша ее, Надю, очень любитъ... Вѣдь онъ тамъ; а тамъ всѣ ее любятъ, и она всѣхъ ихъ любитъ, очень, очень любитъ, а его, Павлушу, почему то больше... не то чтобы больше, а какъ то иначе... И хотѣлось бы ей скорѣе и скорѣе итти къ нему навстрѣчу... такъ бы и полетѣла!.. А тутъ полная

неподвижность: камыши, костеръ, все,—не мелькаетъ передъ глазами, неподвижно стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, не вѣетъ вѣтромъ навстрѣчу... И чего же они стоятъ?.. Чего же мы стоимъ?.. Что же мы не ѣдемъ?..

Должно быть громче остальнаго раздались послѣднія слова Надиныхъ грезъ...

— Лошадей нѣтъ, матушка, оттого и стоимъ,—пояснилъ Силантій:—на одной тройкѣ двухъ тарантасовъ не увезешь, на себѣ не потащишь... Вотъ свѣтать станетъ, подѣдетъ ямщикъ, тогда и тронемся...

VI.

Дорога подходила къ концу...

Остались сзади безлюдныя мѣста... Нашъ поѣздъ вошелъ въ предѣлы сплошной осѣлости. Замелькали маленькіе кишлаки по сторонамъ со своими приземистыми саклями, потонувшими въ сочныхъ массахъ зелени, потянулись обработанные участки земли, глинобитныя изгороди, журчащіе арыки, маленькіе, квадратные прудики, словно зеркала, оправленные въ зеленныя рамы; золотистыя поля дозрѣвающего риса, меланхолически шелестяція чащи джугары и кукурузы, говоръ рабочаго народа, цестрыя группы, тамъ и сямъ копошащіяся на плантаціяхъ, скрипъ высокихъ арбяныхъ колесъ, люди въ цвѣтныхъ халатахъ и большихъ бѣлыхъ чалмахъ, то ѣдущіе навстрѣчу, то обгоняющіе поѣздъ, то молчаливо и пытливо поглядывающіе на пробѣжнхъ, сидя въ тѣни базарныхъ навѣсовъ...

Надю все это занимало очень... все это такъ ново было для нея!.. Проѣхали уже нѣсколько большихъ азіатскихъ городовъ, ходили въ Азретъ смотрѣть старую, знаменитую мечеть, помнившую еще славныя времена Тимура. Вдали на горизонтѣ росла и росла голубая гряда горъ, покрытыхъ вѣчнымъ льдомъ и снѣгами...

— Теперь уже близко!..—говорилъ, потирая руки, Василій Изановичъ...

— Советъ рукою подать!—подакивалъ Силантій... —Еще съ пятокъ деньковъ потрясемся, а тамъ и дома будемъ.

— Близко!—вторила имъ машинально Надя...

И бойко, дружно гремѣли колеса тарантасовъ по прекрасной утрамбованной какъ шоссе, культурной дорогѣ.

Словно безконечное зеленое море, развернулись передъ ихъ глазами сады долины Ташкента съ его живописными дачами, съ бѣлѣющими куполами православныхъ церквей... чаще и чаще замелькали русскія фигуры, слышалась русская рѣчь...

— Ну, ей-же-ей, словно въ нашей Орловской губерніи! — замѣчалъ Силантій... — Ну-ты, шапка крученая, пошевеливай!..

Изъ Ташкента Шелобовъ покатилъ впередъ, убѣдивъ Надю отдохнуть день въ этомъ городѣ, оправиться какъ слѣдуетъ... Самому ему уже очень хотѣлось поскорѣе предупредить друзей; дать имъ время приготовить все въ домѣ къ встрѣчѣ своей любимицы-сиротки.

На другой же день, вслѣдъ за Шелобовымъ, выѣхала и Надя. Силантій, несмотря на жару, надѣлъ почему-то свой новый суконный скюртукъ съ краснымъ воротникомъ, новую шапку съ лакированнымъ козыремъ и кокардою и, сидя на козлахъ, подбоченился особенно ухарски... Лошадей гнали шибко, почти что вскачь... «На водку, моль, получишь достаточно». Съ разгона вкатилъ тарантасъ въ узкую улицу кишлака Бешарыкъ, добрались до базара, а тутъ и стали...

Дорога была загорожена двумя, случайно зацѣпившимися колесами, арбами, навьюченный кипами хлопка; верблюды упрямо легъ на самомъ проѣздѣ и никакъ не хотѣлъ подняться... Цвѣтные халаты возились около, пытались расчистить дорогу, Силантій, съ высоты козелъ, покрикивалъ на нихъ, совсѣмъ по генеральски...

Надя высунулась изъ экипажа, смотрѣла на все съ крайнимъ любопытствомъ, и вдругъ видитъ: въ тѣсномъ, боковомъ переулкѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ солнечный лучъ, пробившись въ отверстіе навѣса образовалъ яркую полосу, стоитъ чудный вороной конь... Уши насторожены, глаза горятъ, нервныя ноздри широко раздуваются, легкое копыто звучно бьетъ камень мостовой; двое красивыхъ мальчиковъ съ трудомъ держатъ этого коня подъ уздцы, а около стоитъ офицеръ, высокій и стройный, какъ тополь... Бѣлый китель на немъ, словно латы, облегаеть его широкія плеча и тонкую, какъ въ корсетѣ, талію... Онъ стоитъ сюда спиною, разговариваетъ со старикомъ въ золотистомъ халатѣ и въ пестрой чалмѣ; тотъ стоитъ передъ нимъ, согнувшись подобострастно, какъ рабъ передъ

властелиномъ... Вотъ этотъ офицеръ на коня садится... Кто стремя подаетъ, кто подъ руки подсаживаетъ... вотъ съѣлъ, сюда лицомъ повернулся... на Надю прямо, въ упоръ смотритъ...

«Это онъ, Павлуша!—промелькнуло въ головѣ Нади... Красавецъ!.. дѣйствительно красавецъ!..»

Большіе темные глаза, матовая блѣдность лица, чудный, словно рѣзцомъ изваянный, профиль... Меланхолически грустное выраженіе лица и холодная гордость... Царское величіе и презрѣніе ко всему этому мелкому, что такъ приниженно копошится подъ его ногами...

«Конечно, это Павлуша... то есть нѣтъ... Павлуша—это мелко! зачѣмъ такъ!.. Поль—это лучше... Мой Поль!..»

И захотѣлось Надѣ крикнуть ему:

— Поль... вѣдь это я, твоя Надя!.. ты вѣдь меня никогда не видалъ, но ты меня знаешь. Я тебя тоже не видѣла, но знаю... больше чѣмъ знаю! я полюбила тебя... да, полюбила...

Яркая краска бросилась въ лицо дѣвушки, она не выдержала пристального взгляда красавца и откинулась въ глубину экипажа...

«Нѣтъ, послѣ!» сама себѣ уяснила Надя это стыдливое движеніе...

А тутъ, расцѣпили арбы, подняли упрямого верблюда, очистили дорогу, и тройка коней рванулась впередъ, вынося путешественницу изъ подъ сводовъ кишлака Бешъ-арыкъ, снова на залитую солнцемъ, пыльную дорогу.

Шагомъ ѣхалъ сзади встрѣчный красавецъ, ничего конечно не подозрѣвающій...

«Однако какіе перлы стали залетать въ эту глушь!—замѣтилъ онъ про себя...—и какъ она похожа... На кого это она похожа?..»

Криницынъ задумался и припомнилъ злополучную карточку, надѣлавшую такъ много шуму по всему Глухому форту, фатально отразившуюся и на немъ самомъ...

Онъ вспомнилъ и судорожно остановилъ коня... Ему непріятно было видѣть удаляющуюся тарантасъ... Такой запыленный, широко раздвинувшійся... Чернымъ пятномъ какой то чемаданъ посреди... все сѣро, словно сѣдина на плѣшивомъ затылкѣ...

Попятился Абрекъ и мотнулъ головою... онъ не привыкъ, чтобы его такъ рѣзко осаживали...

Тише и тише замиралъ почтовый колокольчикъ... совсѣмъ смолѣть... Тронулся шагомъ впередъ Павелъ Петровичъ. И еслибы Нада могла бы видѣть лицо его въ эту минуту, то, можетъ быть, оно ей и не такъ бы понравилось сразу.

VII.

домъ покойнаго Федора Петровича Горкина принялъ торжественно праздничный видъ.

На всѣхъ дверяхъ повѣшены были ярко цвѣтныя ситцевыя драпировки, шторы на окнахъ сверкали своею безукоризненною бѣлизною, свѣже покрашенные, только что просохшіе полы слегка попахивали масляною краскою; на всѣхъ подоконникахъ стояли букеты цвѣтовъ; потолоки выбѣлены заново и каждая паутинка была тщательно убрана. Спальная Нади выглядывала просто игрушкою и благоухала... Нога утопала тамъ въ мягкихъ, туземныхъ коврахъ, прикрытыхъ на проходахъ узкими холщевыми дорожками.

Садъ подчищенъ и выметенъ; гдѣ только глинобитная стѣнка поразмылась и обвалилась, вездѣ выведена заново. На клумбахъ и грядкахъ нестрѣли цвѣты, самаркандскія розы и гвоздики. Дворникъ-сартъ получилъ приказъ надѣть чистую рубаху, и не забыть, что ему, специально для даннаго торжества, подаренъ красивый полушелковый халатъ и десять аршинъ кисей на чалму. Глухаревскіе денщики ходили на дыпочкахъ, поскрипывая густо наваксенными сапогами.

Въ переднемъ углу залы, подъ образами, стоялъ столъ, покрытый скатертью, на немъ хлѣбъ и соль на форфоровомъ блюдѣ, двѣ восковыя свѣчки въ подсвѣчникахъ, а посрединѣ образа Богородицы, мучениковъ Федора и Надежды. Въ сторонѣ, на особомъ столикѣ, лежало полотенце съ шитыми концами и тоненькія восковыя же свѣчки, особенно, въ бумажномъ сверткѣ.

Отецъ Павелъ, въ новой шелковой рясѣ, прохаживался по залѣ, расправляя волосы. Иванъ Акимычъ подфабрился и ходилъ козыремъ. Шелобовъ, уже оправившійся съ дороги, по разсѣянности, пришелъ въ томъ же запыленномъ кителѣ, но ему замѣтили эту разсѣянность и онъ поспѣшилъ переодѣться.

Дѣвица-акушерка два раза уже подсматривала Ползункова

узнать: не пріѣхала ли? Груня, сама шившая драпировки и убиравшая спальную Нади, почему-то не пришла на «встрѣчу». Кажется, не раздѣляла общаго праздничнаго настроенія духа.

Совѣтъ друзей порѣшилъ встрѣтить *наслѣднику* на порогѣ, затѣмъ отслужить панихиду по усопшемъ, потомъ торжественный, благодарственный молебенъ по случаю благополучнаго пріѣзда, а тамъ уже видно будетъ, что дальше.

Батюшка настоялъ на панихидѣ, Шелобовъ рѣшилъ, что можно. Ему лучше было знать; онъ исполнилъ затруднительную миссію блистательно.

Народъ сталъ уже собираться у крыльца.

— Что жъ, пускай и они посмотрятъ. Всѣмъ, значить, любопытно и радостно!—допустилъ это Иванъ Акимычъ.

— Жаль, что Павлуши нѣтъ!—говорилъ Василій Ивановичъ.

— Да, и надо же было такъ случиться! Совсѣмъ уже нестати! Пришла очередь, третьяго дня съ «оказіей» ушелъ; дня черезъ два, раньше не вернется, — сожалѣлъ Иванъ Акимовичъ.

— Прискорбно, но это отъ него не уйдетъ!—резонировалъ отецъ Павелъ.—Въ которомъ часу ожидать рассчитываете?

— Да теперь вотъ половина пятаго! съ каждою минутою можетъ подѣхать. Мнѣ все звонокъ слышится.

Шелобовъ, походилъ, походилъ по залѣ, вышелъ на крыльцо и присѣлъ на ступенькѣ.

Дамы рѣшили, что, во всякомъ случаѣ, Надя обязана первая всѣмъ сдѣлать визиты и чтобы имъ впередъ не забѣгать ни въ какомъ случаѣ.

— Ъдутъ-съ!—вбѣжалъ деньщикъ.

Всѣ встрепенулись. Иванъ Акимовичъ взялъ со стола блюдо съ хлѣбомъ и вышелъ въ сѣни.

Тревога на этотъ разъ оказалась фальшивою: ѣхала фурц-тадтская тройка, только что отвезшая по назначенію батальоннаго фельдшера.

— Ъдутъ-съ, ѡдутъ-съ!— снова раздались тревожные голоса и на этотъ разъ, дѣйствительно, въ облакѣ бѣлой пыли, замахали головы пристяжныхъ, замелькала зеленая дуга и подъ нею сѣдые бакенбарды и красный воротникъ стараго инвалида.

— Пожалуйте!—первый, по праву, подступилъ къ остановившемуся тарантасу Шелобовъ и на рукахъ вынесъ оттуда Надю и бережно опустилъ ее на площадку крыльца.

— Ишь ты, и впрямь краля какая! — слышалось въ толпѣ.

— Съ прїѣздомъ, Надюша, съ прїѣздомъ, милая,—началь было свою роль Иванъ Акимовичъ, передалъ на-скоро блюдо съ хлѣбомъ кому-то изъ постороннихъ, обнялъ дѣвушку и вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

И Надя растерялась и заплакала и съ увлеченіемъ поцѣловала мозолистую руку Глухарева.

Тутъ уже и отецъ Павелъ расчувствовался, благословилъ прїѣзжую обѣими руками и заморгалъ глазами.

— Въ комнаты, въ комнаты!—засуетился Шелобовъ.—Ну, что, старина, доведъ благополучно?

— Какъ видите, ваше благородіе, къ сдачѣ готовъ, въ полномъ порядкѣ... Какъ бы теперь Федоръ Петровичъ порадовались. Царство ему Небесное!

Послѣднія слова онъ произнесъ очень тихо, чтобы Надя, не ровень часъ, не слыхала, но та все-таки услышала и прошептала:

— Бѣдный папа!

Всѣ уже ушли въ комнаты, но двери остались гостепрїимно раскрытыми настежъ.

— Прїѣхала-съ—стремительно влетѣлъ Ползунковъ въ квартиру дѣвицы-акушерки.

Облачился отецъ Павелъ и началъ служеніе.

Всю панихиду Надя стояла на колѣняхъ и тихо плакала. Горю ея улеглось и приняло ровный, спокойный характеръ. Она молилась горячо, внимательно вслушиваясь въ слова евангелія, и разъ только покосилась въ сторону, словно отыскивала кого-то глазами...

Иванъ Акимовичъ стоялъ посреди залы, скрестивъ на груди руки, и подтягивалъ причетнику; Шелобовъ прижался въ самый уголъ и, казалось, ждалъ съ нетерпѣніемъ окончанія панихиды... На него непрятно дѣйствовалъ видъ черной траурной рясы, такъ мало гармонирующей съ веселой обстановкой «дня прїѣзда».

Силантій стоялъ въ сѣняхъ, вздыхалъ, трясъ своею пыльблѣю головою и тоже подтягивалъ причетнику, стараясь поймать втору.

Отوبرали свѣчи, пропѣли послѣднюю «вѣчную память» — отецъ Павелъ поспѣшилъ переоблачиться. На этотъ разъ свѣтло-зеленая съ золотыми голунами ряса весело заблистала на его плечахъ и всѣ вздохнули свободнѣе.

Приложились ко кресту. Батюшка пошелъ по комнатамъ съ кропиломъ въ рукѣ, Шелобовъ несъ чашку съ водою, Иванъ Акимовичъ повелъ Надю подъ руку.

Какъ хорошо, какъ уютно, свѣтло показалось Надѣ ея новое гнѣздо. Она даже вскрикнула радостно, увидѣвъ свою спаленку, и еще разъ бросилась цѣловать Ивана Акимовича.

— Это все Павлуша хлопоталъ, — улыбнулся старикъ Глухаревъ.

— А гдѣ же онъ? — сорвалось таки съ языка у Нади.

— Въ оказію ушелъ... Вотъ некстати совсѣмъ!.. Вернется, впрочемъ, скоро.

— Что такое оказія?

— А это, знаете ли, тутъ вѣдь нельзя зря... Тутъ осторожность наблюдать требуется, дальше, по степи. Ежели транспортъ соберется, — ему сейчасъ прикрытіе назначуть. Вотъ Павлуша и ушелъ съ отрядомъ.

— Верховъ?

— Верховъ! Не пѣшкомъ же итти такую даль.

Иванъ Акимовичъ не проникъ въ тайну этого вопроса.

— Онъ, я думаю, скоро вернется, — замѣтилъ Шелобовъ. — Обидно будетъ, что безъ него встрѣтили.

— А я его видѣла! — хотѣла было сказать Надя, но удержалась. Ей пришло въ голову, какъ можетъ быть это смѣшно и интересно, когда тотъ пріѣдетъ, его будутъ ей представлять, а она лукаво улыбнется и скажетъ: «мы уже знакомы немного». — Какъ? гдѣ?.. — сейчасъ вопросы пойдутъ, а онъ догадается и покраснѣетъ; ему будетъ стыдно сознаться, что онъ видѣлъ и не догадался, не подѣхалъ, не заговорилъ... Какъ это будетъ забавно, какъ это будетъ забавно!.. Вѣдь это онъ тогда-то именно и ѣхалъ верхомъ въ эту противную оказію. И зачѣмъ я его не позвала?..

Все это быстро промелькнуло въ головкѣ Нади... Передъ

нею распахнулась широкая дверь прямо въ садъ. Масса зелени хлынула ей навстрѣчу, согрѣтый воздухъ теплою волною ворвался въ спальную, разнося аромать цвѣтовъ. Фигура въ бѣлой чалмѣ и пестромъ халатѣ двинулась къ ней навстрѣчу, съ блюдомъ винограда и персиковъ. Надя попятилась было назадъ, но потомъ протянула ручку и стала кушать...

— А вотъ это и не слѣдуетъ передъ обѣдомъ!—замѣтилъ Иванъ Акимовичъ.—Да что же тамъ, не готово, что ли? Отецъ Павелъ, ты разоблачайся, да съ нами.

— Весьма благовременно!—согласился фортовой батюшка.

На садовой террасѣ загромыхали посудю, и оттуда потянуло жаренымъ.

Всѣ вышли въ садъ, Надя осталась одна въ своей спальнѣ. Надо же было ей переодѣться и хоть руки помыть съ дороги. Солдатка Анисья, договоренная Глухаревымъ къ Надѣ въ горничныя, юркая и расторопная бабенка, тоже явилась къ ея услугамъ, съ пирогомъ и поздравленіемъ, новоселья ради.

VIII.

Обѣдъ начался довольно натянато. Дѣло въ томъ, что у каждаго присутствующаго на языкѣ такъ и вертѣлось имя покойнаго хозяина. Не будь на лицо Нади, разговоръ естественно вертѣлся бы на воспоминаніяхъ о Федорѣ Петровичѣ... Покойный незримо присутствовалъ въ средѣ своихъ друзей, какъ бы воплотившись въ красивыя формы своей дочери, теперешней хозяйки. А между тѣмъ каждый считалъ своимъ долгомъ отнюдь «не провратъся», то есть ни единымъ словомъ не намянуть на то великое горе, которое переживала Надя.

Всѣ радовались, глядя на ея спокойно-веселое, беззаботное личико и боялись нагнать на него неосторожнымъ словомъ печальную сѣрую тучку.

Разсчитывая на слезы, на острый припадокъ горя, отецъ Павелъ прѣготовилъ было цѣлую проповѣдь, но пока въ этой проповѣди надобности не было и онъ все молчалъ, не отвѣчая даже впадать на вопросы, ибо въ это время придумывалъ другу застольную рѣчь и подбираалъ подходящія тексты.

Шелобовъ молчалъ и ѣлъ, методически запивая яветва пресоходнымъ квасомъ.

Надя требовала, чтобы Силаптіи тоже сидѣлъ за столомъ, но тотъ наотрѣзъ отказался, заявивши, «что, молъ» это будетъ совсѣмъ уже «не порядокъ».

Иванъ Акимовичъ, когда на столъ поставили дымящееся блюдо «плова», чуть-чуть не проговорился...

— Вотъ эту штуку особею любилъ пок...— началъ было онъ, но покраснѣлъ до ушей и оборвался...

— Бѣдный папа!— снова повторила Надя.— Какъ бы онъ былъ радъ, какъ бы онъ былъ счастливъ... Гдѣ его мѣсто было обыкновенно?

Дѣвушка произнесла это спокойно, хотя и съ чувствомъ. И тотчасъ же всё присутствующіе вздохнули полною грудью.

— А вотъ, Наденька, тутъ вотъ, гдѣ ты сама сидишь... То бишь, виноватъ, гдѣ вы сидите...— отвѣчалъ Иванъ Акимовичъ.

— Гдѣ вы сидите!...— подчеркнула Надя и засмѣялась.

— Привычка-съ!— оправдывался тотъ.— Вѣдь вотъ помню еще, когда крестили... Росла на глазахъ, да на моихъ рукахъ... Все бывало: Ну-ка ты, Надюшокъ-катышокъ!.. Была ты, то есть, вы,—тѣфу, ты! такая кругленькая, наливная, пузырь-пузыремъ...

— А тамъ забыли,— прервала его Надя, — разлюбили... Уѣхалъ катышокъ, а пріѣхала—дѣвица Надежда Федоровна... Такъ, что ли!.. Стыдно!

Она укоризненно посмотрѣла прямо въ глаза Глухареву, лукаво улыбнулась и протянула къ нему обѣ ручки.

— Дочурка ты моя!— вскочилъ съ мѣста старикъ.

Лицо Нади, при этомъ словѣ, засіяло широкою, счастливою улыбкою, слезы хлынули изъ ея глазъ буквально въ два ручья, она вскочила, также порывисто, опрокинула стулъ своимъ движеніемъ и бросилась на шею Глухарева.

И слышали присутствующіе слова: «дочка моя, дочка родная, бездѣнная...» Слышали и другой голосъ, шепотомъ, тихо, словно въ забвеніе, лепетавшій: «Папа, папочка...»

И не вѣяло грустью отъ этихъ слезъ, ничего печальнаго въ нихъ не слышалось.

А все таки, ни самъ Глухаревъ, никто изъ собесѣдниковъ не поняли истиннаго значенія порыва Нади. Объяснить его себѣ объяснили, да не совсѣмъ такъ, какъ слѣдуетъ.

— Пророческія наименованія! — произнесъ торжественно отецъ Павелъ.

— Дай-то Господи! — перекрестился стоящій поодаль Силантій.

Шелобовъ наложилъ себѣ еще полную тарелку и неистово трясъ перечницу, но разсѣяности.

— Радуетъ меня, — началъ батюшка, когда всё успокоились и заняли свои мѣста. — Радуетъ меня весьма, что въ нашемъ заведеніи священное писаніе преподавалось правильно и неукоснительно. Кто законоучитель былъ-съ?

— Нашъ батюшка! — отвѣчала Надя.

— Имя онаго, имя-съ, позвольте узнать, сего пастыря достойнаго?

— Отецъ Александръ.

— Такъ-съ! Доброе сѣмя сѣялось на добрую почву. Духъ кротости и смиренія передъ волею Всевышняго внѣдренъ въ мѣрѣ достаточной. Одобряю!

Подали фрукты въ корзинѣ и поставили передъ приборомъ Нади.

Иванъ Акимовичъ самъ раскупорилъ бутылку шампанскаго, вина, здѣсь рѣдкаго и дорогаго, и сталъ разливать.

— Торжество! — провозгласилъ отецъ Павелъ. — Съ пріѣздомъ.

Всѣ стали чокаться.

Глухаревъ шепнулъ что-то Надѣ, та засмѣялась и переспросила.

— Такъ?

— Такъ!

— Вынимаѣ па-тронъ! — скомандовала она своимъ звонкимъ голосомъ.

Всѣ расхохотались и взялись за портъ-сигары.

— Совсѣмъ по нашему! — заливался отъ души Иванъ Акимовичъ. — Молодецъ, новая хозяйшка!

— Однако, господа, курить и чай пить пожалуйста въ садъ. Тамъ расчудеснѣе будетъ.

Всѣ подошли къ ручкѣ «новой хозяйки» и стали спускаться со ступенекъ террасы, направляясь къ прудку, гдѣ въ тѣни развѣсистаго карагача, золотомъ сверкалъ дымящійся самоваръ и садовникъ Гайкула разливалъ зеленый чай въ плоскія китайскія чашечки.

IX.

Прошло нѣсколько дней.

Надя успѣла уже сдѣлать все нужные визиты. Глухой фортъ невеликъ, разстоянія, отдѣлявшія одну квартиру отъ другой, очень коротки и Надя исполнила, требуемая этикетомъ, обязанности пѣшкомъ, подъ руку съ Иваномъ Акимовичемъ.

Вездѣ ее встрѣтили крайне радушно, со всеми признаками искренности. Новая обитательница Глухого форта вернулась довольная и счастливая.

Но больше всехъ понравилась ей Груня. Та подѣловала ее какъ то особенно тепло, пожелавъ покоя и счастья, такимъ дружескимъ, проникающимъ въ душу голосомъ, что Надя чуть ей на шею не бросилась.

Въ полчаса обѣ дѣвушки сдружились, словно много лѣтъ росли вмѣстѣ. Только все, кто знали Груню раньше, не могли понять почему это ихъ веселая, живая, простодушная любимица на этотъ разъ какъ будто бы приуныла, печально такъ смотрѣла своими кроткими глазами, не улыбнулась ни разу и ходила словно въ воду опущенная.

Иванъ Акимычъ составилъ штатъ новопріѣзжей очень удачно. Главнымъ лицомъ, на обязанности котораго было блюсти весь домъ и отчасти руководить молодою хозяйкою, былъ, конечно, Силантій: это было его неотъемлемое право. Персоналъ жепской прислуги олицетворяла солдатка Анисья. Гайкула садовникъ, онъ же и дворникъ, онъ же и поваръ, ибо превосходно приготавливалъ все азіатскія блюда и понималъ уже русскіе вкусы, особенно подъ руководствомъ стараго инвалида, ретиво вступившаго въ отправленіе обязанностей мажордома.

Внѣшняя жизнь Нади стала сразу въ правильныя рамки. Осталось только позаботиться объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, но тутъ уже Надя съ перваго дня засыпана была самыми разнообразными предложеніями въ этомъ родѣ.

Старый Глухаревъ заходилъ къ ней по десяти разъ въ день, справлялся все ли въ порядкѣ, совѣщался съ Силантіемъ о самыхъ пустыхъ мелочахъ; Гайкула изъ кожи лѣзъ, старался, чтобы и его усердіе не осталось незамѣченнымъ; Анисья нѣсколько разъ зазывала къ себѣ, попить кофейку, дѣвица-аку-

шерка и даже ни за что, ни про что подарила ей рублевую бумажку; Шелобова вызвали въ аулы, верстъ за пятьдесятъ отсюда, такъ какъ тамъ появилась тигровая чета и стала пошаливать; Павлуша все еще находился въ оказіи, и его поджидали съ часу на часъ.

Однимъ словомъ, все шло превосходно.

— Онъ меня любить, онъ меня полюбилъ, не видя и не зная меня, и я его люблю, — мечтала она, оставаясь одна, ложась въ свою уютную постельку.

И она дѣйствительно его любила. Молодое, неиспорченное сердце дѣвушки не требуетъ большой подготовки къ воспріятію этого чувства. Она полюбила Павлушу такимъ, какимъ его описывалъ Шелобовъ, такимъ, какимъ она представляла его изъ писемъ своего покойнаго отца. Она его теперь видѣла, и къ покойному, теплому, отрадному чувству примѣшалась жгучая страстность, охватившая все ея юное существо; и Надя безотчетно, довѣрчиво отдалась этой страстности. Вѣдь этого всё хотятъ: и онъ хочетъ, и она ждетъ не дождется... «противная, злая, эта глупая оказія!»

И вотъ передъ ея глазами загорается во мракѣ ночи свѣтлое пятно. Это пятно растеть, принимаетъ формы. Милыя, дорогія сердцу формы! Вотъ онъ стоитъ, верхомъ на чудномъ конѣ, весь залитый золотымъ солнцемъ, и на нее смотритъ, и руки къ ней протягиваетъ. Лицо его блѣдно какъ мраморъ, глаза горятъ, его уста шепчутъ слова... никто ихъ не слышитъ, а Надя понимаетъ ихъ смыслъ. Онъ говоритъ: «ну, иди же ко мнѣ, не бойся! Я тебя давно жду!.. мое сердце давно тобою одною живетъ и бьется!..» И она рванулась къ нему, хочетъ итти, хочетъ броситься въ его объятія, повиснуть у него на шеѣ, спрятать лицо на его богатырскую грудь и замереть.

А тутъ ее держатъ невидимыя, злыя руки. Ручей замуемль и рванулся, загораживая дорогу. Сердито бьютъ волны о камни, дробятся и стонутъ — выше и выше брызжетъ башенная пѣна, — шире разливается недобрый ручей... дальше и дальше отходить дорогой образъ.

— Иди-же! — чуть слышно доносится призывный голосъ. Какъ ножемъ рѣжетъ сердце Нади этотъ страдальческій звукъ.

— Иду, — замираетъ въ ея горлѣ. И она рвется снова и снова въ ужасѣ отступаетъ назадъ.

Воды ручья краснѣютъ, въ воздухѣ пахнетъ кровью... это уже не вода—это... это...

— Барышня, а барышня!—будить ее осторожно Анисья.— Вы бы на правый бочекъ легли!.. нехорошо такъ то вотъ, на спинкѣ...

Проснулась Надя и испуганно протираетъ глазки... и снова засыпаетъ, и снова видитъ вороного коня и залпатаго солнцемъ своего рыцаря. Только теперь онъ уже не молить ее ни о чемъ, онъ стоитъ гордо, пропуская мимо стройные полки... Трубятъ трубы, грохочутъ барабаны, словно стальная нива волнуются штыки... Удалая пѣснь несется по вѣтру... и все тише и тише... дальше и дальше...

Опять проснулась Надя... уже свѣтло, солнце высоко, шторы подняты и окно открыто настезъ. Анисья свѣжую воду лить въ умывальникъ, говоритъ: «съ добрымъ утромъ, барышня!..» а вдали и на яву замираетъ грохотъ барабана, стихаетъ захватская пѣсня... только голосокъ тонкій сюда по вѣтру доносится.

— Имѣемъ честь поздравить!—привѣтствуетъ ее Силантий, какъ только Надя показалась полуодѣтая на садовой террасѣ.

— Съ чѣмъ?

— Подпоручикъ Глухаревъ, ихъ благородіе Павелъ Ивановичъ изволили вернуться... перестрѣлочка у нихъ была, только легонькая,—нашихъ, слава Богу, никого не зацѣпило.

Заходило, заматалось въ груди Нади ея молодое сердце, она даже руками схватилась и почувствовала, какъ горячая краска бросилась ей въ лицо.

— Сегодня пожалуютъ!—замѣтилъ Силантий ея смущеніе и ухмыльнулся.

— Сегодня! — повторила Надя и, какъ птичка, порхнула назадъ, въ свою уютную спальню.

Х.

— Пріѣхала? — говорилъ Павлуша, энергично умываясь, плеская водою на всю комнату.—Экая досада, право! Папаша, сегодня и съ визитомъ можно?

— Отчего же нѣтъ!—отвѣчалъ Иванъ Акимовичъ...—Вотъ позавтракаемъ, да и пойдемъ. Ты пріуберись хорошенько, сапоги надѣнь новые, лаковые.

— Я, папаша, мундиръ надѣну и рубашку крахмальную, съ запонками!..

— И мундиръ надѣнь, отчего не надѣть! — соглашался папаша.— Пускай видитъ, что у тебя уже Анна есть съ мечами... это хорошо!..

— Фадѣевъ! мундиръ почисти хорошенько! Экая, право, досада!..

Шелобовъ забѣжалъ. Онъ тоже сегодня только вернулся.

— Ну, говорить, Пашва, твое счастье—смотри не забудь: меня шаферомъ!

— Первымъ дѣломъ!—поторопился согласиться Павлуша.

— Такъ вотъ сейчасъ! Нѣтъ, я съ невѣстиной стороны буду, а ты себѣ другихъ подбирай. Огурчиковъ позови съ Ползунковыми, они холостые оба. Да, братъ, Ваня, раскошеливайся...

Шелобовъ хлопнулъ Глухарева-отца по плечу, тотъ даже на стулѣ покачнулся.

— За мною, говорить, дѣло не станеть! только пошли Господи!

— Эхъ! вѣдь дернула меня нелегкая на прошлой недѣлѣ наголо остричься! щетина щетиною торчитъ, и помада не беретъ!—соболезновалъ Павлуша, разсматривая себя въ маленькое, походное зеркальце.

— Хорошо и такъ будешь!.. А перчатки чистыя есть...

— Перчатки?.. Ахъ, да! Фадѣевъ! есть чистыя перчатки?

— Есть одна пара, только два пальца прорвавшись!.. Да я сейчасъ, ваше благородіе, цѣлыя помочу, пока завтракать станете, попросохнуть живо.

— Мой скорѣе!

— Послушай, Вася, ты скажи откровенно, будь другъ!.. Про меня что она говорила?.. то, бишь, обо мнѣ какой разговоръ былъ между вами?

— Какой разговоръ! — усмѣхнулся Шелобовъ, — никакого разговора о тебѣ не было...

— Стоитъ тоже о всякихъ пустякахъ разговаривать, — подшучивалъ и Иванъ Акимовичъ.

И его глаза мягко, любовно такъ глядѣли на смущеніе сына.

— Говорилъ я ей, — рассказывалъ Шелобовъ. — Вотъ у насъ есть богатырь-остолопъ, росту девять вершковъ, безъ малаго. Вы, говорю, Наденька, такихъ и въ кунсткамерѣ не видѣли.

— Ну что за глупыя шутки!

— Ничего не шутки... Ну-ну, не пѣтушисы!.. Небось, не продали тебя!.. Такъ это все дѣло подготовили, что хоть сейчас иди и кайся! А тамъ и къ отцу Павлу на законный передѣлъ. Батъка-то нашъ уже на фурштатскій дворъ бѣгалъ, колесныя втулки подбиралъ, на вѣнцы чтобы годились...

— Ишь ты что придумалъ... Ха-ха-ха! — заливался Иванъ Акимовичъ, — колесныя втулки!..

— Букетъ бы надо! — остановился въ раздумьи Павлуша...

— Это зачѣмъ? Что же ты и впрямь сразу съ предложеніемъ?.. погоди еще, для приличія, немного, поприсмотришься къ ней, къ себѣ дай поприсмотрѣться тоже... экій пряткій!..

— Шарфъ новый прикажете, ваше благородіе? — сунулся въ дверь деньщикъ Фадѣевъ.

— Натурально новый! — навинулся на него Павлуша. — Да давайте-же, право, скорѣе завтракать... съ двухъ часовъ ночи все шли степью, проголодался, какъ волкъ... Всего одинъ стаканъ чаю выловалъ на привалѣ... Вода соленая, мутить съ такою, натошакъ-то!

Позавтракали наскоро, но плотно. Любовь нисколько не испортила богатырскій аппетитъ Павлуши, вызванный усиленнымъ ночнымъ переходомъ.

— Ты одинъ пойдешь? — спросилъ Иванъ Акимовичъ сына, когда тотъ пристегивалъ свою гремящую саблю.

— Одному-то какъ будто неловко! — отвѣчалъ тотъ, не падая на крючекъ.

— То-то, я самъ думаю... одному не того! Я пойду съ тобою и представлю какъ слѣдуетъ быть, по всей формѣ. Шелобовъ, пойдешь?

— Иди, Василій Ивановичъ, — пригласилъ и Павлуша.

— Мнѣ зачѣмъ?.. Я вотъ жду киргизовъ, они звѣря должны привезти скоро... Попался мнѣ здоровенный подъ пулю... Самка, да еще съ дѣтенышами... Еле справился!.. Вотъ я за скорнякомъ послалъ, сейчасъ ее раздѣлаемъ, и вамъ свадебный презентъ, — коверъ къ постели чудесный выйдетъ!

— Спасибо, братъ! — пожалъ Шелобовскую руку Иванъ Акимовичъ.

— Ишь ты вѣдь какой, — укорительно замѣтилъ Павлуша, —

самъ, уѣзжая, не велѣлъ мнѣ ходить одному, а теперь не могъ меня подождать денекъ... не годится!..

— Хватить и на тебя! — засмѣялся Василій Ивановичъ. — Только, братъ, тебѣ скоро хвостъ припилять... скажутъ: нѣтъ, монъ ами, ходи щелкай перепеловъ, а туда не суйся, гдѣ, того гляди, самому свернуть шею... Это для насъ, безответныхъ бобылей, забава, не вашему брату, женатому!.. Ну, прощай! желаю тебѣ успѣха и полного счастья!.. труби «къ атакѣ!»

Вышли изъ дому Глухаревы оба и направились по пыльной улицѣ; прошли мимо воротъ дома отца Павла. Груня стояла въ калиткѣ и смотрѣла на Павлушу изъ подъ руки... Солнце уже очень ярко свѣтило.

— Ишь ты какимъ франтомъ разодрѣлся! — замѣтила она и плечами передернула.

— Здравствуй, Груничка, — протянулъ ей руку молодой Глухаревъ... но его протянутая рука такъ и осталась на воздухѣ.

— Здравствуйте-съ, съ визитомъ изволите-съ?.. желаю успѣха-съ! — отвѣтила дѣвушка, подчеркивая слова, налегая особенно на окончанія.

— Груничка, что-жъ ты сердишься... я право...

— Я вамъ не Груничка, — отвернулась та и порывисто добавила: Ну, чего же ты остановился и глаза пялишь?!. Видишь, отецъ дожидается! иди къ своей невѣстѣ!..

— Я, Груничка... — снова замялся Павлуша, махнулъ рукой и побѣжалъ догонять «папашу».

А Груня зашла за уголь, оперлась руками на заборъ, опустила на нихъ свою головку и ея плеча стали судорожно вздрагивать.

— Груня! Груняха, не дури! — послышался съ крыльца голосъ отца Павла.

— Есть чего дурить то! — отозвалась его племянница, слегка вздрогнувъ отъ неожиданности, и порывисто, слишкомъ уже энергично, принялась снимать бѣлье, просыхавшее на растянутыхъ черезъ дворъ веревкахъ.

XI.

— Надя! Наденька! А вотъ и гости къ тебѣ пришли!— громко доложилъ самъ о себѣ Иванъ Акимовичъ.

Надя слышала изъ спальни его голосъ, поняла конечно, какіе такіе гости, заглянула мимоходомъ въ зеркало, зардѣлась и вышла въ залъ, потупивъ глазки.

Павлуша остолбенѣлъ. Его скромная фантазія не могла представить ему образъ дѣвушки такимъ, какой онъ видѣлъ теперь, передъ собою. У него, что называется, духъ захватило... Онъ только кланяться началъ, а языкъ словно связало чѣмъ-то крѣпко-накрѣпко... Дорогою онъ все вступительную фразу сочинялъ, такъ это хорошо и складно выходило, а теперь вотъ и забылъ... сказалъ: «Имѣю честь...» и только... и остановился.

Подняла и Надя свои длинныя рѣсницы, взглянула и даже назадъ попятилась.

— Не этотъ же?—невольно подумала она.—Тотъ сейчасъ войдетъ...

И она пытливо посмотрѣла на дверь.

— Вотъ, позволь представить тебѣ, голубка моя, моего первенца, — двинулся къ ней Иванъ Акимовичъ.—Прошу любить и жаловать...

И разбилъ этими словами слабую надежду молодой хозяйки.

— Да что съ тобою?—продолжалъ онъ заботливо.—Ты вѣрно ночь провела худо?.. блѣдная какая... здорова ли, моя милая?..

— Здорова!—произнесла Надя и поперхнулась.

А Павлуша стоитъ и молчитъ, глазами какъ-то особенно помаргиваетъ.

Въ своемъ новомъ мундирѣ, съ таліей не на мѣстѣ, съ узкими, коротковатыми рукавами, онъ, надо сказать, представлялъ собою фигуру неособенно привлекательную. Сапогъ должно быть жалъ ногу до боли, перчатки, не натянутыя вплотную, образовали на концахъ пальцевъ скрученные сосочки, воротникъ сжималъ горло чуть не до удушья, вызывая на лицѣ неестественный румянецъ, даже кожа на головѣ покраснѣла, сквозь щетину гладко остриженныхъ волосъ.

Эта фигура была такъ мало похожа на то, что видѣла Надя тамъ, въ Бешь-Арыкѣ, она совсѣмъ уже не соотвѣт-

ствовала тому образу, который рисовался ей въ ея грезахъ, который неразрывно сросся съ ея молодымъ, первымъ порывомъ сладкаго чувства.

— Не тотъ!—промельнуло какъ молнія въ ея головѣ.

— Вотъ познакомьтесь хорошенько, — улыбался Иванъ Акимовичъ, подводя, правильнѣе подталкивая Павлушу, поближе къ Надѣ.—Онъ у меня немного того, диковатъ, а парень добрый! Ты съ нимъ не церемонься, пообтеши его хорошенько, пополируй...

— Я съ удовольствіемъ...—началъ было и Павлуша.

— Что это, какъ будто не метено еще въ саду?...—взглянулъ Глухаревъ-отецъ въ окошко. — Я вотъ, сейчасъ, пойду обзоръ сдѣлать. Да ты, Надюша, не стѣсняйся, ты его хорошенько!.. хе, хе!..

Иванъ Акимовичъ еще разъ подтолкнулъ Павлушу впередъ и вышелъ.

— Садитесь!—пропентала Надя, и вдругъ, поступила уже совѣмъ по институтски, она не ушла даже, а просто убѣжала изъ залы, вскочила въ спальню, захлопнула за собою дверь, даже задвижку защелкнула, сѣла на стулъ, испуганно посмотрѣла кругомъ и заплакала.

А Павлуша воспользовался тѣмъ временемъ и сталъ захивать за воротникъ свой, вытѣзшій кверху, галстухъ, усиленно мотая головою и вытягивая вспотѣвшую шею.

— Что же вы?.. А гдѣ Надя?—озадачился немного Иванъ Акимовичъ, входя снова въ залъ.

— Не знаю, папаша! Надичка-съ сейчасъ были и ушли-съ... должно быть что поправиться надо,—отвѣчалъ смущенный Павлуша.

— Эхъ ты!.. Молодежь, молодежь!—развелъ руками отецъ-Глухаревъ. — Оставили ихъ вдвоемъ, а они и растерялись. Фррръ—въ разныя стороны!.. Я думалъ, она побойтѣй тебя будетъ... Ну, ничего, ничего... Обойдетесь оба... Посмѣюсь же я надъ вами уже, вечеромъ!..

Иванъ Акимовичъ направился къ спальнѣ и тронулъ за ручку двери.

— Заперлась!—проговорилъ онъ.—Надя, мы сегодня вечеромъ къ тебѣ чай пить придемъ, Василя Ивановича захватимъ... Слышишь?.. гм!.. Ну, пойдемъ, братъ, домой! Собирайся!..

Вышли.

— Вотъ оно, институтское то воспитаніе!—резонировалъ дорогою Иванъ Акимовичъ.— Оно вѣдь и точно: держать ихъ взаперти, только и мужчинъ видятъ, что плюгавые учителяшки, да истопникъ. Вотъ оно и дико кажется, съ перваго разу... Это, впрочемъ, хорошо, даже очень хорошо!.. А ты все-таки будь поразвязнѣй!.. Вотъ вечеромъ поразскажи ей про охоту, про походъ... Ты поразвязнѣй!.. Небось, съ нашими дамами ты въ карманъ за словомъ не лѣзешь... Ты ее не бойся: она дѣвушка добрая и протая, ласковая и умница... Ты смѣлѣй!..

— Я, папаша, и самъ, право, не знаю, что со мною сдѣлалось... Опалѣлъ совсѣмъ, право слово!—оправдывался Павлуша.

— А хороша?!—толкнулъ его локтемъ отецъ.

— Царица! — вздохнулъ молодой человекъ и энергично сорвалъ, наконецъ, съ шеи этотъ досадный галстухъ.

XII.

Хотя Надя, не по своей винѣ, конечно, и обошла визитомъ дѣвицу-акушерку, но та первая разлетѣлась къ ней, прошла черезъ всѣ комнаты, внимательно всматриваясь въ обстановку, и нашла хозяйку на садовой террасѣ.

— Извините за мою, можетъ быть, нескромность, — начала она. — Позвольте представиться: дѣвица Аделаида Францовна Розенблюмъ, служу здѣсь въ качествѣ женскаго доктора.

— Здравствуйте!—протянула ей руку Надя.

— Давно, давно уже ждали мы васъ, съ большимъ нетерпѣніемъ... Я васъ не знала, но, извините за откровенность, была одна изъ самыхъ пламенныхъ вашихъ поклонницъ. Позвольте васъ поцѣловать...

Аделаида Францовна стремительно рванулась и обняла Надю, обдавъ ее пранымъ букетомъ пачули.

— Мерси!—высвободилась изъ ея объятій сконфузившаяся хозяйка.

— Удивлялась я только и, признаться сказать,—продолжала гостыя,—что вамъ за охота была сюда ѣхать?! Вы не повѣрите, здѣсь такая глушь, такая глушь!.. и люди—самые невѣжественные!

Надя попыталась было протестовать.

— Ахъ нѣтъ!—не дала ей даже раскрыть ротъ двѣца— и не возражайте... совѣмъ дикари!.. Нравы самыя грубыя и никакого понятія о свѣтскихъ приличіяхъ!

— Они все такіе добрыя...— успѣла произнести Надя.

— Добрыя! Ахъ, Боже мой!.. Это только съ перваго взгляда такъ кажется... Вотъ вы увидите... Не могу я только говорить, потому что терпѣть не могу никакихъ сплетней... Вы еще не знаете... Ну, да я послѣ вамъ все расскажу... Вы позволите мнѣ посѣщать васъ, душечка?

— Сдѣлайте одолженіе...

— Какъ у васъ тутъ все мило... Какое на васъ божественно-преlestное платьице... Сейчасъ видно, что у француженки заказано...

— Нѣтъ...

— Не говорите, не говорите... Я тоже знаю, я вѣдь понимаю все хорошо. Я вѣдь получила высокое воспитаніе въ кругу, можно по истинѣ сказать, самомъ аристократическомъ!.. Мой покойный папаша... Ахъ, пожалуйста, не примите это за нескромный намекъ. Впрочемъ, это послѣ. Я тоже воспитывалась въ институтѣ, и мы съ вами почти, значить, подруги... Вы мнѣ позволите еще разъ поцѣловать васъ!

— Гляжу я на васъ и, право, сердце обливается кровью,— продолжала гостя, снова устѣвшись на мѣсто. — Завезли васъ въ эту трущобу, втянули васъ въ свою ужасную, варварскую жизнь... Вы, такая молодая, красивая... Бутонъ! ну, право же, бутонъ!.. И вотъ этотъ благоухающій бутонъ, да въ лапы какого-нибудь мужика... Боже мой, какъ это грустно, какъ это грустно!.. Ну вотъ, вы уже и плачете...

— Ахъ, перестаньте, перестаньте! Я не могу видѣть этихъ слезъ! Я васъ разстроила... Ну, перестаньте-же плакать, мой ангелъ...

Надя дѣйствительно заплакала. Ей представилась массивная, неуклюжая фигура утренняго визитера и слова акушерки произвели нѣкоторое дѣйствіе...

— Я васъ разстроила, но успокойтесь!.. Здѣсь все-таки есть порядочные люди... здѣсь есть, напримѣръ...

Аделаида Францовна осторожно оглядѣлась по сторонамъ, словно удостѣрится захотѣла, что ее никто не подслушиваетъ, и продолжала:

— Тутъ есть, напримѣръ, Криницынъ, Павелъ Петровичъ... Это уже, дѣйствительно, можно сказать, красавецъ-мужчина и образованія самаго возвышеннаго... Кровный, прирожденный аристократъ.

— Криницынъ?—машинально повторила Надя.

— Павелъ Петровичъ... Только, жаль, онъ скоро уѣзжаетъ... Вотъ это, можно сказать, кавалеръ! По-французски говорить, знаете, такъ съ легкою картавостью, советѣмъ какъ парижанинъ... Мы съ нимъ разговариваемъ иногда... Знаете, вѣдь здѣсь никто не умѣетъ говорить по-французски! Когда они верхомъ катаются, просто заглядѣться можно...

— Не онъ ли?—неволью подумала Надя, слушая болтовню своей гостьи.

— Вы, душечка, я думаю много навезли костюмовъ? Покажите, Бога ради, покажите... Я такъ давно не видѣла модныхъ вещей. Пойдемте къ вамъ въ спальню, пойдемте, душечка!.. Я вамъ тамъ много, много расскажу интереснаго!

Аделаида Францовна замѣтила въ концѣ сада фигуру Силантія, угрюмо поглядывающую въ ея сторону, и почти силою подняла Надю съ мѣста и повлекла въ спальню.

— Я вамъ тамъ много, много расскажу интереснаго!—повторяла она, пропуская хозяйку въ дверь, впередъ, и окинувъ приближающагося мажордома презрительнымъ взглядомъ.

Черезъ минуту, уютная спальная Нади, гдѣ все было такъ прибрано по мѣстамъ, получила видъ полнѣйшаго разрома... Словно въ дорогу собирались. Комоды отворены, платья разбросаны на креслахъ и на постели, бѣлье тоже все перерыто. Гостья не пропускала ни одной мелочи, прикидывала все къ своему лицу, вертѣлась передъ зеркаломъ и ото всего приходила въ восторженное состояніе.

— Ахъ, какъ это мило!—твердила она.—Какъ все это со вкусомъ! и для кого здѣсь, зачѣмъ? Развѣ здѣсь могутъ оцѣнить все это, такіе дикари и невѣжды?.. Если-бы еще Павелъ Петровичъ оставался, ну тогда другое дѣло, но теперь...

— Почему-же онъ уѣзжаетъ? — почти безсознательно вырвалось у Нади.

— Ахъ я вамъ расскажу! — подхватила акушерка.—Это дѣлый романъ. Это такая несправедливость, такая дикая невѣжественность! Я вамъ все расскажу по порядку...

И она, оставивъ осмотръ костюмовъ, пододвинула стулъ къ Надѣ и сѣла совсѣмъ вплотную, еще разъ осмотрѣвшись по сторонамъ.

— Видите-ли-съ. Тутъ былъ, знаете, обыскъ, то-есть не совсѣмъ обыскъ...—Аделаида Францевна замаялась немного, ей не хотѣлось касаться обстоятельства, которое она понимала, не могло быть Надѣ особенно пріятно.

— Ну, да все равно! Только у Криницына нашли, представьте себѣ, вашу карточку.

— Какимъ образомъ!—удивилась Надя.

— Не знаю!—протянула акушерка и многозначительно посмотрѣла на дѣвушку.—Молодой Глухаревъ, этотъ, знаете, что у васъ сегодня съ визитомъ былъ, возьми, да ни съ того, ни съ сего, и вломись въ амбицію. «По какому праву, да по какому случаю, очутился у васъ, милостивый государь, этотъ портретъ?» Павелъ Петровичъ сейчасъ, гордо, но вѣжливо: «это, говоритъ, молодой человѣкъ, не ваше дѣло». Карточку вашу сейчасъ взялъ и къ себѣ въ карманъ, на сердце, понимаете?.. Это я все своими глазами видѣла. Ну, естественно, Глухаревъ сейчасъ ему дерзость... Мужики вѣдь только и берутъ, что руганью... А Павелъ Петровичъ опять ему вѣжливо, съ достоинствомъ и благородствомъ: «я, говоритъ, объ этомъ объяснюсь съ вами послѣ...» И что же бы вы думали? Взялъ да и послалъ къ нему вызовъ,—на дуэль значить...

— Ахъ, Боже мой!

Надя теперъ вслушивалась внимательно въ разговоръ акушерки

— Тутъ,—продолжала та,—сейчасъ бунтъ поднялся... Офицеры здѣшніе не любятъ Павла Петровича, всѣ за Глухарева стали...Судъ собрали... Всѣ на одного!.. Вы подумайте только!.. Нѣтъ, чтобы у кого хватило благородства стать за праваго... Павелъ Петровичъ и порѣшилъ имъ въ глаза: «Ежели, говоритъ, отъ благороднаго поединка отказываетесь, такъ я, съ такими низкими людьми, служить не хочу и съ вами компанію водить не согласенъ!» взялъ это и вышелъ отъ нихъ... Теперъ вотъ рѣшенія ждетъ отъ начальства, когда ему можно будетъ отсюда уѣхать...

Надя задумалась.

— За что же его не любятъ здѣсь?—спросила она.

— За то больше, что онъ имъ не компанія... Зависть, видите ли, прежде насъ родилась, вотъ за то только и не любить... Павелъ Петровичъ привыкъ къ обществу аристократическому, онъ и сюда попалъ только за благородство и пылкость своего характера, а тутъ, вотъ вы сами увидите, мужикъ на мужикѣ—самые неотесанные. Опять же не можетъ Павелъ Петровичъ, чтобы съ ними заодно. Они вотъ водкою напиваются, а онъ этого не любитъ, онъ все этакъ стороною и держалъ себя гордо и съ достоинствомъ. Вотъ за то и не сошлись характерами. Наши то, чѣмъ бы учиться, да примѣръ брать съ Павла Петровича, сейчасъ всякіе ему шиканы, а онъ на все съ пренебреженіемъ. Не унижаться же ему передъ этими сиволапыми!? И вотъ сами теперь виноваты: былъ у нихъ въ батальонѣ офицеръ, примѣръ благородства, а теперь плюнулъ и ушелъ—купайтесь, моль, въ своей грязи по уши! Ахъ, Боже мой! какой я у васъ безпорядокъ произвела! Вы меня пожалуста извините, душенька! Я такъ давно не видала ничего моднаго. Я сейчасъ все уберу... Позвольте... я сама!

И она торопливо принялась собирать и складывать въ ящики комода принадлежности Надинаго туалета.

— Не безпокойтесь!—остановила было ее хозяйка.

— Какое-же безпокойство!.. Ахъ, да... можно вамъ, мой ангелъ, сказать по секрету одну мысль, которая мнѣ сейчасъ пришла въ голову. Можно?

— Что такое?

— Только вы не конфузътесь... честное слово?... да?..

Акушерка завертѣлась на стулѣ и снова безпокойно оглядѣлась кругомъ.

— Знаете-ли, почему, я думаю, Павелъ Петровичъ до сихъ еще не уѣхалъ, знаете ли почему?

И не дожидаясь отвѣта, пригнулась къ уху Нади и почти шепотомъ продолжала:

— Онъ ждалъ!..

— Чего?—удивилась та...—Да, вы мнѣ говорили, разрѣшенія какого то...

— Ну, нѣтъ, тутъ другое совсѣмъ... онъ ждалъ одну особу... ту, чью карточку хранилъ у себя на сердцѣ... Я глубоко, глубоко вѣрю этому.

Надя покраснѣла

— Повѣрьте вы мнѣ... Я очень-очень хорошо знаю чело-
вѣческое сердце.

Надя задумалась. Ей вспомнился въ эту минуту рассказ
ихъ класной дамы, которая увѣряла, что одинъ молодой чело-
вѣкъ, какой то французскій графъ, влюбился въ нее по порт-
рету, просилъ руки, но жестокіе родители отказали—и онъ
застрѣлился передъ ея окнами...

Надя и ея подружки конечно не имѣли никакихъ данныхъ
сомнѣваться въ истинѣ словъ своей класной дамы и горячо
оплакивали романическую судьбу французскаго графа...

— И очень можетъ быть, что и дождавшись,—акушерка
усиленно подчеркнула это слово,—что и дождавшись,—повто-
рила она,—Павель Петровичъ еще нескоро уѣдетъ... Ну, ду-
шенька, до свиданья, засидѣлась я у васъ... Я такъ рада,
такъ рада, что вы пріѣхали!. Позвольте мнѣ еще разъ обнять
васъ и надѣюсь, что и вы ко мнѣ... Я здѣсь недалеко, изъ
окошекъ вашей залы даже моя крыша видна, бѣлая труба и
на ней всегда голуби—я ихъ прикармливаю. Я такъ люблю
этихъ чудныхъ голубковъ, это мои друзья, единственное утѣ-
шеніе въ моемъ одиночествѣ.

Аделаида Францовна прекратила наконецъ свою болтовню
и вышла. На порогѣ столкнулась носомъ къ носу съ Шелобовымъ

— Успѣли уже?—пожалъ плечами тотъ.

— Успѣла-съ!—кокетливо улыбнулась та, и съ трескомъ
раскрыла свой оранжевой зонтикъ.

— А ты бы ее въ шею,—замѣтилъ Василій Ивановичъ,
обращаясь къ Силаятію, когда гостья отошла подальше, под-
нявъ на улицѣ пыль своимъ распушеннымъ шлейфомъ.

— Слѣдовалобы-съ,—согласился тотъ...—то есть вотъ какъ бы
слѣдовало!.. прошмыгнула то она, я не видалъ... другой разъ умнѣе
буду... Столикъ карточный для вечера пригажете приготовить?..

— Столикъ?!. да кто же играть то будетъ?.. развѣ отецъ
Павель прійдетъ?.. Приготовъ на всякій случай!..

ХІІІ.

Въ этотъ вечеръ Павлуша исправилъ нѣсколько то невы-
годное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Надю своимъ
утреннимъ визитомъ.

Молодой Глухаревъ пришелъ, во-первыхъ за просто, въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, бѣлой шелковой рубахѣ съ пристегнутыми офицерскими пегонами. Этотъ костюмъ гораздо больше шелъ въ нему и онъ выматривалъ положительно молодцемъ. Онъ вѣдь былъ если и не красавецъ, то очень симпатиченъ: его прекрасные глаза смотрѣли скромно, но весело; его пріятный ротъ, еле прикрытый усами, складывался въ добродушную, наивно-дѣтскую улыбку... Онъ былъ, правда, угловатъ своими движеніями, но эта угловатость, избличавшая здоровую силу, даже шла отчасти къ его атлетической фигурѣ.

Довольно было только одной улыбки Нади, можетъ быть и нечаянно обращенной къ нему, чтобы онъ значительно разошелся и разговорился...

Иванъ Акимовичъ смотрѣлъ на сына и нарадоваться не могъ, Шелобовъ тоже одобрилъ... Хмурая тучка, набѣжавшая было на сердце старика Глухарева послѣ утренняго посѣщенія, сама собою скоро разсѣялась.

Отецъ Павелъ пришелъ и втроемъ сѣли за преферансикъ. Надя разливала чай, Павлуша ей помогалъ, разносилъ стаканы и два раза успѣлъ даже разсѣштить хозяйку, чѣмъ именно—и самъ не догадывался.

Надя смѣялась и ему смѣяться хотѣлось. Правда, смѣхъ Нади отдавалъ какъ будто чѣмъ то дѣланнымъ—это не былъ ея обыкновенный смѣхъ, заражавшій, бывало, еще въ институтѣ всю залу своею веселостью, но Павлуша не вдавался въ оцѣнку этого смѣха и былъ вполне счастливъ, даже за котенкомъ погнался, который, спасаясь отъ преслѣдованія собакъ, вскочилъ на заборъ сада, а оттуда на крышу бесѣдки. Онъ очень ловко взобрался туда же и съ торжествомъ поднесъ Надѣ бѣдное, дрожащее отъ страха, робко мяукающее существо.

Надя приняла котенка и тутъ же на столѣ принялась поить его сливками со своего блюдечка.

— Жаль, племянницу свою не захватилъ съ собою! — замѣтилъ отецъ Павелъ. — Дѣвушка добрая и вамъ, барышня, компанія подходящая, развѣ годочками двумя постарше будетъ.

— Груня прелесть! — согласился Шелобовъ.

— Что-жъ не привелъ? — взглянулъ на отца Павла и Иванъ Акимовичъ.

— Въ другой разъ приведу... А, ну-ка, въ бубнахъ семь!

— Повистую,—покрутилъ усъ Василій Ивановичь.—Ты, Ваня, что?

— Пасъ!

— Открывай! да попробуемъ батьву безъ хвостика оставить... Что! наскочилъ на самъ четвертаго!

— Вотъ уже третій разъ такъ... Оказія!—задумался отецъ Павелъ, поглаживая бороду и обдумывая ходъ.

— Тигрятки будутъ такіе же—только покрупнѣе,—объяснялъ Павлуша Надѣ, вытирая своимъ носовымъ платкомъ послѣдствія невоспитанности спасеннаго котенка.

— А они кусаются?—спросила Надя.

— Подростутъ, такъ страсть какіе злые! У насъ, года три тому назадъ, вынули изъ гнѣзда пару—такъ только до шести недѣль держать на волѣ можно было. На цѣпь посадили послѣ. Вы, Надежда Федоровна, что больше любите—виноградъ или персики?

— Персики!—произнесла Надя и по разсѣянности забыла запереть кранъ самовара.

Павлуша бросился исправлять эту ошибку и опять пустилъ въ ходъ свой носовой платокъ.

Веселость Нади, все-таки нѣсколько искусственная, стала испаряться понемногу. Она выждала моментъ, когда ея молодой гость, не отстававшій отъ нея ни шагу, подошелъ, наконецъ, къ играющимъ и остановился за стуломъ отца, заинтересовавшись розыгрышемъ, и тихонько пошла въ глубину сада.

Она дошла до самаго конца, гдѣ стѣнка была значительно ниже и подняла голову. Звукъ копытъ вывелъ ее изъ задумчивости.

— Надежда Федоровна! Надежда Федоровна! гдѣ вы?—послышался голосъ молодго Глухарева.

— Я... я сейчасъ,—растерялась Надя, бѣгомъ побѣжала по дорожкѣ и прямо черезъ террасу, въ свою комнату. Оттуда, убѣдившись, что за нею не слѣдятъ, она перешла въ залъ и приподняла опущенную стору.

— Надежда Федоровна!— снова послышался голосъ Павлуши.

Надя досадливо передернула плечами, отошла отъ огня и снова погрузилась въ задумчивость.

Вышла она въ садъ уже не такая веселая, и это обстоя-

тельство не укрылось от наблюдательного взора старика Глухарева.

— Что, не головка ли опять разболѣлась?—обратился онъ къ ней съ участіемъ.

— Да,—чуть слышно отвѣтила дѣвушка.

— Можетъ сегодня, въ жару, не выходили-ли вы на солнце съ открытою головою?—замѣтилъ отецъ Павель.—Этого здѣсь отнюдь не слѣдуетъ дѣлать.

— Устала тоже!—резонировалъ старый Глухаревъ.—Вѣдь съ такой дороги въ одну ночь не отдохнешь... Она, другому, съ непривычки ежели, мѣсяцами отдается... Кому сдавать, господа?..

— Ничего, это пройдетъ!—тряхнула головою Надя.—Только...

— А вотъ что, голубка моя,—оставилъ карты Иванъ Акимовичъ.—Ты иди-ко себѣ спать, кликни Анисью и съ Богомъ... Мы тутъ и безъ тебя справимся! Вотъ доиграемъ пульку, закусимъ да и уйдемъ—десятый часъ, если не ошибаюсь?

— Безъ четверти!—справился съ своею луковицею Шелобовъ.

— Можно?—переспросила Надя и обрадовалась.

— Должно, не только что можно,—сказалъ Глухаревъ-отецъ.—Анисья, иди углаживать барышню! Анисья!.. Силантій, разыщи ты эту востроносую!.. Ну, господа, кто что говоритъ?

— Да я опять въ бубны,—произнесъ отецъ Павель.

Надя ушла. Гости ея, хотя и отдѣляло отъ спальни хозяйки порядочное пространство, понизили голосъ.

— Пась!

— Пась!

— И превосходно!.. Занесемъ въ книгу судебъ... Гдѣ мѣлокъ то? Эвона гдѣ, сронили!..

Батюшка нагнулся и сталъ шарить около своего стула.

Абрекъ, должно быть своевольно, повернулъ въ эту сторону и повезъ Павла Петровича какъ разъ мимо садовой стѣнки. Хотя подъ такимъ вѣдомомъ, какъ Криницынъ, никакой ретивый конь не можетъ имѣть своей воли, но на этотъ разъ вышло исключеніе.

Павель Петрович очень хорошо видѣлъ красивое, взволнованное лицо дѣвушки, смотрѣвшее на него въ упоръ широко раскрытыми глазами. Надя была увѣрена, что ея незамѣтно въ густой тѣни кустовъ. Обогнувъ домъ, Павель Петровичъ опять повернулся на сѣдѣ и видѣлъ, какъ колыхнулась оконная занавѣска, видѣлъ оягь на мгновение—тѣ же, широко раскрытые чудные глаза... и улыбнулся, про себя только. Онъ умѣлъ такъ улыбаться, что ни его глаза, ни малѣйшее движеніе губъ не выдавали этой улыбки. Однако, въ эту ночь, портретъ кухни Мадъ былъ почему то забытъ на письменномъ столѣ и не попалъ на ночной столикъ, къ постели Павла Петровича.

Онъ собирался было писать въ Петербургъ и отложилъ свое намѣреніе до другого раза. Ему не спалось.

А на другой день онъ получилъ, совершенно неожиданно, записку съ запахомъ пачули, слѣдующаго, простаго, но все-таки загадочнаго содержанія:

«Милостивый государь,

Уважаемый Павель Петровичъ!

Не откажите пожаловать завтра въ пять часовъ вечера ко мнѣ на чашку чая. Васъ, можетъ быть, удивить мое приглашеніе, но, тѣмъ не менѣе, остаюсь въ полной увѣренности, что вы не захотите обидѣть меня вашимъ отказомъ.

Глубоко уважающая васъ

Аделина Розенблюмъ.

Р. S. Никого изъ вашихъ враговъ у меня вы не встрѣтите. Еще разъ жду и жду... Вы будете довольны.»

Павель Петровичъ рѣшилъ, что пойти можно.

XIV.

— А ты не торопись,—говорилъ Иванъ Акимовичъ Павлушѣ, сидя въ халатѣ и раскуривая свою длинную турецкую трубку.—Ты не сразу. Она тебя не только что въ первый разъ видитъ, она о тебѣ и не думала никогда, существованія твоего на семь свѣтѣ не предполагала. Федоръ-то, покойный, въ письмахъ когда упоминалъ, это пустяки. Шелобовъ дорогою, это тоже не важность! Иной разъ этакъ-то ква-

лить—и перехвалить можно... бываетъ! Такъ вотъ ты это все сообрази и не горячись!

— Я понимаю, папаша, я это все очень хорошо понимаю,—тоскливо вылъ, лежа подъ одѣяломъ, Павлуша.—Я вотъ тоже ее не видалъ, а сразу, съ перваго взгляда, да что съ перваго взгляда! Я вотъ, и не видѣвши ее вовсе, полюбилъ, а какъ увидѣлъ...

— Да вѣдь, понимаешь ты, это не уйдетъ. Только и съ твоей стороны надо все-таки осторожнѣе быть и послѣдовательнѣй. Я тебѣ скажу откровенно, и ты на отца не обижайся. Я вѣдь все видѣлъ и все понималъ. И скажу тебѣ прямо, безъ обиняковъ, по-солдатски: ты ей съ перваго взгляда не понравился.

— Папаша!..

— Что, папаша, что! Ты вотъ самъ солдатъ, а разрюмился. Нѣтъ, братъ, расписать нельзя, этого тоже женское сословіе не любитъ. То-есть, я хотѣлъ сказать, что... ну, какъ бы это тебѣ выразить понятнѣе. Она, можетъ быть, тебя представляла себѣ нѣсколько иначе. Богъ ее знаетъ! но только, когда ты къ ней пришелъ, она поглядѣла на тебя и подумала: «Ахъ, молъ, не то!» Уже это, другъ мой, я тогда же намоталъ себѣ на усь. Тутъ ты не виноватъ и огорчаться пока нечѣмъ. Не съ одного маха города берутъ! Съ перваго взгляда не понравился, слумѣй понравиться послѣ. Оно, знаешь, еще прочнѣе бываетъ. И ты моего совѣта слушай. Я тоже прожилъ довольно и всякихъ видовъ перевидалъ порядочно! За своюю женою, а твоею матерью—я, можетъ быть, не одинъ годъ ухаживалъ. Такія траншеи выводилъ, что и нашему инженеру не вывести, а все-таки на своемъ поставилъ. Маменька твоя меня цѣлый годъ видѣть не могла, а потомъ души во мнѣ не чаяла. Всяко, братъ, бываетъ!

— За что же? за что же мнѣ-то, папенька!—всхлипнулъ Павлуша.—Что же во мнѣ-то она нашла такого противнаго?

— А во мнѣ что твоя маменька? Я вѣдь тоже почище тебя молодецъ былъ. Я, братъ, на ея глазахъ, на пожарѣ цѣлую семью повытаскивалъ, самъ чуть не сгорѣлъ. Кругомъ стонъ-стономъ стоялъ: «Молодецъ, да молодчина. Герой!»—а не помогло тогда, прислала только въ госпиталь, гдѣ я лежалъ, банку варенья, а сама и не навѣдалась даже. Такъ-то!

Въ женскомъ сердцѣ, что въ колодцѣ глубокомъ, ничего не разглядишь, пока само не всплыветъ наверхъ.

— Всѣ вотъ по форту говорятъ, что я женихъ, невѣста, молъ, моя пріѣхала, а тутъ вонъ оно какъ!

Павлуша сѣлъ на постели и свѣсилъ на коверъ свои боссы ноги.

— Я, папаша, тоже понимаю хорошо,—продолжалъ онъ,—и заслужить ея любовь постараюсь. Вотъ если бы только другой кто не перебилъ.

— «Другой!.. Ну», подумалъ старикъ Глухаревъ...—Другой,—повторилъ онъ вслухъ;—этого, другого, пока не видать что-то. Ползунковъ развѣ? Гдѣ тому? такой ей не понравится. Нѣтъ, Пашка, твое счастье, а здѣсь конкурентовъ опасаться нечего. Только опять-таки я совѣтую держать себя съ нею умно и толково и отнюдь нюни не распускать, подтянись, братъ! Обращайся съ нею просто, дружески, какъ братъ съ сестрою, будь всегда веселъ, ублажай ее со всѣхъ концовъ, только не надоѣдай. Понимаешь ли ты, что значить: *не надоѣдай*?—это значить: ни единой минуты, слышишь, ни единой минуты не будь ей въ тягость, и съ любовью своей не приставай ни въ какомъ случаѣ. Каждый день тоже нечего шляться, роли не выдержишь, повторяться станешь... Вотъ завтра на охоту ступай, да дня на три. Выжди пока сама не спроситъ: «а гдѣ же, молъ, Павелъ Ивановичъ?» Тамъ я уже знаю, что и какъ отвѣчать ей надо. Покажись ей, молодецъ-молодцомъ, а тамъ—опять въ отлучку. Богъ дастъ добьешься, что и о тебѣ соскучатся, а отъ скуки уже не далеко и до чего другого. Бываетъ, знаешь ли ты, что бываетъ полезно иной разъ? То-то, не знаешь! А я тебѣ скажу: бываетъ полезно, когда ты и за другой при ней приволокнешься. Вотъ хоть за Груней. Впрочемъ, нѣтъ, ту оставь... ту жалко, а вотъ, вали хоть за докторшей нашей.

— Папенька!

— Да вѣдь я для шутки, для примѣра только. Главное только не напоминай ей самой о своей любви, съ чувствами-то этими какъ можно подальше. Вотъ что главное! И все, повѣрь мнѣ, будетъ въ свое время обстоять вполне благополучно. Ну, ложись спать! пора! Вотъ я докурю и самъ завалюсь. Утро вечера мудренѣе!

Улегся Павлуша, минуту спустя и старикъ Глухаревъ сталъ постукивать о подоконникъ своею трубкою.

— Не объ одномъ тебѣ хлопочу я,—началь опять резонировать Иванъ Акимовичъ.—Объ ней, о Надѣ, можетъ быть еще больше. Я увѣренъ, что лучше тебя ей не найти мужа. Не потому говорю это, что ты сынъ мой,—коли бы ты былъ не подъ пару, такъ я и не посмотрѣлъ бы, что сынъ, самъ бы скомандовалъ тебѣ: «отчаливай!»—такъ-то! Знаю я почему жду не дожудь этой свадьбы. Умру покойно и съ чистою совѣстью явлюсь тамъ, къ матушкѣ твоей и къ другу Федору съ отчетомъ. Опять же она дѣвушка не безъ средствъ къ жизни, у тебя тоже есть; будетъ тѣмъ и дѣтей на ноги поставить. Эхъ, Паша, Паша! Ну, однако, все-таки спи! Вонъ оно, ужъ я свѣтать скоро станеть, а завтра мнѣ рано въ складъ надо, казакамъ патроны выдавать. Ты которымъ часомъ требованіе помѣтилъ?

— На половину шестого назначилъ.

— То-то!

— Иванъ Авимычъ, а Иванъ Акимычъ!—раздался голосъ Шелобова за перегородкою.—А я такъ все думаю: не купить ли мнѣ Абрека Криницынскаго—ты какъ полагаешь?

— Я думалъ—ты ужъ второй сонъ видишь!—отвѣчалъ старикъ Глухаревъ.

— Не спится что-то. Криницынъ хочетъ за коня пять радужныхъ. Я дамъ. Хоть и дешевле можно купить, а я дамъ, Богъ съ нимъ! Ему, можетъ быть, на дорогу деньги нужны. Получить да и уѣдетъ поскорѣе! Какъ ты думаешь?

— Гм!—поперхнулся Иванъ Акимовичъ.—Давно бы ему пора убираться отсюда! что жъ, покупай, лошадь хорошая.

— А то можетъ быть ты купишь, для Павлуши? я персбивать не намѣренъ. Оно, знаешь, очень приятно; Павлуша, ты спишь что ли? Осѣдаешь этакъ лихого коня, да мимо окошекъ чыхъ-нибудь козыремъ, Павлуша?..

Но ни Павлуша, ни Иванъ Акимовичъ не отвѣчали на эту Шелобовскую шутку. Шелобовъ больше не продолжалъ.

Всѣ трое одинаково поняли ея значеніе, и на всѣхъ трехъ напоминаніе о Криницынѣ подѣйствовало, почему-то, крайне раздражительно.

Заснули наши пріатели или нѣтъ, но только въ квартирѣ Глухарева настало теперь полное молчаніе.

XV.

Туманъ, сплошной, холодный, непроницаемый повисъ въ воздухѣ и подъ этою сизою стѣною высятся далекія горы, уходя въ лазурное небо своими вершинами. Вѣчные льды покрываютъ мшистый гранитъ, алмазами сверкаютъ они на солнцѣ, чудными линиями рисуясь въ прозрачномъ золотистомъ эфирѣ. Несется вверхъ крылатый конь, не чувствуя шпоръ, не чувствуя, струною натянутого, повода. Это не конь, это самъ вѣтеръ... и схватилъ онъ безсильнаго всадника, отнялъ у него сознаніе, отнялъ волю, и несеть въ безконечное пространство.

И все также далеко алмазные выси, словно онъ тоже уносится дальше и дальше и съ собою уносятъ дивный образъ, образъ женщины.

Съ укоромъ смотрятъ кроткіе глаза, золотою короною обложили мраморный лобъ роскошныя косы, ея губы шепчутъ призывъ. И никто этого призыва, кромѣ него, не слышитъ...

— Сюда... ко мнѣ! Что же ты, безсильный! Мнѣ холодно здѣсь, мое сердце замираетъ и стынеть, а съ нимъ и жизнь. Сюда!..

Машетъ могучими крыльями конь, гудитъ уныло вѣтеръ, пронизывая крѣпкія кольца желѣзной цѣпи. Это тамъ, внизу, за неподвижною стѣною тумана, держитъ его злая, невидимая сила и борется эта сила съ силою крыльевъ волшебнаго коня, борется съ силою другихъ крыльевъ, словно выросшихъ изъ его сердца.

Это не ударъ грома, это не молнія ослѣпительно блеснула въ глаза, это разомъ лопнула проклятая цѣпь, и подхватило горное эхо металлческіе, предсмертные стоны, понесло его по ущельямъ безконечными перекатами.

Съ размаха ринулся освобожденный конь, словно солнце засверкала вверху кроткая, радостная улыбка. Близко-близко. Вотъ-вотъ готовы коснуться ея съ мольбою протянутыя руки. Темная, угрюмая скала выросла въ мгновеніе передъ его глазами и закрыла собою все. Съ размаха ударился разлетѣвшійся конь, грудью хватился очарованный всадникъ. Скала! нѣтъ, это не скала! это страшный затылокъ, сѣдой, съ черною сіяющей пробоиной. И разомъ настала ночь, разомъ оку-

тала все непроницаемою тьмою. Красные огни замелькали внизу. Это волки въ кустахъ, это тигръ, сквозь камышъ за-видѣвшій легкую добычу. Это факелы! Да, погребальное, уны-лое шествіе. Вотъ они движутся безконечною вереницею, поютъ и разносятъ вѣтромъ огненные искры ихъ факеловъ. Кони, по-крытые черными попонами, тяжело тащатъ высокую, траур-ную колесницу, неистово визжатъ и скрипятъ немазанныя ко-леса, гнутся дроги подъ страшною тяжестью и не балдахинъ это, какъ казалось прежде, издали нѣтъ, это виселица. Стаи вороновъ усѣлись въ рядъ на ея перекладинѣ. Колышется ве-рвочная петля, словно змѣя вьется съ раскрытою пастью, готовая ринуться на добычу.

— Кому?

— Я не хочу знать кому, это не я спрашивалъ, — нѣтъ! это сердце само, безъ моей воли, спросило. Не надо отвѣта! не надо! молчи!

— Тебѣ! — стонетъ неумолимое горное эхо.

Черные люди, съ закрытыми лицами, окружили его со всѣхъ сторонъ и съ розмаха воткнули въ землю свои факелы. Его берутъ, его тянутъ на эшафотъ, прямо подъ эту нена-вистную петлю. Навстрѣчу ему двинулся страшный палачъ, и лицо этого палача знакомо ему, знакомъ ему этотъ багровый носъ, эти, щетиною торчащіе усы, эти осоловѣлые отъ пьян-ства, безжизненные, глаза.

— Покажи мнѣ свои руки! руки покажи! чисты ли онѣ у тебя? — хрипитъ знакомый голосъ.

И вдругъ, розовое, теплое, мягкое такое облачко налетѣло на него, окутало и вынесло изъ этого страшнаго круга. И опять въ этомъ облачкѣ мелькаютъ чудныя формы, опять тѣ же кроткіе, дѣтски чистые глаза, опять надъ мраморнымъ лбомъ — золотая корона. И исчезли вмѣстѣ съ ночью тьмою ненавистные призраки позора и казни. Чудная картина раз-ворачивается передъ глазами: зеленые сады, журчащіе ручьи, серебряная пѣна рокочущихъ водопадовъ. Стройныя пальмы, бѣлые, легкіе минареты, призывной голосъ музлы, мелодія струнъ и веселый дребезгъ тамбурина.

Откинувъ бѣлую чадру, змѣею извивается женщина, чуть касаясь ковра своими легкими, полюбощаженными ногами. Это она! это кузина Мадъ. Она видитъ его и хохочетъ. Звонко

разносится ея злой, насмѣшливый хохоть, а ему все равно. Ему здѣсь такъ хорошо, такъ отрадно лежать на мягкомъ коврѣ, ему такъ сладко чувствовать на своемъ пылающемъ лбу эту нѣжную, любящую руку. Только зачѣмъ этотъ черный, этотъ курносый негръ смотритъ сюда и тоже смѣется. Словно сажую вымазанное лицо лоснится на солнцѣ, сверкаютъ и щелкаютъ оскаленные зубы. И не зубы это, не ротъ! это затылокъ и на немъ...

— Уйди ты отъ меня, стинь ненавистное видѣніе! Тамъ за гробомъ, твоя сила, здѣсь жизнь! Я живу, и не хочу знать ничего, что за предѣлами могилы... Сгинь!

— Ты ближе къ ней, чѣмъ думаешь! — говорить вузина Мадъ.

— *C'ette affreux!* — шепчуть желтыя, высохшія губы княгини Расбросовой.

Вотъ она сидитъ въ своемъ зеленомъ креслѣ и гладитъ косматую, слѣпую болонку.

— Ну, ужъ этого я никакъ не могъ ожидать, — шепелявилъ Грунинъ, вытирая ротъ салфеткою. — И, конечно, Поль, ты согласишься со мною, что правосудіе выше дружбы.

— *C'ette affreux!* — все заладила свое старушка-княгиня. Кусь его! кусь гадага! Мимишка, кусь, кусь!

И вдругъ эта дрянная, жалкая собаченка все растетъ и растетъ, она весь садъ наполняетъ своею косматою фигуркою. Она съ ревомъ бросается на него, вдѣпивлась ему въ горло зубами, душитъ его по кускамъ разрываетъ на части.

— Готово? — спрашиваетъ нагнувшись Шелобовъ.

— Готово, — отвѣчаетъ Иванъ Акимовичъ.

И хочеть онъ имъ сказать: «Нѣтъ, еще рано! я живъ! я жить хочу и буду!» И чувствуетъ уже, что жизнь снова начинается пробиваться въ его жилахъ, снова, медленно, тихо начинается биться сердце. Струя свѣжаго воздуха сладко такъ пробирается въ его легкія. Сѣрыя стѣны отошли и стали, и онъ видитъ на нихъ безчисленныя трещины, слѣды аляповатой живописи и позолоты, полки съ какими-то синими горшками и банками, а дальше дверь, и за дверью зелень деревьевъ, залитая лучами солнца. И это все уже прочное, не призрачное.

— Что это, сонъ? Нѣтъ, это уже не сонъ... Вонъ и го-

лось Миробая, вонь и лязг мѣднаго кунгана, топотня босыхъ ногъ по циновкамъ. Это Алибей и Мамунъ хлопчуть.

Криницынъ съ трудомъ поднялъ съ подушки свою отяжелѣвшую голову и приподнялся.

Около него, съ одной стороны, лежалъ на коврѣ какой-то нищій-оборванецъ, разметавшись, въ полномъ опьаненіи. Его ротъ растянулся въ циничную улыбку, глаза были полураскрыты, но ничего не видѣли. Съ другой стороны лежалъ кто-то въ красномъ халатѣ, ничкомъ, его трясло какъ въ лихорадкѣ; въ углу сидѣла угрюмая фигура, тоже въ лахмотьяхъ, опутивъ гладко обритуую голову на колѣна.

— Какая мерзость!—подумалъ Павелъ Петровичъ, съ трудомъ поднялся на ноги, покачнулся и сталъ приводить въ порядокъ одежду.

— Хорошо спалъ?—спросилъ Миробай, заглядывая въ двери савли.

— Сначала оно всегда тяжело немного,—продолжалъ онъ, не дождавшись отвѣта.—А зато послѣ хорошо! Охъ, какъ хорошо будетъ! Я тебѣ сейчасъ Мамуна пошлю; онъ тебѣ воду принесетъ, холодной, умыться, а чай пить ко мнѣ иди. Зеленый чай очень послѣ этого помогаетъ.

— Потомъ хорошо, потомъ очень хорошо будетъ! — повторялъ и батча, входя съ мѣднымъ тазомъ и шелковымъ полотенцемъ.

— Теперь еще рано! Солнце только что взошло и весь народъ спитъ. Иди сюда! тебя никто не можетъ видѣть,—пригласилъ Миробай, съ гордостью поправляя на своемъ халатѣ свѣтло-бронзовую медаль на анненской лентѣ.

Павелъ Петровичъ намочилъ полотенце, обвилъ имъ свою воспаленную голову и съ жадностью принялся глотать горячій чай, чувствуя, какъ этотъ ароматическій напитокъ успѣшно начиналъ бороться съ тяжелыми послѣдствіями опьаненія.

Алибей не успѣвалъ подаивать его маленькую чашечку изъ кунга. Миробай пытливо, искоса поглядывалъ на своего гостя, поглаживая рѣдкую, сѣдую бороду, скользя съ наслажденіемъ крючковатыми пальцами по чекану своей, достойно заслуженной «наградѣ».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

«Да, надо ѣхать! Надо ѣхать, и какъ можно скорѣе!» рѣшилъ Павелъ Петровичъ и приказалъ укладываться.

Такъ нетерпѣливо ожидаемый отпускъ давно уже былъ полученъ и праздно лежалъ на письменномъ столѣ Криницына. Замедленіе отъѣзда давно уже служило темою разговоровъ по всему Глухому форту, перетолковываясь на разные лады... Имя Нади неразрывно слилось съ этими толками и пересудами.

«Что это? Любовь?—не разъ задумывался Павелъ Петровичъ.—Это вздоръ! Ребенокъ, институтка, смазливое, молодое личико... Какъ это глупо, странно!.. Это пустяки! это бредъ разстроеннаго воображенія, нелѣпныя грезы, навѣянные дымомъ гашиша».

И Павелъ Петровичъ самъ разбивалъ свои доводы, самъ растравлялъ свое болѣзненное чувство, припоминая черты очаровавшей его дѣвушки, изучая эти черты до малѣйшей подробности, вызывая ихъ въ своемъ воображеніи.

Онъ только разъ слышалъ ея голосъ, и то не къ нему обращенный: и этотъ голосъ такъ и сохранился въ его памяти, мелодично звуча въ минуты полного затишья, каждый разъ тоскливо сжимая его сердце.

«Почему же тоскливо?.. Почему такъ болѣзненно?.. Развѣ любовь чувство тяжелое, злое? Развѣ не любовь заставляетъ сердце биться живѣе, радостнѣе?..

«Значитъ это не любовь!» рѣшалъ Криницынъ, снова принимаясь тщательно анализировать свое новое чувство.

Много разъ любилъ онъ въ своей жизни... Случалось, что и разсудокъ терялъ подъ вліяніемъ этого чувства... Приходила любовь жгучими порывами, уходила, быстро охлаждаясь, не оставляя никакихъ тяготящихъ послѣдствій. Или то не была любовь? А вотъ теперь-то именно она и настала... И вотъ онъ, сильный опытомъ жизни, привыкшій смотрѣть на женщинъ свысока, съ исключительно чувственной стороны, онъ разбитъ теперь самъ и лежитъ у ногъ дѣвочки-институтки. Глупо и неправдоподобно! Унизительно!..

«Это пройдетъ, — рѣшилъ Криницынъ. — Надо бросить все и уѣхать. Тамъ, сила новыхъ впечатлѣній, сила жизни, выбьетъ болѣзненный бредъ изъ его головы, — бредъ томительный и опасный. И онъ самъ будетъ хохотать надъ своею романтической слабостью, только скроетъ ее глубоко, чтобы не вызвать со стороны своихъ вполне заслуженнаго смѣха...

«Я не могу понять, что говоритъ она своимъ доврчиво-кроткимъ взглядомъ», — снова возвращался Павелъ Петровичъ къ исходной точкѣ своихъ терзаній и начиналъ обыкновенно припоминать себѣ все — отъ первой встрѣчи въ кишлакѣ Бешарыкѣ.

Онъ вспомнилъ теперь то, что въ минуту этой первой встрѣчи имъ было почти совсѣмъ незамѣчено. Теперь онъ не сомнѣвался въ томъ, что ея глаза смотрѣли на него восторженно. Надя смотрѣла на него не какъ на человѣка незнакомаго... Она точно звала его, точно говорила ему: «Здравствуй... Вотъ и я!.. твоя...» Затѣмъ опять... два раза, два раза, меньше чѣмъ въ минуту... Тамъ, изъ-за стѣны сада, тамъ, въ окнѣ, за колыхнувшейся занавѣскою...

Ну, что за важность! Криницынъ сознавалъ себя красавцемъ, на котораго заглядѣться нетрудно, особенно для молодой институтки. Онъ не разъ испытывалъ на себѣ подобные взгляды... Это ему льстило, это заставляло его иной разъ выпрямиться особенно гордо, порисоваться немного, пококетничать... это все пустяки! Такіе взгляды никакихъ слѣдовъ не оставляютъ и забываются скоро... Эти же были не такіе...

Разъ она сидѣла въ экипажѣ... съ нею рядомъ Груня, на возлахъ Павлуша; Шелобовъ и Глухаревъ скакали по бокамъ. Сзади, въ пыли, виднѣлись еще экипажи. Они тамъ, гдѣ-то на озерѣ, пикникъ устроили. Должно быть весело было! До-

рогою смѣялись и пѣли. Голосъ Нади раздавался особенно громко.

Шелобовъ тронулъ коня плетью и загородилъ отъ него Надю, но она успѣла взглянуть, она увидѣла и разомъ смолкла. Шелобовъ ударилъ свою лошадь не случайно, это ясно. Однако Надя уже больше не смѣялась. Она молчала всю дорогу. Вѣдь Криницынъ до самаго дома, проводилъ ее, стороною отъ дороги, правда, но, тѣмъ не менѣе, настолько близко, что не могъ бы проронить ни малѣйшаго звука ея голоса.

Онъ видѣлъ ее въ церкви. Онъ самъ попалъ въ церковь только потому, что видѣлъ, какъ она вошла туда, подъ руку со старикомъ Глухаревымъ.

Всѣ кругомъ смотрѣли на него двусмысленно, но какое ему дѣло до всѣхъ?! Онъ прошелъ впередъ и сталъ у клироса—и Надя стояла впереди тоже. Лицо у ней было покойное, легкій румянецъ игралъ на полненькихъ щечкахъ. Она его не могла видѣть, но видѣла—она опустилась на колѣна и простояла такъ всю службу. Она поблѣднѣла, какъ полотно. Она не молилась, нѣтъ!.. Это всѣ думали, глядя на нее, всѣ принимали ея чувства за жаркую, дѣтски-чистую молитву, но она не молилась... И Криницынъ зналъ, что занимало ее въ эти минуты. Зналъ и не спускалъ съ нея глазъ, но чувствовалъ, что еслибъ у ней хватило силы на его пристальный взглядъ отвѣтить тѣмъ же, онъ бы не выдержалъ и потупился.

Разъ, выходя отъ Аделаиды Роземблюмъ, Павелъ Петровичъ столкнулся на порогѣ, лицомъ къ лицу съ самой Надею. Провожавшая гостя, хозяйка успѣла таки представить его новой гостьѣ. Надя пошатнулась и прислонилась къ косягу двери; лицо ея вспыхнуло яркою краскою, глаза заискрились и страхомъ и радостью, она протянула ему руку... Въ первый разъ въ своей жизни Криницынъ испыталъ подобное прикосновеніе.

— Останьтесь еще... Поговорите,—приставала хозяйка, но Криницынъ не остался. Онъ стремительно шагнулъ черезъ порогъ и вышелъ. Почему? и самъ не могъ отдать себѣ отчета. И проклиналъ онъ свое невольное движеніе и хотѣлъ было вернуться, предложъ даже подыскалъ подходящий, но не вернулся... И снова провелъ мучительно сладкую ночь, подъ гостепріимнымъ сводомъ потаенной сакли Миробая.

Что-то особенно часто онъ сталъ туда навѣдываться, втягиваясь все болѣе и болѣе въ чарующія лапы этой отвратительной страсти.

И не одну ночь онъ провелъ безъ сна, охваченный безсознательнымъ бредомъ. Павелъ Петровичъ сталъ накрѣпко запереться у себя въ комнатѣ. Онъ вовсе не хотѣлъ, чтобы кто нибудь могъ быть посвященъ случайно въ тайну его мучительныхъ галлюцинацій.

Страшный случай произошелъ съ нимъ однажды, во время прогулки. Криницынъ проходилъ базарною площадью. Прямо на землѣ, повсюду были разложены войлоки и циновки, на нихъ незатѣйливый туземный товаръ. Продавцы-киргизы сидѣли около, зазывая покупателей. Развѣюченные верблюды лежали неподвижно, пережевывая свою зеленую жвачку. Группы барановъ, предназначенныхъ подъ ножи мясниковъ, померно и тупо смотрѣли въ глаза своимъ палачамъ. Въ воздухѣ стономъ стоялъ базарный гулъ. Солнце палило невыносимо, и въ одномъ мѣстѣ, на самомъ припекѣ, сидѣлъ старикъ, слѣпой нищій и бормоталъ какія-то молитвы. Около стояла глиняная чашечка для сбора подаяній, пока еще пустая. На головѣ старика была громадная, сѣрая баранья шапка, сдвинутая на затылокъ, грязныя ломотья едва прикрывали его сухое, словно изъ темной бронзы отлитое тѣло. Криницынъ прошелъ мимо, но вернулся и остановился какъ разъ передъ этимъ нищимъ. Заслышавъ эти шаги, слѣпой поднялъ голову и заморгалъ своими, сплошь залитыми бѣлками глазами. Онъ уже давно не видѣлъ свѣта, для него давно уже наступила вѣчная ночь, но Криницыну эти мертвые глаза показались живыми. Просительная, жалкая гримаса несчастнаго показалась ему злою усмѣшкою.

— Я хорошо вижу,—будто бы произнесъ старикъ. — Не тебя... мои глаза не могутъ видѣть тѣла, но Аллахъ даровалъ имъ возможность видѣть душу... а я твою душу вижу. Я вижу въ ней все, что тобою такъ ревниво хранится... Я вижу все!..

Криницынъ швырнулъ въ его чашку пригоршню серебряной мелочи. Звонъ металла заставилъ нищаго съ жадностью ринуться на добычу. Кругомъ загудѣли удивленные голоса.

— Менеке! менеке! (мое! мое!), — забормотали сухія, желтыя губы. Слѣпой прикрылъ чашку обѣими, трясущимися руками

и навалился на нее своимъ тѣломъ. Онъ боялся, чтобы у него не отняли эти деньги... Не подумалъ бы кто нибудь, что это уже слишкомъ много для его насущныхъ потребностей.

Обаяніе исчезло. Павелъ Петровичъ вздохнулъ свободно и удалился.

— Отступился!—мелькнуло у него въ головѣ—и, оглянувшись по сторонамъ, онъ повернулъ налево по узкой тропинкѣ, по задкамъ базарныхъ сакель, словно желая избѣгнуть этой торной и людной дороги.

— Да, надо ѣхать—и ѣхать какъ можно скорѣе!..—рѣшилъ онъ еще разъ.

Но прошли дни, за днями недѣли, а сложенный аккуратно, форменно обрѣзанный листъ бумаги, съ печатью и начальническими подписями, до сихъ поръ еще праздно лежалъ на своемъ мѣстѣ, на письменномъ столѣ Павла Петровича.

II.

Своею неизмѣнною чередою проходило время. Наступила осень, съ темными, морозными ночами. Пожелтѣли и осыпались листья на деревьяхъ... краснымъ заревомъ запылали желтыя заросли камышей... Весь горизонтъ затянуло дымомъ осеннихъ паловъ. Только въ полдень еще усиленно грѣло южное солнце, радужнымъ блескомъ играя на легкой паутинѣ, носящейся въ воздухѣ...

Много измѣнилось въ жизни Глухого форта, многое пошло не такъ, какъ предполагалось его обитателями.

Павлушѣ не удалось вызвать въ сердцѣ Нади хотя тѣнь сочувствія. Онъ понималъ это ясно, онъ понималъ даже болѣе; онъ видѣлъ, что, вмѣсто желаннаго сочувствія, любимая дѣвушка относится къ нему съ чувствомъ чуть не гадливости.

Молодой Глухаревъ осунулся и чуть было не запыль съ горя... Трудно только было это сдѣлать, подъ строгимъ приглядомъ отца и Шелобова.

Веселаго, краснощекаго мальчика нельзя было узнать: онъ бродилъ, какъ тѣнь, выискивая случай, какъ бы повидаться съ Надею... Случаи были далеко не рѣдки, и, послѣ каждаго такого посѣщенія, между нимъ и Надею шире и глубже развѣтывалась раздѣлявшая ихъ пропасть...

Посѣщенія влюбленнаго жениха стали для бѣдной невѣсты положительно невыносимы. Это замѣтилъ и Иванъ Акимовичъ, и готовъ уже былъ запретить своему сыну эти посѣщенія.

Старикъ Глухаревъ и самъ все понималъ, но все еще не терялъ надежды. Онъ даже проникъ близко въ тайныя причины всего происходящаго, молчалъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда Криницына... Онъ только зорко стерегъ, чтобы какъ нибудь не случилось чего худшаго, и постоянно совѣщался на эту тему со своимъ другомъ, Шелобовымъ.

— Головы не унесетъ!—успокаивалъ его Василиій Ивановичъ.—Ноги переломаю, если только тотъ подумаетъ о такомъ дѣлѣ.

— Насильно милъ не будешь!—вдохнулъ Иванъ Акимовичъ...—Эхъ! проваливалъ бы поскорѣе!.. Все послѣ перемелется!

Сердце добраго старика болѣло двойною болью: и за сына, и за свою пріемную дочь, Надюшеньку.

Груня тоже смирилась. Она, видя страданія Павлуши, смѣнила гнѣвъ на милость.

Добрая дѣвушка часто видѣлась съ молодымъ Глухаревымъ, утѣшала его, какъ могла, хотя, по временамъ, ея утѣшенія приходили скорѣе на горькіе упреки... Она ему не разъ говорила...

— Ну, что разрюмился! Баба ты, а не мужчина!.. тряпка, прости Господи!.. Ну чего лѣзешь къ ней? видишь, что опостылѣлъ ты ей, ну и не ходи! и себя, и ее пуще тревожишь... Эхъ, терпѣть не могу, когда мужчина, да въ бабьи слезы ударится... Съ глазъ моихъ долой сейчасъ убирайся!

И Павлуша покорно исполнялъ ея повелѣніе.

Тогда Груня сама его останавливала, цѣловала въ голову, ласкала и мѣняла тонъ.

— Да полно же тебѣ, голубчикъ, да ты потерпи... Бываетъ, что сегодня постылъ, а завтра милъ дружекъ будешь... Понимаю я твое сердце, ухъ, какъ понимаю!.. А ты не опускай хвостъ, держись козыремъ, сдѣлай хоть видъ, что плюнулъ да забылъ... Ей же Богу, прости Господи, лучше будетъ... Вотъ ты и въ лицѣ осунулся, заболѣешь того и гляди, ну, что хорошаго... Милый ты мой, голубчикъ подстрѣленный!

И Груня снова принималась гладить Павлушу по его стриженной головѣ и сама съ нимъ вмѣстѣ плакала... А въ такія минуты Павлуша чувствовалъ себя лучше покойнѣе и давалъ

слово непременно послѣдовать Груничкиному совѣту, а на другой, а то и въ тотъ же день, забывая о своемъ словѣ, нарушалъ его почти безсознательно.

— Вотъ, не забиралъ бы себѣ въ голову вмѣстѣ со отцомъ своимъ, не прыгалъ бы выше носа, много лучше было бы,—говорила Груня отходя всторону и, будто сердито, глядя на Павлушу...—Вишь ты, братъ, образованную барышню захотѣлъ. Вотъ теперь и кайся!.. Эхъ, любилъ бы ты меня,—счастливейе жилось бы... Другую нашелъ, ну и иди къ той... уходи! слышишь... Ну, да постой! куда рванулся? не гонять тебя, на самомъ дѣлѣ... Что же ты рубахи свои не прислалъ чинить?.. изорвался чай весь, безъ женскаго присмотра.

— Я, Груня, пришло...—бормоталъ молодой Глухаревъ,—я, вотъ ты говоришь, «не люблю тебя...» Это напрасно! я очень, очень... я все по прежнему люблю тебя, ты мнѣ все равно, что сестра родная... я...

— Сестра! ишь ты! сестра! нѣтъ, шалишь! ищи себѣ сестеръ въ другомъ окологдѣ... Любишь то ты меня любишь, да не такъ, какъ мнѣ надобно... такъ, какъ я тебя... Да что же ты стоишь, не идешь... Ужь ты и вправду не подумай, что мнѣ отъ тебя прибыль какая... Прощайте, братецъ!

И Груня особенно подчеркивала послѣднее слово, а сама долго стояла у калитки, провожая глазами широкую спину и стриженный затылокъ своего Павлуши.

Иванъ Акимовичъ попытался поговорить съ Надею откровенно, по душѣ, онъ посоветовался предварительно съ Шелобовымъ и съ отцомъ Павломъ.

Первый сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, дѣло не испортишь.

Второй рѣшилъ, что «такъ и подобаетъ, назиданіе старшихъ и внушеніе можетъ быть не бесполезно».

И вотъ Глухаревъ, выбравъ удобную минуту, приступилъ къ *внушенію*.

Онъ началъ издалика, съ описанія главнѣйшихъ чертъ семейной жизни и со всего того, что для семейнаго счастья необходимо, но едва только онъ коснулся Павлуши и своего завѣтнаго желанія, какъ умоляющій, полный отчаянія,

беспомощно покорный взгляд Нади разом обезоружилъ всё его доводы...

— Иванъ Акимовичъ!.. папа!.. отецъ мой!.. что же вы со мною дѣлаете!..—истерически зарыдала Надя и колѣна у нея сами собою подогнулись.

— Голубка моя, дитя мое!—разрился тутъ и старикъ Глухаревъ.—Да что же мы, палачи твои, что-ли?.. Да вѣдь ты для меня все равно, что и Папка... Господь съ тобою... Будь, что будетъ... но только до худого не допущу... Не буду, не буду больше!.. ну перестань же, ну посмотри, что ты съ собою сдѣлала! Такая ли ты къ намъ сюда прѣѣхала?.. Ну, не буду, не буду!..

— Рано значить еще,—рѣшилъ Иванъ Акимовичъ, уходя послѣ своего внушенія, — что-же, подождемъ. А ты опять сюда?—встрѣтилъ онъ сына на порогѣ.

— Я, папаша, книжку вотъ... Снѣ книжку просилъ мне достать...

— Отдай книжку Симантію, да и ступай домой. Вотъ сейчасъ къ Огурчикову пойду похлопотать, нельзя ли тебя въ степь угнать съ командою, хоть на мѣсяць...

Только Шелобовъ одинъ умѣлъ успокоить Надю и не тяготить ее своимъ присутствіемъ. Онъ, обыкновенно, приходилъ къ ней весело, какъ ни въ чемъ не бывало, словно чуждымъ совершенно всего, что происходило. Онъ самъ мало разсказывалъ, все больше спрашивалъ ее объ институтской жизни, объ томъ, чему ихъ тамъ учили, особенно интересовался вѣхами мелочными подробностями и заставлялъ Надю припоминать ему всё трагическіе и комическіе эпизоды ея дѣтства. Обыкновенно, разсказчикъ особенно увлекается темою своего разсказа, когда замѣчаетъ возрастающее вниманіе слушателей, а Шелобовъ былъ слушателемъ образцовымъ, и если пускался въ разсказы самъ, то всегда выбиралъ эпизоды самые занимательные и совсѣмъ чуждые тому, что болѣзненно томило душу дѣвушки.

Василій Ивановичъ никогда не спрашивалъ Надю объ ея здоровьѣ; онъ дѣлалъ видъ, что вовсе не замѣчаетъ никакихъ худыхъ переи́нъ, онъ, напримѣръ, часто приходилъ къ обѣду и не заставлялъ Надю кушать, усиленно предлагая того и другого, а просто самъ подавалъ блестящій примѣръ своимъ

аппетитомъ и веселостью, и примѣръ его, какъ и всякій примѣръ, имѣлъ свойство заразительное. Надя кушала и слушала.

Василій Ивановичъ добился наконецъ того, что Надя ждала его посѣщеній, и на его громкое, веселое привѣтствіе отвѣчала даже иногда улыбкою и радушно протянутыми обѣими ручками.

— Вотъ, братъ, какъ надо! — сбѣснялъ все это Шелобовъ своему молодому другу, то есть Павлушѣ.

— Тебѣ хорошо, когда у тебя этого самаго чувства нѣту, — оправдывался неудачный женихъ.

— Нѣту! — переспрашивалъ Василій Ивановичъ. — Ты такъ и думаешь, что нѣту... Ну, пожалуй!.. Только, братъ, лучше, еслибы и у тебя его было поменьше.

Несмотря на иѣры, принятыя Глухаревымъ, Аделаида Францовна Розенблюмъ успѣвала врыватья къ Надѣ, и не одинъ разъ даже. Она рассказывала ей о Криницынѣ, расписывала его терзанія по своему, врала, сочиняя цѣлыя тирады, якобы произносимыя на ея счетъ Павломъ Петровичемъ, заставляла Надю плакать навзрыдъ и сама рыдала съ нею вмѣстѣ, и, къ чести Криницына, дѣйствовала сама на свой рискъ, по своему собственному вдохновенію, безъ полномочій Павла Петровича.

И вотъ, мало-по-малу, Надя составила себѣ полную картину своего настоящаго положенія.

Тамъ терзается и гаснетъ любимый герой, одинокій, всѣми ненавидимый, — здѣсь она, окруженная непреодолимою стѣною, тоже одинокая, тоже гаснущая. Она чувствовала, какъ эти люди, предательски любящіе, нѣжны, сжимаютъ ее все болѣе и болѣе въ своихъ томительныхъ тискахъ и нѣтъ ей выхода, нѣтъ даже средствъ къ отступленію. Есть въ этой стѣнѣ только одна калитка, хотя и запертая тоже, но, вотъ-вотъ, готовая открыться, при малѣйшемъ ея прикосновеніи. Это — Василій Ивановичъ: и довѣрчиво жметя она къ нему.

Розенблюмъ увѣряла ее, что оба Глухаревы низкіе интриганы, что они льстятся ея домомъ и оставшимися по наслѣдству крохами. Она этому не вѣрила; она даже просила непрощенную покровительницу никогда и не заикаться объ такихъ вещахъ... Она вѣрила и любви отца, и любви Павлуши; она только сознавала, что именно эта любовь и составляетъ

всю суть ея несчастія. Когда она видѣла изъ огня приближающуюся фигуру Глухарева-отца, ей становилось невыносимо тяжело, но она все-таки охотно шла къ нему навстрѣчу и горячо цѣловала, если посѣщеніе обходилось безо всякихъ намековъ на роковой вопросъ... Убитый видъ Павлуши ей былъ ненавистенъ и она уже больше не показывалась ему вовсе. Но еслибы этотъ самый Павлуша, вмѣсто своей любви, предложилъ бы ей такую, какую онъ предлагалъ Грунтѣ, то Надя съ восторгомъ кинулась бы къ нему на шею и назвала бы своимъ дорогимъ, горячо любимымъ братомъ.

А тутъ имя бѣдной, новопріѣзжей сиротки стало богатымъ матерьяломъ для сплетенъ по всему Глухому форуму и даже за его предѣлами. Дамскіе языки Богъ вѣсть чего только не придумали. Если Надя появлялась въ обществѣ, то, хотя и встрѣчала всюду любезность и полное вниманіе, но не могла не замѣчать оскорбительной двусмысленности, сквозившей въ каждомъ словѣ, къ ней обращенномъ.

Это заставило ее скоро, какъ улитку, войти въ свою скорлупу и затаиться тамъ, испуганно и недовѣрчиво относясь ко всему окружающему.

Между тѣмъ, разжигаемая препятствіями страсть пустила въ неопытномъ сердцѣ дѣвушки глубокіе корни. Это чувство росло и росло и скоро охватило собою все существованіе Нади, и ея фантазія, раскаленная еще съ институтской скамьи разными романическими терзаніями, рисовала ей таинственныя, сладкія картины встрѣчи лицомъ къ лицу со своимъ идеаломъ. Она рвалась и искала этой встрѣчи, но этотъ порывъ ни разу не обнаруживался у ней осязательно. Даже на уже вовсе не двусмысленныя предложенія пособничества для устройства свиданія, со стороны дѣвицы-акушерки, Надя отвѣчала: «Нѣтъ, ни за что!» Отвѣчала такъ энергично и рѣшительно, что отнимала всякую возможность дальнѣйшаго настаиванія, а сама, черезъ минуту, проклинала это «нѣтъ», вырвавшееся у нея инстинктивно, словно не по ея, а по чужой чьей-то волѣ, вѣчно противорѣчащей съ желаніями ея сердца... Еслибы это свиданіе состоялось какъ нибудь печально, помимо ея воли, тогда... Но печальныя-то встрѣчи одинъ на одинъ были положительно немислимы. Зоркіе глаза дружеской компаніи парализовали всякую возможность подобнаго случая. И разъ даже Аделаида

Францовна получила отъ Ивана Акимовича такое внушительное предостереженіе, что вѣлую недѣлю послѣ этого не рѣшалась встрѣчаться съ нимъ, одинъ на одинъ, на улицѣ. На предложеніе Розенбюхъ Креницыну, «выразить свои чувства письменно, писать, хоть слезать, пламень своей страсти на бумагу», Иванъ Петровичъ ничего не отвѣтилъ, только плечами по своему передернуть; на подобное жъ предложеніе Нади, та отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ. Аделаида Францовна удивлялась только ихъ обоюдному упорству, не замѣчая той брезгливости, съ которой обѣ стороны стали явно относиться къ ней.

Аделаида Францовна каждый вечеръ заносила въ свой дневникъ подробную хронику «несчастной любви», комментируя ее по своему, и, неизвѣстно уже по чьей винѣ, содержаніе наиболѣе пикантныхъ страницъ стало общимъ достояніемъ, неизвѣстно потому, что авторъ дневника прочитывалъ эти страницы только одному Ползункову, и то подъ самымъ строжайшимъ, честнѣйшимъ словомъ—сохраненія тайны.

III.

Зашла разъ Груня къ Ивану Акимовичу. Самого съ раняго утра не было дома, въ складахъ сидѣлъ, за конторкою. Шелобовъ какъ ушелъ съ вечера на куроратокъ въ степь, тамъ и заночевалъ должно быть, назадъ еще не возвращался. Павлуша одинъ былъ дома. Прошла Груня прямо въ его комнату, а тотъ лежитъ на кайкѣ одѣтый и спитъ. Подошла гостья потихоньку, хотѣла попутать, разбудить неожиданно, и отшатнулась. Ея Павлуша, этакій то скромникъ, красная дѣвица, былъ пьянъ мертвецки.

Повачала головою Груня.

— И когда это онъ успѣлъ такъ нарѣзаться?..

Словно про себя спросила она это, а денщикъ Фадѣевъ уже и отвѣтилъ:

— Да вотъ, какъ полеовникъ ушли, они только чай были покушавши, а потомъ сами достали графинчикъ, да и приеончили, даже безъ закуски. Я предлагалъ имъ яичницу сдѣлать—долго-ли! да не захотѣли, говорятъ: «Пошелъ вонъ! Не твое дѣло!»

Бросила Груня узелокъ съ бѣльемъ на столъ, сама вышла и прямо направилась черезъ базаръ, а оттуда наискосокъ, черезъ площадь, къ дому Горкина. Застала Надю въ саду. Встрѣдку угловую забралась та и книжку перелистовала.

— Здравствуйте, барышня, Надежда Федоровна! — поклонилась Груня.

— Груничка! Это вы! Здравствуйте.

Поцѣловались.

— Жаль мнѣ васъ, Надежда Федоровна, — сказала потупившись гостья. — Вѣрите ли какъ жалко... А только вы меня простите. Можетъ быть вамъ мои слова обидны покажутся, можетъ быть что неприятное съ языка сорвется... А вы уже простите.

— Не знаю, что вы сказать мнѣ хотите, — проговорила Надя, а сама уже поблѣднѣла, какъ полотно.

Груня замѣтила это и взяла ее за руки.

— Родная моя! Вѣдь я не мучить сюда пришла васъ... Я вѣдь очень, очень это все понимаю... Я люблю васъ и можетъ быть человекъ вамъ не сыскать другаго, кто-бы столько, какъ я, желалъ вамъ счастья... Только и самой мнѣ больно... Ужъ такъ то больно, такъ больно, что вся душа наружу прорисится. Вотъ и пришла я поговорить съ вами... Вы не плачьте. Вонъ у васъ уже слезинки на глаза навернулись. А уже коли плакать, то давайте вмѣстѣ... Говорятъ будто отъ этого на сердцѣ легче дѣлается.

Сѣла Груня рядомъ на диванчикѣ, обвила Надю за талию одною рукою, голову свою прижала къ ея плечу и, впрямь, обѣ вмѣстѣ заплакали.

Поплакали, поцѣловались и улыбнулись обѣ. Значитъ, действительно, полегчало.

— Ну, о чемъ же разговаривать вы хотите? — спросила Надя.

— Да обѣ немъ же все, — потупилась Груня. — Обѣ вамъ же больше!

Вдохнула Надя глубоко-глубоко.

— Я въ этомъ не виновата, — проговорила она, и ея мгновенная улыбка снова смѣнилась выраженіемъ не то печали, не то, скорѣе утомительной, тоскливой скуки.

— Запивать никакъ начать, — произнесла Груня... — Жаль вѣдъ

тоже; ни за грошъ пропадетъ человѣкъ... Здѣсь, вѣдь, въ нашей сторонѣ, это бываетъ...

При словѣ «запивать» Надя сдѣлала брезгливую гримасу; гостя это замѣтила и будто обидѣлась...

— Что, говорить нечего, хорошаго мало, только и его вина вся въ томъ, что полюбилъ не по разуму... Вѣдь человѣкъ то онъ золото былъ до сихъ поръ, вѣдь такого парня днемъ съ огнемъ не сыскать. Честный, рабочій, дѣльный, кроткій, словно ребенокъ. Вѣдь такого...—Груня воодушевилась и глаза у нея заблестали.—Вѣдь такого,—повторила она,—нельзя не любить! его всякая дѣвушка полюбитъ, безъ души, безъ разума. Вѣдь въ его глаза только посмотрѣть, такъ сердце радостью встрепенется... Вѣдь съ такимъ подъ вѣнецъ стать,—такъ всю жизнь Богу Его милость не замолишь...

— А вѣдь вы его, Груня, крѣпко любите?—спросила Надя и остановила этимъ вопросомъ потокъ краснорѣчія гостя.

— Люблю,—отвѣтила та... и глазомъ не моргнула,—прямо, смѣло, и взглянула ей въ очи...

— И я люблю,—прошптала Надя...

— Знаю,—сказала Груня...—Только человѣкъ онъ недобрый... Большое горе вы этою любовью себѣ готовите... Наденька, Надежда Федоровна, одумайтесь вы, Христомъ Богомъ заклиная васъ, отомлитесь вы отъ любви вашей: «сгинь», молъ, «отыди сатана отъ меня, оставь мое дѣвичье сердце»... Бросьте вы его, забудьте, а возьмите лучше Павла Ивановича, возьмите Павлушу моего... Онъ будетъ съ вами всю жизнь счастливъ и ваше счастье, несразу можетъ, а устроить... Вѣрьте вы мнѣ, моя добрая, хорошая, вѣрьте... Не я говорю вамъ, сердце мое говоритъ за меня, а сердце не обманывается... А ваша любовь—навожденіе дьявольское!.. это вѣрно! И откуда любви то этой взяться?.. Я вотъ Павлушу третій годъ знаю, и набѣгались мы, и наигрались до сыта, словно братъ съ сестрою... я то его наскрость всего узнала, я могла полюбить, а вотъ вы... Да вы и разу путемъ не видались, вы и словомъ не перекинулись—я вѣдь все знаю: только что глазъ видѣлъ, да и все тутъ; а глаза что, въ глаза сатана какого хочетъ туману напустить можетъ... Надичка, полюбите вы моего Павлушу!

Зарыдала Груня, чуть не на весь садъ и въ ноги повалилась Надѣ,—руки ея ловить да пѣлуеть...

Насилу подняла ея Надя, кое какъ успокоила.

— Пойдемте отсюда,—попросила Груня,—хоть къ вамъ, въ спальню; я вотъ тутъ словно опалѣла, а мѣсто такое, что того и гляди, кто чужой подделушаетъ.

Перешли обѣ дѣвушки въ спальню.

— Вы вотъ, Груничка, меня полюбить Павлушу просите—начала Надя,—вѣдь я у васъ же отниму его...

— А что мнѣ въ немъ теперь... по крайности счастливъ будетъ съ вами.

Задумалась глубоко Надя... Въ первый разъ въ жизни она слышала то, чего и подозрѣвать не могла въ институтѣ. Тамъ вѣдь любовь служила частенько предметомъ всесторонняго разбора, только тамъ все иначе складывалось, тамъ вотъ, если двѣ женщины сталеживаются на одномъ предметѣ страсти, такъ совсѣмъ иначе поступаютъ... сейчасъ пойдетъ вражда, полная непримиримой ненависти—борьба на жизнь и смерть... такъ страшно и такъ занимательно выходитъ, а тутъ Груня сама отдастъ, да еще упрасиваетъ, руки цѣлуетъ...

— Вѣдь вы думаете, можетъ,—прервала ея размышленія Груня...—Вы, можетъ, думали когда, что я изъ расчета какого Павлушу полюбила—въ мужья себѣ, корысти ради, намѣтила... Какже, молъ, полковницѣй сынъ, дворянинъ, офицеръ съ орденами, а я простая, неграмотная дѣвушка изъ духовнаго званія, дьячкова дочка... Вотъ, молъ, и глаза мои разгорѣлись. Нѣтъ, коли бы такъ было, такъ не отдала бы добромъ, сама для себя сдумѣла бы уберечь, со всѣхъ концовъ обошла бы и окрутила: не любишь теперь—послѣ полюбишь,—нѣтъ, не такъ... А по мнѣ онъ, не только дворянинъ, да офицеръ заслуженный, будь онъ хоть разбойникъ послѣдній, ссыльно-каторжный, не разлюбила бы—въ рудники за нимъ пошла бы и тамъ бы душу его спасала... Потому и прошу васъ не за себя, не для себя, можетъ сердцу своему на погибель—возьмите его, полюбите,—ну, ей же Богу, онъ вамъ послѣ это заслужить...

— Груня,—остановила ее Надя,—скажите сами: пошли бы вы замужъ за человѣка нелюбимаго?

— Пошла бы, еслибы сердце свободно было, другимъ кѣмъ не занято. Мало-ли нашей сестры не по сердцу выходятъ; живутъ ничего, ладно.

— И я вотъ, можетъ быть, пошла бы и навѣрное пошла-

бы... готова была даже, да теперь не могу... силъ моихъ вѣтъ...

— Знаю я все... знаю,—проговорила гостья.—Только вотъ что скажу я вамъ,—Груня понизила голосъ.

— Хорошо вотъ, что днемъ солнышко, ишь ты, какъ дѣлать, на ночь бы не сказала... Любить ли тотъ васъ, Бруницынъ-то?

— Не знаю...

— А я знаю, что любить только любовь его нечистая, какъ сказала я вамъ: дьявольское напущение—это вѣрно. Развѣ кто любить, такъ поступаетъ? Онъ бы прямо долженъ идти къ вамъ, что ему заборы да запреты разные! Сказать долженъ прямо: такъ молъ и такъ—пойдемъ къ вѣнцу, въ церковь Божию! да послѣ этого съ вами прямехонько въ эту церковь самую, прямехонько, безъ обходовъ лукавыхъ, подъ Божье благословеніе... Такъ ли онъ дѣлаетъ?.. Другой бы подумалъ, что такъ только надсмѣяться онъ хочетъ, благо сама дѣвушка къ нему танется, такъ вотъ и думаютъ другіе, я такъ не думаю... Онъ можетъ пуще васъ самъ терзается, а подойти не смѣетъ, словно его отъ васъ ангелъ-хранитель невидимый отговяетъ, Знаете ли вы, что Павла Петровича узнать нельзя... Знаете ли вы, что онъ какъ свѣча горитъ, самъ просто тѣни своей боится... Знаете ли, какими дѣлами онъ у этого нехристя, Миробайки, занимается?.. То-то, не знаете! а я знаю, да и другимъ не тайна. Онъ тамъ маковымъ дурманомъ закуривается а уже это прямая гибель... Вамъ вотъ можетъ Господь въ испытаніе любовь эту послалъ, ему—въ наказаніе... Человѣкъ онъ не добрый, холодный—за то можетъ быть. Вотъ и отвернулся отъ него Всемилостивый, попустилъ сатанѣ въ его душу вѣдриться, и мучитъ его теперь нечистая сила, изводомъ изводитъ... Вотъ что такое съ Павломъ Петровичемъ дѣлается. А такого человѣка вы, не знаячи, не вѣдаючи, полюбили... Бросьте! отомолитесь отъ помысловъ вашихъ, отомолитесь отъ любви такой... и Господь васъ помилуетъ, очиститъ и успокоитъ сердце ваше... Наденька, Наденька... что же это такое съ вами дѣлается.. Напугала я, обидѣла васъ своими словами глупыми! Наденька!..

Крѣпко стиснуты были зубы Нади, глаза закатились, сзади вытнула ей ноги, руки. Она не рыдала, она, молча,

вздрагивала всею грудью и въ горлѣ ея слышался подозрительный, хриплый влечоть.

— Падучая!—промельнуло въ головѣ Груни. Она порывисто рвануло легкое покрывало, накинула его на больную, и, съ громкимъ крикомъ, выбѣжала звать на помощь.

IV.

Въ эту ночь денщикъ Криницына былъ очень озадаченъ несвоевременнымъ приказомъ осѣдлатъ Абрека.

Давно уже миновала полночь. Луна свѣтила холоднымъ, ослѣпительнымъ блескомъ. Глухой фортъ спалъ и ни одного огонька не мигало въ его окнахъ. Была мертвая тишина, изрѣдка только прерываемая воемъ собакъ и другимъ, слабымъ, едва слышнымъ, отвѣтнымъ завываніемъ, доносившимся сюда съ того берега. Лента рѣки разстилалась покойнымъ зеркаломъ отражая безчисленныя звѣзды. Воздухъ былъ ясенъ и всё предметы видны были отчетливо на далекомъ разстояніи.

Голова Криницына горѣла, какъ въ огнѣ; ему казалось, что вмѣсто мозга подъ его черепомъ наложены раскаленные уголья. Садясь на коня, онъ замѣтилъ, что силы ему измѣняются. Абрекъ видѣлъ кто на него садится, но еслибы ему завизали глаза, онъ не узналъ бы своего обычного всадника.

Шагомъ проѣхалъ Павелъ Петровичъ по форту и, конечно, какъ разъ мимо дома Горкина, шагомъ выѣхалъ за околицу, предоставивъ коню полную свободу выбора дороги.

Абрекъ и выбралъ обычную, на бродъ, за рѣку.

Почальная картина разстилалась кругомъ. Кое-гдѣ уныло торчали случайные остатки пожелтѣвшаго камыша, повсюду же виднѣлась равнина, покрытая золою и выжатою морозомъ изъ почвы солью. Утренняя звѣзда уже заискрилась алмазомъ на горизонтѣ, но до разсвѣта было еще далеко.

Криницынъ, опершись обѣими руками о переднюю луку, казалось, дремалъ на сѣдлѣ, Абрекъ, съ ослабленнымъ поводомъ, шелъ, вытягивая шею, обнюхивая по временамъ дорогу, зорко вглядываясь въ каждый предметъ, казавшійся ему чѣмъ нибудь подозрительнымъ.

«И ты страдаешь!—думалъ Павелъ Петровичъ въ эту минуту о Надѣ. — Бѣдный ребенокъ! Но еслибы ты знала, что

въ моей душѣ, еслибы ты могла заглянуть въ мое сердце! Нѣто силъ терпѣть болѣе! Я возьму тебя, я вырву тебя отсюда, увезу далеко, далеко. Я всю жизнь отдамъ тебѣ, и ты никогда ничего не узнаешь...»

И вотъ, въ воспаленномъ воображеніи Криницына сталъ постепенно развертываться весь планъ дѣйствія. Онъ долженъ видѣть Надю во что бы то ни стало. Онъ долженъ силою разрушить всѣ препятствія, еслибы такія оказались. Онъ скажетъ ей: «Я твой, иди за мною!» И она пойдетъ. Онъ скроетъ отъ нея все... зачѣмъ ей знать? На ея дѣтской, чистой груди — отдохнетъ, успокоится его изболѣвшееся сердце. За крѣпкія цитомъ ея чистоты укроется онъ отъ этихъ мучительныхъ грезъ, отъ этихъ неумолимыхъ видѣній. Она будетъ принадлежать ему одному, ему, — и никому больше! Она хороша собою, — ее не стыдно будетъ показать тамъ, въ Петербургѣ, она не испортитъ его карьеры. Криницынъ въ эту минуту нисколько не думалъ о вѣнцѣ и налоѣ — это просто не приходило ему въ голову. Онъ только думалъ теперь о томъ, какъ бы вырваться скорѣе отсюда, но вырваться не одному, а вмѣстѣ съ нею, помимо его воли, овладѣвшею всѣми его помыслами.

— Да, это будетъ такъ! — рѣшилъ онъ и сталъ вслушиваться.

Ему показалось, что впереди его ѣдетъ еще кто-то. Звукъ копытъ слышенъ ясно; этотъ звукъ приближается, но очень медленно. Должно быть всадникъ ѣдетъ въ ту же сторону, но тихо, и Абрекъ его скоро нагонитъ.

Криницынъ подобралъ поводъ и прикрылъ рукою глаза. Звукъ копытъ слышался все яснѣе и яснѣе.

Странно, что Абрекъ идетъ совершенно покойно и не ржетъ! Онъ, обыкновенно, далеко чувствуетъ чужаго коня и рѣзко выражаетъ при этомъ признаки своего нетерпѣнія, а теперь онъ идетъ ровно, даже ушами не поводитъ. Странно!

Еще минута и Криницынъ нагонитъ того, кто ѣдетъ впереди. Вотъ уже близко.

Впереди выступило неяснымъ контуромъ бѣловатое пятно. Это крупъ лошади, вонъ и короткій хвостъ колыхнется. Да, точно, всадникъ туда ѣдетъ. Криницынъ хорошо теперь видитъ его широкую спину и узкій черный ремешокъ, съ лѣваго плеча на правое бедро. Ноги, въ тяжелыхъ сапогахъ, глубоко засу-

нуты въ стремена, голова наклонена. Онъ дремлетъ, должно быть...

Павель Петровичъ опустилъ руку въ карманъ... и задрожалъ всёю тѣломъ. Тамъ его рука коснулась чего-то такого, чего теперь быть не могло. Это былъ кастетъ, очень вѣскій, отполированный; онъ состоялъ изъ четырехъ массивныхъ стальныхъ колецъ, спаянныхъ вмѣстѣ; противъ кольца, отвѣчающаго среднему пальцу, находился выступающій тупымъ шипомъ, массивный приливокъ. Ударъ такимъ кастетомъ, направленный въ голову сильною рукою, безусловно смертеленъ. Это оружіе усовершенствовано Наполеоновскими мушарами. Базиль-Пршендзівскій, одинъ изъ безчисленныхъ пріятелей Криницына, вывезъ его изъ Парижа, вмѣстѣ съ лѣвою перчаткою какой-то опереточной знаменитости; перчатку онъ оставилъ у себя, а кастетъ подарилъ Павлу Петровичу. И этотъ кастетъ онъ, Павель Петровичъ, бросилъ, давно, *тогда* еще. Онъ бросалъ его въ рѣку, тамъ глубоко, очень глубоко; вѣдь это было мѣсто, подъ самымъ обрывомъ. Тяжелый кусокъ металла, глухо булькнулъ въ воду—и на сердцѣ Криницына отлегло, словно тяжесть кастета ощущалась у него не въ рукѣ, а въ сердцѣ.

Какимъ же образомъ этотъ кастетъ теперь снова въ его карманѣ?

Откуда опять, передъ его глазами, этотъ конскій крупъ, эта широкая спина, этотъ сѣдой, наклоненный затылокъ.

Взмахнувъ вооруженной рукою, Криницынъ далъ варварскій, безчеловѣчный ударъ шпоръ въ бока Абрека и ринулся впередъ.

Видѣніе исчезло.

Только бѣдное, кровное животное, взвившееся на дыбы, застонало болѣзненно и осѣло на заднія ноги, повинуваясь судорожно затянутому поводу.

А рядомъ кто-то стоитъ въ кустахъ, согнувшись въ три погибели, опершись на палку, и тихо смѣется. Косматая шапка даетъ на его лицѣ широкую тѣнь, а въ тѣни блѣдуютъ только глаза, на вѣки лишенные силы и значенія.

— Вотъ я и видѣлъ,—шепчетъ старикъ.— Я тебѣ говорилъ уже, что видѣлъ все и знаю. Вотъ ты, теперь, и самъ убѣдился въ этомъ.

Опять смѣется страшный слѣпой нищій. Не смѣхъ это,—

это змѣя, потревоженная неожиданнымъ шумомъ, разворачиваетъ свои блестящія кольца, подняла голову и быстро шевелитъ своимъ раздвоеннымъ язычкомъ.

Опять бѣшеный ударъ шпюръ; опять отчаянный скачокъ коня, и чудится Криницину, что его Абрекъ мнетъ и топчетъ своими ногами стонувшее, конвульсивно барахтающееся въ пыли тѣло. Безмысленный страхъ овладѣлъ всѣмъ его существомъ и заразительно передался коню. Закусивъ удила, зажавъ злобно назадъ тонкія уши, поджавъ хвостъ, Абрекъ круто повернулъ назадъ и понесся по знакомой дорогѣ.

А сзади, слѣдомъ, опираясь на палку, скачетъ раздавленный старикъ. Вотъ-вотъ нагонитъ, — нагналъ и вцѣпился въ крупъ коня, словно кошка впился въ него когтями. Поддалъ задомъ конь и сбиль своего преслѣдователя, нуще прежняго понесся, съ размаха ринулся въ воду и вынесъ своего всадника на ту сторону.

У.

Солнце взошло. На дворѣ квартиры Павла Петровича собралась уже порядочная толпа народу.

— Ну, унесъ же его Господь! — разводилъ руками отставной служивый, нынѣ рыбакъ, Голунчиковъ, — и понесла же его нелегкая, по ночамъ променажи дѣлать! Дня, вишь ты, для господъ мало!

— У насъ, такъ вотъ, коло Перовскаго, тигра почтальона накрыла, только на третій день кости отыскались оглоданныя, рассказывалъ мѣщанинъ, въ пуховомъ нартузѣ, кутаясь въ старую солдатскую шинель, безъ погонь и пуговиць.

— Лошадь добра! — замѣтилъ казакъ-уралець. — Будь конь поплосше — не уйти, «поштрѣли его въ бороду!»

— А глядѣлъ какъ она его ободрала... задъ-то почитай весь влючьяхъ, — эво какая лужа стоитъ!

— Хошь бы пескомъ присыпали. Доктора звали, что ли?

— Тамъ, уже часъ сидитъ, а на конюшню коноваль пошелъ, антимону требуетъ.

— Самъ что? Ему какъ попало?

— Самъ, сказываютъ, ничего, только напужавшись очень.

— Испужаешься, тоже!

Пришелъ Шелобовъ и прямо направился въ конюшню. Его почное происшествіе заинтересовало съ этой, исключительной, стороны.

Подъ навѣсомъ, въ просторномъ денникѣ, стоялъ искалѣченный Абрекъ. Большое животное печально опустило голову и уныло, вротко смотрѣло на людей поблекшими, тусклыми глазами; окровавленный крупъ коня былъ уже обмытъ и прикрытъ мокрыми компрессами, вывихнутая нога болѣзненно приподнята и чуть касалась подстилки концомъ копыта. Лошадь слегка вздрагивала и доврчиво отдалась на попеченіе бородатаго урядника-коновала, безцеремонно лозящаго у нея подъ ногами.

Криницынскій денщикъ стоялъ съ ведромъ воды около.

— Открой-ка!—приказалъ коновалу Василий Ивановичъ.

— Гм!—сталъ онъ осматривать...—Вишь ты! коготь слабый, дуракъ, молодой, пошалпалъ; отъ стараго не увернулся бы... Какого же это выводка?..

Подумалъ-подумалъ извѣтный тигровой охотникъ, хотѣлъ было зайти и къ Криницыну, вѣдь тотъ, говорили, до сихъ поръ еще лежитъ безъ памяти,—да махнулъ рукою и вышелъ со двора, многозначительно переглянувшись съ Иваномъ Акимовичемъ, попавшимся ему въ воротахъ навстрѣчу.

Старикъ Глухаревъ тоже узналъ объ этомъ дѣлѣ и тоже зашелъ навѣдаться, энергично растолкавъ собравшуюся въ воротахъ толпу.

— Зайди потомъ ко мнѣ, поговорить надо!—шепнулъ ему Шелобовъ.

— Зайду,—сказалъ Иванъ Акимовичъ.—Ты куда, востроносая?—крикнулъ онъ на Анисью, замѣтивъ въ толпѣ ея лукавую фізіономію.—Пошла домой!.. Барышня еще не вставала?

— Почиваютъ!.. Я вотъ, Иванъ Акимычъ, только на минуточку... я сейчасъ!..

Въ комнатѣ у Павла Петровича сидѣлъ докторъ и полковникъ Огурчиковъ.

— Странно, мужчина не трусъ, а такія послѣдствія страха!—недоумѣвалъ докторъ.

— А что?—полюбопытствовалъ комендантъ.

— На столбнякъ будто похоже...

Павелъ Петровичъ, словно трупъ, вытянувшись навзничь, лежалъ на своей кровати. Глаза его были полуоткрыты и зрачки

неподвижны. Намоченные холодною водою полотенце тяжелымъ комомъ давило ему лобъ.

Докторъ отошелъ къ окну и тщательно готовилъ маленькій шприцъ для подкожнаго впрыскиванія. Онъ полагалъ, что необходимо ввести въ кровь больного что нибудь сильно возбуждающее.

— Семенъ Семеновичъ! — окликнулъ коменданта Глухаревъ, — выйди-ка сюда, поговорить надо.

— Что еще такое? — отозвался тотъ и подошелъ.

— Видишь-ли, — Глухаревъ сильно понизилъ голосъ. — Тутъ дѣло нехорошимъ пахнетъ. Ты ничего не думаешь?

— А что?

— Зачѣмъ его понесло въ ночь и на то самое мѣсто?

— Развѣ на то?

— Ну, можетъ быть, поблизости гдѣ. Это все равно. Только, что такое по твоему означаютъ эти ночныя путешествія? Уже не въ первый разъ это за нимъ замѣчено.

— Гм... я и самъ уже что то неладное за нимъ замѣчаю. Давно замѣчаю... Мнѣ, вонъ, Ползунковъ докладывалъ, что у Миробайки онъ того... чертъ знаетъ чѣмъ занимается...

— Потягиваетъ!.. Потянешь въ его положеніи! Я бы тамъ пошарилъ хорошенько... Я вотъ хочу Шелобова тоже позвать, да знаешь, эдакъ, хорошенько кругомъ ощупать...

— Гдѣ? у Миробайки?

— Зачѣмъ у Миробайки? тамъ, по окрестности... Эхъ, сердце меня и тогда на правду настоящую наводило, а теперь вотъ опять... Знаешь, даже увѣренность какая-то явилась... Заходи и ты ко мнѣ, хоть сегодня вечеромъ, встроимъ съ Шелобовымъ потолкуемъ.

— Зайду!

Огурчиковъ подозрительно посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ Креницынъ.

— Не приставить-ли часового? — замѣтилъ онъ нерѣшительно.

— Ну, теперь еще рано! — улыбнулся Иванъ Акимовичъ. — Поспѣемъ!

Докторъ привелъ уже въ исполненіе свое намѣреніе вспрыснуть, и прописалъ больному полную тишину и темноту; заставили окна снаружи войлочными ставнями, денщику отданъ

былъ приказъ не отлучаться ни на минуту и слѣдить за компресомъ, чтобы «отнюдь не просохъ», а все бы этакъ примачивать холоденькой.

Всѣ вышли и оставили, наконецъ, Павла Петровича въ покоѣ.

Условившись переговорить вечеркомъ по душѣ, комендантъ и Шелобовъ аккуратно собрались у Ивана Акимовича къ назначенному часу.

Павлушу угнали въ командировку, хотя онъ и поупрямился немного. Уже второй день, какъ его не было въ фортѣ. И теперь пріятели могли свободно говорить съ глазу на глазъ.

Первый началъ Иванъ Акимовичъ.

— Итакъ,—пошелъ онъ прямо къ цѣли, безъ обиняковъ,— онъ зарылъ деньги тамъ, гдѣ-нибудь, по близости. Не станеть же онъ держать улику въ своей квартирѣ. И обыскъ, что мы произвели, понятно, ни къ чему не привелъ.

— Похоже!—согласился Семень Семеновичъ Огурчиковъ.

— Вотъ и ѣздитъ все по ночамъ навѣдываться—цѣло ли? И вчера туда же поѣхалъ, да на непрошеннаго сторожа и наткнулся.

— Похоже!—согласился и Василий Ивановичъ.

— Значить, надобно искать!—хлопнулъ по колѣну кулакомъ Глухаревъ.

— Значить, надобно искать!—снова хладнокровно согласился и Шелобовъ.

— Полагаю взять команду, роты полторы, двѣ, — засуетился Огурчиковъ,—и секретно обложить всю мѣстность... Стягиваться мало-по-малу кольцомъ и тщательно изслѣдовать почву. Взять съ собою лопать побольше, ломовъ—и чуть только гдѣ что подозрительнаго,—сейчасъ...

— Огласки дѣлать нельзя,—замѣтилъ Василий Ивановичъ.

— Зачѣмъ огласка? Самая строгая тайна!—поднялъ вверху палецъ комендантъ.

— А если ничего не найдемъ?

— Все равно, держать послѣ въ строгомъ секретѣ.

— Это секретъ съ полутора ротами солдатъ... Очень удобно!—улыбнулся Василий Ивановичъ.

— Неудобно!—затянулся дымомъ и старикъ Глухаревъ.

— Ужъ если искать гдѣ надо, такъ это у Миробайки,—

заговорилъ Шелобовъ.—Подозрительны показались мнѣ эти бумажки, да портсигаръ. Ухъ, какъ подозрительны! Тамъ и искать надо. Да и то не зачѣмъ.

— Это какъ же?—возразили ему въ одинъ голосъ собеседники.

— А очень просто. Допустимъ, что Криницынъ убилъ и ограбилъ Горина. Является вопросъ—для чего онъ это сдѣлалъ? Естественно, не для того, чтобы держать деньги въ землѣ, или у кого-нибудь на вѣчномъ храненіи. Значитъ, уѣзжая отсюда,—рано или поздно, онъ долженъ же уѣхать,—онъ заберетъ эти деньги съ собою. Онъ самъ и укажетъ намъ мѣсто ихъ храненія.

— Слѣдить за нимъ!—догадался комендантъ.

— Естественно. Тогда мы до чего-нибудь и доберемся. Осмотрѣть его и его экипажъ, уже на дорогѣ, мы всегда найдемъ, если не приличный поводъ къ этому, то просто возможность... А до тѣхъ поръ, ни гу-гу... Понимаете?

— Понятно!

— Мнѣ вотъ говорили, когда я сюда маршировалъ, что онъ уже пришелъ въ сознаніе, разговаривать началъ. Докторы находятъ, что нервное возбужденіе дошло чертъ знаетъ до чего, но за горячку не боится... Здоровая натура! Только, чего это могъ онъ такъ встряхнуться... Человѣкъ-то—онъ далеко не изъ робкихъ... Не понимаю!.. Что же ты, хозяинъ, созвалъ гостей, а угощенія не ставишь? Распорядись-ка ужиномъ!

— Сейчас!—встрепенулся Иванъ Акимовичъ и, отстегнувъ крючокъ у двери, крикнулъ:

— Фадѣевъ! Собирай на три прибора.

VI.

Надя узнала, благодаря расторопности Аделаиды Францовны и востроносой Анисьи, все, что произошло.

Разсказъ дѣвицы-акушерки, разукрашенный до невозможности самыми пряными романтическими красками, произвелъ на дѣвушку глубоко-потрясающее впечатлѣніе.

«Изнанный, истекающій кровью, близкій къ смерти, и одинъ, всѣми брошенный, всѣми ненавидимый,—представлялось ей.—И вокругъ ни одного сочувственнаго слова, ни одного лас-

коваго взгляда. И она, слабодушная, здѣсь, а не съ нимъ... Его Надя, его сердце, не придетъ къ нему, не обниметъ его, не притиснется съ нимъ, отходящимъ въ могилу. Нѣтъ, этого не будетъ»...

Она, съ энергическою рѣшимостью, выпрямилась гордо, словно выросла разомъ цѣлою головою, накинула платокъ и вышла изъ спальни.

Это было ночью уже. Старикъ Силантій спалъ въ своей каморкѣ и не слышалъ ни паденія легкаго стула, опрокинутаго Надею во время переходовъ черезъ темную залу, ни стука замка, ни слабого скрипа отворяющей двери.

— Божественно! Прелестно! — раздался около нея шепотъ Аделаиды Фроновны. — Вы героиня! Вы сдержали свое слово!.. Прелестно!

Надя шла скоро, плотно прижимая концы платка къ своей, почти задыхающейся отъ волненія, груди, и не слушала похвалъ дѣвицы-акушерки. Та шла за нею слѣдомъ, но, не доходя до дверей Криницынской квартиры, остановилась и спряталась въ тѣни.

Это произошло какъ разъ въ ту минуту, когда Иванъ Акимовичъ, наливъ до краевъ три рюмки, обратился къ своимъ гостямъ со словами:

— Прошу. По первой!

Павель Петровичъ пришелъ въ сознаніе.

Онъ все еще лежалъ, ощущая сильную слабость, но въ его глазахъ свѣтился огонекъ жизни. Онъ съ большимъ усиліемъ, хватаясь по временамъ за голову руками, старался, по возможности, припомнить и уяснить себѣ все, что съ нимъ произошло. Мысль, что онъ самъ, въ бреду, могъ себя выдать, вызвала холодный потъ на его воспаленномъ лбу.

Нечеловѣческое усиліе нужно было сдѣлать для того, чтобы, по возможности, хотя привести въ порядокъ тотъ безмысленный хаосъ, царившій у него въ головѣ. Онъ уже проэкзаменовалъ денщика и, видимо, былъ успокоенъ результатами этого экзамена. Больше всего смущало его посѣщеніе коменданта и Шелобова; къ визиту Ивана Акимовича онъ отнесся почему то равнодушнѣе.

«Надо бросить, думалъ онъ, эту предательскую страсть. Надо бѣжать... Пора...»

И тотчасъ же мысль о бѣгствѣ неразрывно связалась съ мыслью о Надѣ.

«Съ нею, но не одному...» Образъ дѣвушки отчетливо рисовался передъ нимъ. Онъ мысленно тянулся къ ней руками, мысленно сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Надя! Ты мое искушеніе!..—машинально шептали губы Криницына.

— Надя!—еще разъ, громче повторилось это имя.

Живая, уже не призрачная, Елдя стояла на порогѣ его дверей и слышала этотъ молящій призывъ.

Павель Петровичъ вздрогнулъ, рванулся съ постели и закрылъ лицо руками.

Онъ видѣлъ дѣвушку, но за нею, въ высокомъ темномъ четверугольникѣ дверей стоялъ еще кто-то. Этотъ кто-то былъ самъ покойный Федоръ Горкинъ... Теперь уже не затылокъ съ пробойной смущалъ Криницына своимъ молчаливымъ укоромъ: теперь прямо на него, въ упоръ смотрѣли, изъ подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей, два глаза.

Павель Петровичъ попытлся къ стѣнѣ, онъ готовъ былъ опрокинуть, повалить эту преграду, своимъ напоромъ, но стѣна не подавалась.

Глаза призрака неподвижно были устремлены на него.

Криницынъ упалъ на колѣна.

VII.

Глухаревъ, комендантъ и Шелобовъ, безмятежно, и даже весело, кончали свой ужинъ, какъ вдругъ въ дверь, не растворившуюся, а точно съ петлей сорвавшуюся, какъ бомба, влетѣлъ докторъ.

— Сознался!—крикнулъ онъ, задыхаясь и падая на стулъ.

— Что?

— Какъ?

— Кто? Въ чемъ дѣло?

Послышались торопливые вопросы.

— Криницынъ сознался... Онъ убилъ... Сознался... О, Господи... что это у васъ?

И, не дожидаясь отвѣта, докторъ налилъ себѣ полный стаканъ изъ первой, попавшейся подъ руку, бутылки и выпилъ залпомъ.

— Да говори толкомъ!—обратился къ нему Шелобовъ.

— По порядку, по порядку... Съ самаго начала... По порядку!—засуетился полковникъ Огурчиковъ, отыскивая глазами: куда это, молъ, онъ свою саблю запряталъ?

— Сейчасъ! Дайте духъ перевести!.. Я предполагалъ навѣдаться къ нему, думаю, погляжу, что, какъ у него въ ночи? Иду, вхожу и слышу... Знаете, онъ, этакъ, на полу на колѣняхъ... Она...

— Кто она?—заревѣлъ Иванъ Акимовичъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— Надежда Федоровна... Наденька...

— Куда же ты, Ваня, стой!—хотѣлъ было остановить Ивана Акимовича Шелобовъ.

Но того уже и слѣдъ простылъ. Несмотря на свои лѣта, старикъ бѣгомъ пустился по улицѣ, бормоча что-то несвязное.

— Ну, дальше, дальше?..

— Я остановился въ сѣняхъ,—продолжалъ докторъ.—Я все видѣлъ и слышалъ. Криницынъ говоритъ: «Это я убилъ твоего отца.» Потомъ я ничего не могъ разобрать. Слышу только: «Ты моя, ты будешь моя... Я твой... Я, говорить, замѣню... Я всю жизнь...»

— А Надя?—спокойно спросилъ Шелобовъ.

— Надя?..—докторъ сталъ какъ будто припоминать.—Ахъ, да... Она была, но потомъ ее увели, то-есть унесли, эта Розенблумша и баба одна, подхватили подъ руки, а я сюда..

— Да когда вы вошли, въ сѣни-то, вы видѣли Надю?.. Она тамъ была?

— Ну да, ну да... Она стояла посреди комнаты. Я, думаю, кто бы это могъ быть? Спиною она ко мнѣ стояла, а потомъ упала, то есть не совсѣмъ упала, а этакъ качнулась. Ее и подхватили... Да, да... Я самъ же и подхватилъ, а тутъ ее у меня изъ рукъ взяли. Павелъ Петровичъ уже ко мнѣ обратились, они можетъ меня за кого другого приняли... и еще разъ: «Я убійца...» Начали еще говорить что-то, а вдругъ какъ возрятся въ меня, да за горло. Рванулся, что было мочи, не успѣлъ и «карауль!» крикнуть... едва отбился, да сюда къ вамъ... Вотъ посмотрите: воротникъ пальто чуть совсѣмъ не оторванъ, а фуражка моя тамъ осталась...

— Арестовать немедленно!—должно быть самъ себѣ приказалъ комендантъ, отыскалъ, наконецъ, свою саблю, пристегнулъ и вышелъ... Шелобовъ за нимъ, докторъ подождалъ минуту, выпилъ еще полстакана и отправился тоже...

Въ окнахъ уже уснувшихъ домиговъ форштата стали, тамъ и сямъ, загораться огоньки...

Не успѣлъ Глухаревъ пробѣжать половину разстоянія до квартиры Криницына, какъ на встрѣчу ему попалась, медленно движущаяся группа—это несли Надю... Аделаидѣ Францовнѣ и Анисѣ должно быть не по силамъ пришлась подобная ноша: онѣ поминутно останавливались и переводили духъ...

— За такіа дѣла, сударыня, знаете-ли что?..—прохрипѣлъ Иванъ Авимовичъ по адресу акушерки.—Прочь!—оттолкнувъ онъ ногою сунувшуюся было къ нему Анисью...

Аделаида Францовна хотѣла было обидѣться, да уже очень струсила, бросила Надю и скрылась, Анисья заревѣла благимъ матомъ:

— Не виновата, батюшка!..

Глухаревъ поднялъ свою приемную дочь, какъ ребенка, на руки, и повернулъ къ дому.

Между тѣмъ, полковникъ съ Шелобовымъ уже входили во дворикъ Криницынской квартиры... Докторъ догналъ ихъ и шелъ сзади... Изъ сосѣднихъ дворовъ тоже появились заспаные зрители...

Комендантъ энергично крикнулъ, пощупалъ на всякій случай, съ нимъ ли револьверъ и переступилъ порогъ первый.

На столѣ, догорая, чадилъ свѣча; кровать Павла Петровича въ беспорядкѣ, сдвинута была подъ угломъ на средину, прямо лежало опрокинутое кресло и столикъ, около котораго осколки умывальной чашки и мокрые компрессы... Самого хозяина на лицо не оказалось.

— Гдѣ же господинъ штабсъ-капитанъ Криницынъ? — официальнымъ тономъ спросилъ комендантъ.

— Не могу знать-сь, ваше высокоблагородіе! — отвѣчалъ деньщикъ.

Онъ тоже смотрѣлъ растерянно.

— Баринъ гдѣ?—повторилъ вопросъ Василій Ивановичъ.

— Ушедши-сь...

— Куда?

— Не могу знать!... Вышли недавно-съ... такъ безъ сюртука, безъ сапогъ... Ничего не сказали-съ... Я думалъ куда, недалеко... Я сейчасъ погляжу-съ...

— Ищи!—приказалъ полковникъ Огурчиковъ...—Такъ какъ вы полагаете, господа?..

Докторъ остановился на порогѣ и осматривалъ слабо освѣщенную комнату съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ. Шелобовъ, въ раздумьѣ, стоялъ, прислонившись къ печкѣ...

— Никакъ нѣтъ-съ!—появился въ дверяхъ дежурникъ.

— Что, никакъ нѣтъ-съ... что?..—заревѣлъ ему навстрѣчу комендантъ.

— Не нашель-съ... ихъ и тамъ нѣту. На конюшню заглянулъ, тоже нѣтъ. Такъ, разумшись... Въ одномъ бѣльѣ-съ... Что же это такое?... Прости Господи!

Комендантъ многозначительно посмотрѣлъ на Шелобова, тотъ пошевелилъ плечами и сталъ закуривать папиросу...

— Далеко не могъ уйти... Здѣсь гдѣ-нибудь, по близости... фонарика бы гдѣ найти... Поискать надо...

Принялись за розыски... волонтеровъ по такому дѣлу нашлось довольно, достали и фонарей. Черезъ нѣсколько минутъ въ темнотѣ замелькали двигающіеся огоньки, освѣщая встревоженныя фигуры искателей...

Заглядывали въ канавы, подъ каждый кустъ... слышались голоса, почему-то шепотомъ: «Здѣсь освѣти... Сюда!.. Далеко не уйдетъ!.. Гдѣ уйтить... Можетъ лежить, въ безчувствіи... Можетъ померши уже... А ну-ка, это что?.. гдѣ... гдѣ?.. Ахъ ты чортъ... это кулъ съ ячменемъ... ишь куда засунули!..»

Прапорщикъ Ползунковъ прибѣжалъ тоже и съ нимъ еще нѣсколько офицеровъ. Комендантъ, на всякій случай, распорядился приготовить разъѣзды изъ шести казаковъ и собраться сюда, да и его лошадь осѣдлатъ немедленно...

— Если здѣсь не найдемъ, то надо ѣхать по дорогѣ къ Бешь-арыку... больше некуда! — сообщилъ свою догадку Василій Ивановичъ и тоже послалъ за своимъ «рыжкою».

Ночь выдалась, на этотъ разъ, крайне тревожная...

VII.

Давно уже погашены были фонари, освѣщавшіе гостепріимный пріютъ купца Миробая, давно уже, какъ сурки, сладко спали Мамунъ съ Алибеемъ, прижавшись другъ къ другу, подъ однимъ одѣяломъ, давно уже и самъ хозяинъ наслаждался полнымъ покоемъ въ своемъ комфортабельномъ логовищѣ, какъ неожиданно, сильный ударъ въ закрывавшія главный входъ доски, нарушили общее спокойствіе.

— Кого это чортъ несетъ въ такое позднее время?—первый проснулся Миробай и сталъ боязливо прислушиваться...

Ударъ повторился, значительно сильнѣе прежняго.

— Мамунъ! Алибей! Не слышите чтоли?! спросите, что тамъ нужно? Кто ломится?—окликнулъ татаринъ. Да не отворайте—спросите прежде!

— Кто тамъ?

— Что нужно?

Встрепенулись оба мальчика, тревожно высунувъ головы изъ подъ теплаго стеганого одѣяла.

— Отворяй!—послышался голосъ, словно какъ будто знакомый, но какой-то странный...

Тотъ, кто говорилъ, будто простоналъ свое требованіе.

— Хозяинъ!.. никакъ тюрка Криницынъ!—отозвался Алибей.

— Павла Петровичъ... что такое?! Зажги огонь... Что такое, право?... зажигай скорѣе!... Это ты, Павла Петровичъ?..

— Я... отворяй скорѣе!...—послышалось въ отвѣтъ.

Миробай торопливо, на свои, уже надѣтые два халата, натянулъ третій и появился въ лавкѣ. Мамунъ раздулъ уже уголья и чадилъ огаркомъ сальной свѣчки...

— Ты, Павла Петровичъ?—переспросилъ еще осторожный хозяинъ.

— Я... я... я... да отворяй-же!..

— Сичасъ—сичасъ!.. Аллахъ-Аллахъ! Чтобы это значило?.. Мамунъ, отцѣпи ключекъ!

Послышался звукъ засова, затѣмъ щельотня поочередно вынимаемыхъ изъ пазовъ досокъ; въ нагрѣтую атмосферу лавки хлынулъ потокъ холоднаго ночного воздуха... Миробай остолбенѣлъ, глаза закрылъ даже, и попятился...

Черезъ порогъ не перешель, а переполезъ Криницынъ.

Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, въ грязи... Его глаза горѣли горячечнымъ блескомъ... Кровавый шрамъ тянулся ото лба— черезъ щеку наискось... наткнулся на что нибудь въ темнотѣ дорогою...

— Аллахъ-Аллахъ!—шепталъ, охваченный ужасомъ, Миробай.

Оба мальчика смотрѣли на неожиданнаго гостя своими громадными, черными, какъ у козлятъ, красивыми глазками...

— Тюра, что ты?.. что случилось?..—повторилъ хозяинъ.

— Что случилось?! ничего не случилось, — пробормоталъ Криницынъ...—Давай деньги... пора... время уже... неси сюда все... ну, скорѣе!..

— Сейчас!—отвѣчалъ глухимъ голосомъ Миробай и вышелъ.—Мамунъ, чай варить скорѣе, для Павлы Петровича!..— донесся уже издалека его приказъ.

Криницынъ легъ на коверъ и машинально потянулъ на себя первое, что попало подъ руку...

Ему было холодно... голова горѣла, а все тѣло его охвачено было лихорадочнымъ ознобомъ...

Мамунъ раздулъ уголья и зазвенѣлъ чайниками...

— Ты пѣшкомъ пришелъ, тюра?—любопытствовалъ Алибей.

Павелъ Петровичъ не отвѣчалъ, только ближе пододвинулся къ тагану, ярко уже освѣщавшему всю внутренность чай-хане... Недалеко отъ огня виднѣлось мѣдное блюдо съ обрѣзками дыни, тутъ же лежалъ кривой ножъ, предназначенный именно для этой цѣли... чашка съ остывшимъ пловомъ, обглоданная тщательно нога барашка... По стѣнѣ тревожно бѣгали юрвія сороканожки, захваченныя свѣтомъ врасплохъ, прячущіяся въ щеляхъ штукатурки...

— Скажи же ты мнѣ, тюра, что такое случилось?—произнесъ Миробай, входя снова и покойно усаживаясь подлѣ Криницына.

Всезнающій, многомудрый хозяинъ чай-хане, видимо, уже овладѣлъ собою, кое что сообразилъ и теперь пристально, пытливо глядѣлъ прямо въ глаза гостю.

— Деньги принеси?

Криницынъ протянулъ руки.

— Денегъ тебѣ нужно?—покойно спросилъ въ свою очередь Миробай.—Я дамъ тебѣ денегъ... Я никогда не откажу

другу въ такой просьбѣ... Вотъ у меня теперь есть три золотыхъ... бумажками рублей на восемь найдется... Довольно съ тебя?

— Тѣ деньги носи... тѣ... слышишь? Бери себѣ свою четвертую долю... носи остальные...

Павель Петровичъ сбросилъ съ себя войлокъ и приподнялся...

— Какія?—спокойно передернувъ плечами спросилъ Миробай...

— А!..—застоналъ Павель Петровичъ...

И прежде чѣмъ хозяинъ успѣлъ приготовиться, успѣлъ понять движеніе своего гостя, Криницынъ схватилъ ножъ и ринулся на татарина.

Ударъ пришелся неловко, лезвіе ножа, направленное слабою рукою нападавшаго, запуталось въ безчисленныхъ складкахъ халатовъ. Миробай вскочилъ, бросился, къ дверямъ и во все горло закричалъ: «вараулъ!..»

Въ эту минуту подъ сводами базара замелькали огни и послышался топотъ копытъ... Цѣлая кавалькада всадниковъ наполнила узкій проѣздъ между лавками, изъ-за поворота появились еще косматыя конскія головы.

Два казака впереди освѣщали дорогу фонарями, за ними отчетливо выдѣлялись фигуры коменданта и Василя Ивановича, сзади краснѣлись малиновые околыши уральцевъ и искрились концы винтовокъ у нихъ за плечами...

— Что такое?—громко окликнулъ Семень Семенычъ.

— Не знаю... ничего не знаю... — скороговоркою, задыхаясь отъ страха, затараторилъ Миробай...—Тюра Криницынъ здѣсь... Онъ пришелъ... я его не звалъ... Я ничего не знаю... Откуда мнѣ знать!.. Я торгую чаемъ, это самъ губернаторъ знаетъ... я честный купецъ... заслуженный... у меня медаль... Мамунъ носи скорѣе мою медаль... Большую медаль—главную самую... она тамъ, на зеленомъ халатѣ... носи скорѣе... Видишь, самъ господинъ полковникъ посмотрѣть хочетъ...

Но ни Мамунъ, ни Алибей не откликнулись на зовъ своего хозяина. Они, какъ крысы, забились, гдѣ то по темнымъ угламъ и затаили духъ.

Миробай, согнувшись въ три погибели, кинулся къ стрелени коменданта и чуть не на рукахъ снялъ его съ сѣдла.

Шелобовъ давно уже слѣзъ, и первый вошелъ въ лавку.

— Здѣсь!—произнесъ онъ обернувшись и пропустивъ въ двери комендента.

Павель Петровичъ лежалъ на лѣвомъ боку, почти ничкомъ.

Василій Ивановичъ подхватилъ лежащаго подъ мышки и приподнялъ. О плиты пола зазвенѣлъ выпавшій откуда-то ножъ... Подъ тѣломъ Криницына разлилась громадная кровавая лужа.

— Самъ зарѣзался...—поторошился тренца съ оправданіемъ Миробай...

— Протоколъ!—торжественнымъ тономъ произнесъ Семень Семеновичъ и снялъ шапку...

Составили протоколъ. Миробая арестовали, усадили на лошадь и отправили подъ конвоемъ въ фортовой казематъ, до выясненія дѣла, мальчиковъ разыскали и арестовали тоже. Къ гаремной саклѣ, гдѣ были, обезумѣвшія отъ ужаса, ничего не понимающія жены хозяина, приставили часового; ко входу въ лавку, со стороны улицы,—тоже. Шелобовъ сообщилъ, что позади двора изъ сада есть еще калитка; калитку эту наши и тоже поставили казака, съ обнаженною шапкою.

Семень Семеновичъ здѣсь же составилъ донесеніе къ высшему начальству и тотчасъ же это донесеніе отправлено было съ нарочнымъ джигитомъ въ городъ. Шелобовъ написалъ нѣсловъ Глухареву, приглашая его, если можно, пріѣхать въ Бешъ-арыкъ съ разсвѣтомъ. Все остальное отложили до утра; дожидаться же этого утра порѣшили здѣсь же, на мѣстѣ загадочнаго происшествія.

Иванъ Акимовичъ бережно донесъ Надю до дому. На порогѣ встрѣтилъ его Силантій. Глухаревъ хотѣлъ было накинуться на старика съ упреками: «ты-же какъ прозѣвалъ, старый чортъ!..» Началъ было онъ, но замѣтилъ убитый видъ стараго инвалида—и замолчалъ.

Раздѣли Надю, уложили въ постель. Анисья хлопотала особенно усердно, ежась подъ вліяніемъ гнѣвнаго взгляда Ивана Акимовича.

Обморокъ Нади держался упорно. Бѣдная дѣвушка не обнаруживала никакихъ признаковъ жизни.

— Уже не конецъ ли это?—задавалъ себѣ вопросъ Глухаревъ и его сердце болѣзненно сжималось... рыданія подступили къ горлу, старый солдатъ крѣпился какъ могъ и не спускалъ руки съ груди Нади... Онъ все ждалъ первыхъ признаковъ пробуждающагося сердцебіенія.

Побѣждалъ Силаній за докторомъ, вернулся ни съ чѣмъ. Докторъ, вишь ты, поскакалъ, говорятъ, въ Бешь-арыкъ, за комендантомъ.

— Анафема!—проворчалъ Иванъ Акимычъ.

Прошелъ часъ, прошелъ другой... Мирный бой часовъ съ кувшинкою уныло раздавался по горькинскимъ комнатамъ.

— За Аделаидою Францовною послать: бы?—робко осмѣлилась вымолвить слова Анисья.

Иванъ Акимовичъ подумалъ, посмотрѣлъ на Надю вздохнулъ и произнесъ:

— Пошли.

Побѣждалъ за акушеркою Силантію,—вернулся съ отказомъ, говорить: «ни за что не пойду... Еще убьютъ меня этотъ медвѣдь необразованный...»

Дѣйствительно, если бы Аделаида Францовна появилась въ эту минуту, послѣ своего отказа, такъ бы и случилось.

Получили записку Шелобова. Тигровой охотникъ писалъ:

«Другъ Ваня!

Этотъ зарѣзался... Чортъ съ нимъ! Сообщи, что Надя? Если можешь, пріѣзжай... Ну, и дѣла же!

Шелобовъ».

Внимательно прочелъ Иванъ Акимовичъ эту записку и, молча, передалъ ее Силантію. Тотъ вооружился большими очками и сталъ разбирать, вода по строчкамъ дрожащимъ пальцемъ.

Разобралъ и набожно перекрестился... Иванъ Акимовичъ счелъ нужнымъ послѣдовать его примѣру...

Надя въ первый разъ вздохнула только съ разсвѣтомъ и съ закрытыя вѣки слегка дрогнули...

Глухаревъ торопливо вышелъ въ другую комнату и заплакался.

IX.

Снова въ Глухомъ фотрѣ появился губернаторскій слѣдователь. На этотъ разъ только другой, не Анатолій Робертовичъ. Снова пошли безконечные допросы и передопросы. У Миробая перерыли все верхъ дномъ. Дворъ сакли и садъ были перекопаны вдоль и поперегъ, мѣстами даже стѣны выломаны. Уликъ въ запрещенной торговлѣ опиумовъ раскурочно нашли вволю, но больше ничего... Хитрый татаринъ упорно держался на ничего невѣдѣніи и непониманіи. Мамунъ и Алибей несли такую чепуху, изъ которой, буквально, ничего нельзя было извлечь для дѣла.

Отецъ Павелъ наотрѣзъ отказался предать тѣло Криницына христіанскому погребенію: «аки атеиста отмѣннаго и самоуійцы обаяннаго».

Комендантъ снесся по этому поводу съ начальствомъ и изъ города, отъ самого владыки, получено было «разрѣшеніе», несогласное съ воззрѣніями фортаго го батюшки.

Ночное похождение Нади дало обильную пищу злымъ языкамъ. Оно было истолковано самымъ дурнымъ образомъ для бѣдной дѣвушки. Только Груня, одна изъ всѣхъ дамъ Глухого форта, пла въ разрѣзъ съ общими толками и даже переселилась советѣмъ къ Надѣ, взявъ и ее, и все ея хозяйство на свое попеченіе.

Наступила поздняя осень, дождливая, несносная, прерываемая изрѣдка морозами и даже чѣмъ то похожимъ на снѣгъ. Это явленіе—въ нашей сторонѣ большая рѣдкость.

Въ горкинскомъ домѣ около постели Нади тѣснымъ кружкомъ группировалась дружеская компанія. Это сдѣлалось какъ то само собою, постепенно.

Сначала старикъ Глухаревъ провелъ нѣсколько ночей подрядъ, дремая въ креслахъ, въ сосѣдней отъ спальной комнатѣ. Мало-ли что можетъ случиться ночью, Надя была очаль плоха, докторъ, вишь ты, сказалъ, что съ такою нервною горячкою шутки плохи, и надо стеречь ходъ болѣзни, что называется, въ оба. Затѣмъ старикъ, позамаившись порядкомъ, изъ кресла перебрался на диванчикъ.

— Чѣмъ валаться по диванамъ, лучше я велю тебѣ койку твою перенести...—замѣтилъ разъ Шелобовъ, и распорядился..

Самъ Василій Ивановичъ заглядывалъ каждый день раза по три, потомъ зачастилъ... потомъ, случайно, переночевалъ тоже въ залѣ, на стульяхъ. Ливень очень большой разыгрался на дворѣ—охота тоже мognуть!.. Спалъ онъ крѣпко, на неудобномъ ложѣ... а все-таки рѣшилъ, что на диванѣ удобнѣе... Пришелъ разъ какъ-то вечеромъ и подушку съ собой принесъ, такъ и не относилъ ее обратно...

Павлуша вернулся изъ командировки недѣлю спустя послѣ катастрофы. Тотъ долго къ Надѣ на глаза не показывался... Надя-бы и не узнала его... Она, почему-то, только Шелобова узнавала, да и то не открывая глазъ, инстинктивно...

Молодой человѣкъ былъ сильно огорченъ всѣмъ случившимся... У него даже хватило такта не высказать своего удовольствія по поводу смерти «заклятаго врага», а удовольствіе это онъ ощущалъ безмѣрное. Его болѣе всего смущали невыгодные толки по поводу посѣщенія Надею Коиницынской квартиры... онъ даже отцу высказался такъ:

— Э-эхъ!.. Вѣдь она, говорятъ, у него не первый разъ такъ-то?..

— Дуракъ!—обрѣзалъ его Иванъ Акимовичъ и цѣлый день не говорилъ съ сыномъ больше ни слова.

Не понялъ Павлуша, какъ надо объяснить себѣ выходку отца, и остался на этотъ разъ, со своимъ мучительнымъ сомнѣніемъ.

Попробовалъ онъ къ Василю Ивановичу обратиться. Тотъ посмотрѣлъ на него пристально.

— Да тебѣ-то какое дѣло?

— Какъ какое?!—озадачился Павлуша.

Вмѣсто отвѣта, Шелобовъ взялъ Павлушу за талію и вывелъ въ залъ. Тамъ они стали ходить изъ угла въ уголъ. Павлуша слушалъ, а Василій Ивановичъ говорилъ.

— Эхъ, Пашка-Пашка, ты, братъ, ей же Богу, въ рубашкѣ родился. Ну, поздравляю отъ души!.. что у тебя за женка будетъ, такъ это я тебѣ скажу...

Но Шелобовъ должно быть не сумѣлъ подобрать подходящаго сравненія, только пальцами прищелкнулъ очень выразительно.

— Экая душа... экая право душа... золото—не дѣвушка, а, тебѣ совѣмъ подѣ пару... Любитъ тебя какъ, души не чаешь... да не то чтобы какъ-нибудь, а съ толкомъ, съ разумомъ... это вѣдь на вѣкъ...

— То есть какже это?—недоумѣвалъ Павлуша...

Но въ эту минуту Груня выглянула въ дверяхъ.

— Павелъ Ивановичъ, идите завтракать... я вамъ яичницу приготовила...

Она ему уже больше «ты» не говорила, и всякій разъ даже поправляла его, когда тотъ, по старой привычкѣ, обращался къ ней попрежнему, запросто.

Выглянула Груня, красивая, кроткая, улыбающаяся, глазенки такъ и играли... платокъ влѣтчатый соскользнулъ съ плечъ... а плеча такія круглыя и шейка видна немного, бѣлая какъ снѣгъ, а на шейкѣ ниточка голубыхъ бусъ, черною бархоткою подвязана...

Толкнулъ къ ней Павлушу Шелобовъ.

— Иди, — говорить, — ѣшь яичницу, да благодари Господа... Что, развѣ неправду я говорилъ тебѣ, найди-ка поди что лучше.

Пошелъ завтракать Павлуша, а все-таки понялъ не сразу въ чемъ дѣло.

Иванъ Анимовичъ былъ, надо полагать, посообразительнѣй. Онъ уже не разъ заговаривалъ съ Шелобовымъ на эту тему.

— Понимаю я, — говорилъ старикъ Глухаревъ. — Это я хорошо, даже очень хорошо понимаю... онъ ей не пара... я не могу это тебѣ ясно выразить почему, но чувствую... Признаюсь, прежде думалъ не такъ, но теперь чувствую... Ты, можетъ быть, думаешь, что я, какъ отецъ, больше о снѣгѣ стараюсь.

— Нѣтъ, не думаю!—вставилъ Василий Ивановичъ.

— Тоже... Я больше потому, что вѣдь надо же дѣвочку было какъ слѣдуетъ пристроить... Чего-же, думалъ лучше! Малый честный, молодой, не совѣмъ дуракъ... съ положеніемъ тоже... чего-же ждать и искать лучшаго... Опять же влюбленъ... взаимное счастье и прочее... Ну, ты вѣдь меня понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, а теперь я и сама ничего понять не могу... Вот, можетъ, дастъ Богъ, пронесетъ бѣду... вотъ тогда, можетъ быть, переѣмнится къ лучшему. Полюбить Пашу Надя, готово дѣло! Нѣтъ, я и слова не скажу...

— Будемъ глядѣть!— улыбнулся Шелобовъ...— Вчера вотъ я не сплю— слышу, и они шу-шу-шу... шепоткомъ такъ, шепоткомъ... Ты, Ваня, поглядывай!

— Кто, кто они?

— Да Паша съ Грунею... Да, забылъ было, Силантій говорилъ мнѣ, что дрова на исходѣ... Ты распорядился?

Наступилъ переломъ болѣзни. Кризисъ миновалъ счастливо, это случилось такимъ образомъ.

Была ночь. Иванъ Акимовичъ давно уже спалъ. Павлуша, котораго особенно часто въ спальню Нади не пускали, ушелъ спать домой, и у постели больной оставались Шелобовъ съ Грунею.

Груня сидѣла въ уголкѣ, около свѣчки, закрытой зеленымъ абажуромъ, и что-то чинила; Шелобовъ на креслѣ, у ногъ больной, и не спускалъ глазъ съ блѣднаго лица Нади... Онъ пристально всматривался въ ея исхудалыя черты, и первый замѣтилъ какъ открылись медленно ея глаза и пытливо посмотрѣли вокругъ. Теперь уже ничего не было лихорадочнаго въ этомъ ясномъ взорѣ.

— А дѣса у насъ, — началъ Шелобовъ ровнымъ, покойнымъ голосомъ.— Дремучіе, зелени что лѣтомъ, цвѣтовъ!.. запахъ какой чудный... то смолою, то ягодою спѣлою... на лужайкахъ, гдѣ изумрудомъ горитъ, а въ глуши, темень стоитъ, прохладная... Тишина такая вокругъ, спокойствіе... и слышно какъ всякая мелкая пичужка свою пѣсенку чиликаетъ... Сидишь, бывало, съ ружьемъ, подъ дубомъ, и не шелохнешься, такъ бы и просидѣть весь вѣкъ, слушалъ бы все, да слушалъ... Ручеекъ, это, бурлитъ; въ травѣ шелеститъ что-то... Козочка дикая, черноглазая, копытцами, этакъ, тукъ-тукъ... Меня не видитъ, а я ее вижу... Вѣтеръ чуть колыхнетъ вершинами; заговоритъ дѣсъ инымъ голосомъ... А соловьи по веснѣ, тамъ, въ трущобѣ, за оврагами... Тамъ все кусты пойдутъ, непролазные; такъ больше въ вустахъ... Щелконетъ ра-

зюкъ, другой, смоленеть, присвиснеть, да какъ закатится трелью... тс...

Василій Ивановичъ сталъ все тише говорить, да тише... смолкъ, прислушался еще—и къ Грунѣ обернулся...

— Заснула опять... слава тебѣ Господи!

— Что это, слушаю я,—прошептала Груня.

Она подошла сзади и стояла за кресломъ рассказчика.

— Что это вы ей Василій Ивановичъ про лѣса свои вздумали рассказывать?

— А то что же ей говорить?.. Про это, что случилось, что ли?

Поняла Груня тутъ въ чемъ дѣло... сама догадалась почему надо было въ первое же мгновеніе сознанія отвлечь его отъ роковыхъ вопросовъ, въ здоровый, покойный сонъ перевести мучительныя, безсознательныя грезы.

— И гдѣ это вы научились такъ-то?—спросила она и улыбнулась.

— Въ кадетскомъ корпусѣ, голубушка, въ кадетскомъ...—удовлетворилъ ея любопытство Василій Ивановичъ.

Вообще Груня очень тонко понимала Шелобова, словно между ними двумя, само собою, безъ всякихъ предварительныхъ совѣщаній, установился полный, согласный во всемъ, планъ дѣйствій и взаимной самопомощи.

— Вотъ бы тебѣ жениться!—догадался таки Иванъ Акимовичъ.

— На комъ?—отвѣтилъ Шелобовъ.

— Еще спрашиваетъ на комъ? Конечно, на Грунѣ.

— А Папа мнѣ другъ, или нѣтъ?

— Другъ!

— Ну, то-то! Стану я у друга такую невѣсту перебивать!..

Шелобовъ разсмѣялся... Иванъ Акимовичъ задумался... А время все шло да шло и неумолимо дѣлало свое нехитрое дѣло.

Х.

Не стану рассказывать какъ шло дѣло. Происходятъ другія вещи и гораздо сложнѣе, и запутаннѣе,—здѣсь не такъ, здѣсь все это просто и ясно. Мало-по-малу, Надя узнала все, что случилось. Узнавала толково, толково и принималось все ея

сердцемъ. Вѣдь ей, кромѣ Шелобова, никто не брался ничего ни пояснить, ни рассказать. Полюбила ли она Василю Иванова, или нѣтъ, — она и сама путемъ не знала. Если и полюбила, то совсѣмъ не такъ, какъ Криницина, не такъ, какъ ее въ институтѣ учили, но чувствовала, что, когда Шелобовъ при ней, ей тепло, уютно и уже вовсе не страшно, ни за настоящее, ни за будущее... Нѣтъ Шелобова, она ждетъ терпѣливо, когда тотъ вернется, и тоже, ни за себя, ни за него ничего не боится! Груню, ту Надя полюбила такъ, какъ и сестра сестру не всякая любитъ, поясъ даже отцу Павлу принялась вышивать, только не дошила почему-то. Даже и Павлушу Надя полюбила, и теперь находила его совсѣмъ красивымъ; тотъ ее все на рукахъ носилъ, потому что у Нади еще ножки очень слабы были, а у того руки здоровенныя...

Въ такихъ случаяхъ Груня не ревновала нисколько, да ей и некогда было: У Ивана Акимовича она нашла въ хозяйствѣ, въ туалетѣ особенно, такіе невозможные беспорядки и удушенія, что исправленіе всего этого заняло чуть не все время, отъ Рождества до Пасхи.

Иванъ Акимовичъ на цѣлую недѣлю, это какъ разъ на Страстной было, въ городъ уѣхалъ, тамъ обратился къ женѣ своего пріятеля одного, и съ нею цѣлые дни по лавкамъ тоскался. Чего-чего не закупилъ для себя и сына, а главное для Груни... Кольца тоже заказалъ тамъ, и имена велѣлъ вырѣзать, а числа помѣтить такія, чтобы какъ разъ на красную горку выходило!..

— И ты бы въ одинъ, вмѣстѣ! — говорилъ онъ Василю Ивановичу, вернувшись...

— Нельзя!.. — отвѣчалъ Шелобовъ. — У меня матушка жива... Хуторишко есть тамъ, подъ Омскомъ... Мы вотъ туда поѣдемъ, представимся, да и къ отцу протопопу, если живъ только старикъ...

— Это гдѣ «лѣса такіе дремуучіе!» — полюбопытствовала Надя.

— Въ самомъ томъ мѣстѣ! — улыбаясь, цѣловалъ ее лобикъ Василій Ивановичъ...

И всѣ были очень счастливы.

Э п и л о г ъ .

Прошло лѣтъ девять... Да, ровно даже девять... я это отлично помню. Въ этомъ году снаряжена была большая научная экспедиція, для самаго всесторонняго изслѣдованія верховьевъ рѣки Аму. Чуть не цѣлый годъ тогда мы шатались по горамъ и долинамъ, заходили въ такія мѣста, гдѣ до насъ не только европейской ноги, а никакой человѣческой не было... Изучили и изслѣдовали все какъ слѣдуетъ, пора была и домой возвращаться.

Вотъ обратную-то дорогою посѣтилъ я глухой фортъ... Ничего, слава Богу, все стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, только Иванъ Акимовичъ уже не служитъ больше, устарѣлъ очень, бѣлый какъ лунь сталь, самъ не ходитъ, а его подъ руки водятъ, и начальства своего прямого въ грошъ не ставятъ. Удивительный сталъ либераль!.. Можетъ быть потому, что начальство у него немножко пристрастное... Комендантомъ форта теперь вѣдь Павелъ Ивановичъ Глухаревъ, маіоръ и кавалеръ, а комендантша такая, что и въ главномъ штабѣ глубокое уваженіе чувствуютъ... Я у нихъ трое сутокъ прожилъ и Груня, виноватъ, мадамъ Глухарева, прощаясь, говорила мнѣ:

— Вы вѣдь, я знаю, тамъ все описываете, романы да повѣсти разныя сочиняете... Вы ужъ не компрометируйте меня передъ публикою, не говорите, что у меня уже шестеро... Пожжалуйста...

Я ей общалъ, и видите, я промолчалъ объ этомъ обстоятельстве...

Узнали Глухаревы, что я на Омскъ поѣду, западно-сибирскимъ большимъ трактомъ, сейчасъ письмами и порученіями завалили. Письма бы еще ничего, а вотъ порученія... Думалъ было

на-легкѣ, на парочкѣ прокатиться, а пришлось припрягать третью... Шутка ли! Какъ вытащили мнѣ боченковъ разныхъ, да кулечковъ, да ящичковъ... Впрочемъ, ничего! Тарантасъ у меня казанской работы, крѣпкій и накатистый, выдержалъ дорогу, все довезъ, ничего не попортилось.

Нашелъ я Шелобовыхъ въ добромъ здоровьѣ... У нихъ всего только трое, но ребята отмѣнные, особенно старшій мальчишка, Павлушею почему-то назвали...

Надежда Федоровна похорошѣла, потолстѣла, только немного... Шелобовъ говорить, что это ничего, ей къ лицу...

Самъ онъ давно бросилъ службу, хозяйничаетъ, охотится.

Конецъ.